

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
КОММУНИСТИЧЕСКИЙ
ИНТЕРНАЦИОНАЛ
N 6-8
№ 6
Москва
Кремль.
Петроград-
Смольный.
Октябрь
1919

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

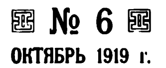
КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ОРГАН ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

ВЫХОДИТ ОДНОВРЕМЕННО НА РУССКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ, НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

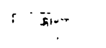
Журнал выходит под редакцией Г. Зиновьева и при ближайшем участии Ленина, Троцкого, Бухарина, Луначарского, Покровского, Рязанова, Каменева (Россия), Сирола, Маннера, Куусинена (Финляндия) Хеглунда, Стрема, Чильбума, Гримлунда (Швеция), Траммеля (Норвегия), Роланд Хольст, Паннекука, Гортера, Вейнкупа, Ретгерса Равестейна (Голландия), Благоева, Коларова Киркова, Кабакчиева (Болгария) Грубера Томана (Австрия), К. Цеткиной, М Альберта Леви Радека (Германия) Ротштейна, Панкхерст (Англия), Лорио Сомоно Гильбо Садуля, Перика (Франция), Серрати, Балабановой (Италия), Платтена, Мюнценберга, Мюнха, Эмбер Дроза (Швейцария), Бела Куна, Рудаша, Руднянского (Венгрия) Мархлевского Карского (Польша) и мн др

В вышедших номерах, между прочим, были помещены статьи следующих авторов: М Альберта, А Балабановой, В Быстрянского, Н Бухарина, Анри Гильбо, М Горького, Г Гортера, К Грубера, Г Зиновьева, А Луначарского, Н. Ленина, Дж Маклина, Ю Мархлевского (Карского), Е. Мюнха, Э Панкхерст, Ф. Платтена, М. П. Прайса, А Руднянского, Ж Садуля, Сирола, К Тимирязева, Л Троцкого, З. Хеглунда, К Цеткиной

№ 6

ОКТЯБРЬ 1919 г.

КОНТОРА ИЗДАТЕЛЬСТВА
ПЕТРОГРАД, СМОЛЬНЫЙ, КОМНАТА 32-33
Телефон 161-20 и 1 19

РЕДАКЦИЯ:
ПЕТРОГРАД, СМОЛЬНЫЙ,
Каб Г ЗИНОВЬЕВА.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

По поводу наступающей второй годовщины октябрьской революции мне кажется поучительным подчеркнуть одну черту ее, на которую в воспоминаниях и статьях до сих пор не обращалось должного внимания. Октябрьское восстание было, так сказать, заранее назначено на определенное число, на 25-е октября, назначено не на тайном заседании, а открыто, всенародно, — и произошло это победоносное восстание в день 25-го октября 1917 года, как было намечено.

Мировая история знает не мало революционных переворотов и восстаний. Но тщетно память пытается найти в истории другое восстание угнетенного класса, которое было бы заранее во всеуслышание назначено на определенное число и было бы в положенный день совершено и притом победоносно. В этом смысле, как и во многих других, октябрьский переворот является единственным и несравненным.

Захват власти в Петрограде был приурочен ко второму с'езду Советов. Это „совпадение" не было делом заговорщицкого расчета, а вытекало из всего предшествующего хода революции и в частности — изо всей агитационной и организационной работы нашей партии. Мы требовали перехода власти к Советам. Вокруг этого требования мы сплотили под знаменем нашей партии большинство членов во всех важнейших Советах. Далее, стало-быть, мы не могли уже „требовать" перехода власти к Советам; как руководящая партия Советов, мы должны были эту власть взять. Мы не сомневались, что 2-й С'езд Советов даст нам большинство. В этом не могли сомневаться и наши враги. Последние изо всех сил противились созыву 2-го С'езда. Так, на заседании советской секции „Демократического Совещания" Дан всячески пытался сорвать назначение 2-го С'езда Советов и, когда это не удалось, постарался отсрочить созыв. Нежелательность созыва С'езда Советов меньшевики и с.-р. обосновывали именно тем, что С'езд может стать ареной попытки захвата власти со стороны большевиков. Мы, со своей стороны, настаивая на скорейшем созыве С'езда, нисколько не скрывали при этом, что, по нашей мысли, С'езд нужен именно для того, чтобы вырвать власть из рук правительства Керенского. В конце концов, при голосовании в советской секции Демократического Совещания, Дану удалось перенести созыв 2-го С'езда с 15-го на 25-е октября. Таким образом, „реальный" политик меньшевизма выторговал у истории отсрочку ровным счетом в 10 дней.

На всех петроградских собраниях, как рабочих, так и солдатских, мы ставили вопрос так: 25-го октября соберется 2-й Всероссийский С'езд Советов; петроградский пролетариат и гарнизон потребуют от С'езда, чтобы он в первую голову поставил вопрос о власти и разрешил его в том смысле, что с настоящего часа власть принадлежит Всероссийскому С'езду Советов; в случае, если правительство Керенского попытается разогнать С'езд, — так гласили бесчисленные резолюции, — петроградский гарнизон скажет свое решающее слово.

Агитация велась изо дня в день. Назначив С'езд на 25-е октября, поставив заранее первым и в сущности единственным „пунктом" порядка дня осуществление (не обсуждение, а осуществление) перехода власти к Советам, т. е. назначив государственный переворот на 25-е октября, мы открыто, на глазах „общества" и его „правительства" готовили вооруженную силу для этого переворота.

С подготовкой С'езда тесно сплелся вопрос о выводе значительной части гарнизона из Петрограда. Керенский боялся петроградских солдат (с полным основанием). Он предложил Черемисову, командовавшему тогда северной армией, вызвать ненадежные полки на фронт. Черемисов, как свидетельствует найденная после 26-го октября переписка, уклонялся от этого, считая петроградский гарнизон „распропагандированным" и потому непригодным для применения в империалистской войне; но под давлением Керенского, который руководился чисто-политическими мотивами, Черемисов отдал соответственный приказ.

Как только приказ о выводе частей был из штаба округа передан Исполнительному Комитету Петроградского Совета „на исполнение", нам, представителям пролетарской оппозиции, стало ясно, что этот вопрос в дальнейшем своем развитии может

получить решающее политическое значение. В беспокойном ожидании назначенного на 25-е октября государственного переворота Керенский сделал попытку обезоружить мятежный Петроград. Нам оставалось только на этом вопросе противопоставить не одних рабочих, но и весь гарнизон правительству Керенского. Прежде всего было решено создать, в виде Военно-Революционного Комитета, орган проверки военных оснований приказа о выводе Петроградского гарнизона. По существу, таким образом, на ряду с политическим представительством гарнизона (солдатская секция Совета) создан был революционный оперативный штаб этого гарнизона.

Меньшевики с эсерами опять-таки сразу „постигли“, что дело идет о создании аппарата вооруженного восстания, и открыто об этом заявили на заседании Совета. Проголосовав против образования Военно-Революционного Комитета, меньшевики, однако, вошли в его состав — не то в качестве нотариусов, не то в качестве писцов при акте государственного переворота. Выторговав предварительно для своего политического существования лишних десять дней, они затем обеспечили за собой право присутствовать, в качестве почетных ассистентов, при своей политической смерти.

Итак, С'езд был назначен на 25-е октября. Партией, которой было обеспечено большинство, поставлена была С'езду задача—овладеть властью. Гарнизон, отказавшийся выходить из Петрограда, был мобилизован на защиту будущего С'езда. Военно-Революционный Комитет, противопоставленный штабу округа, был превращен в революционный штаб Петроградского Совета. Все это делалось совершенно открыто, на глазах всего Петрограда, правительства Керенского, всего мира. Факт — единственный в своем роде.

В то же время в партийных кругах и в печати открыто обсуждался вопрос о вооруженном восстании. Дискуссия в значительной мере отвлекалась от хода событий, не связывая восстания ни со С'ездом, ни с выводом гарнизона, а рассматривая переворот как конспиративно подготовленный заговор. На деле вооруженное восстание не только было нами „признано“, но и подготовлялось к заранее определенному моменту, причем самый характер восстания был предопределен,—по крайней мере, для Петрограда — состоянием гарнизона и его отношением к С'езду Советов.

Некоторые товарищи скептически относились к мысли, что революция назначена „по календарю“. Более надежным казалось провести ее строго конспиративным образом, использовав столь важное преимущество внезапности. В самом деле, ожидая восстания на 25 октября, Керенский мог, казалось тогда, подтянуть к этому числу свежие силы, произвести чистку гарнизона и пр.

Но в том-то и дело, что вопрос об изменении состава Петроградского гарнизона стал главным узлом подготовлявшегося на 25-е октября переворота. Попытка Керенского изменить состав Петроградских полков заранее оценивалась, — и вполне основательно, — как продолжение Корниловского покушения. „Легализованное“ восстание к тому же как бы гипнотизировало врага. Не доводя своего приказа об отправке гарнизона на фронт до конца, Керенский в большой степени повысил самоуверенность солдат и тем самым еще более обеспечил успех переворота. После переворота 25-го октября меньшевики, и в первую голову Мартов, много говорили о захвате власти кучкой заговорщиков за спиной Совета и рабочего класса. Трудно выдумать более злостное издевательство над смыслом фактов! Когда мы на совещании советской секции Демократического Совещания назначали большинством голосов С'езд Советов на 25 е октября, меньшевики говорили: „вы назначаете переворот“. Когда мы, в лице подавляющего большинства Петроградского Совета, отказались вывести петроградские полки, меньшевики говорили: „это начало вооруженного восстания“. Когда мы в Петроградском Совете создали Военно-Революционный Комитет, меньшевики констатировали: „это аппарат вооруженного восстания“. А когда в назначенный день при помощи заранее „изобличенного“ аппарата своевременно предсказанное восстание действительно произошло, те же меньшевики завопили: „кучка заговорщиков совершила переворот за спиной рабочего класса“. На деле же, самое большое, в чем нас можно было по этой части обвинить, это то, что в Военно-Революционном Комитете мы подготовляли кое-какие технические подробности „за спиною“ меньшевистских заседателей.

Можно не сомневаться, что попытка военного заговора, независимого от 2-го С'езда Советов и Военно-Революционного Комитета, могла бы в тот период только внести расстройство в ход событий, даже временно сорвать переворот. Гарнизон, в составе которого были политически неоформленные полки, воспринял бы захват власти партией путем заговора, как нечто ему чуждое, для некоторых полков — прямо враждебное, тогда как отказ выступить из Петрограда и решение взять на себя защиту С'езда Советов, которому надлежит стать властью в стране, был для тех же полков делом вполне естественным, понятным и обязательным. Те товарищи, которые считали утопией „назначение“ восстания на 25-е октября, в сущности не дооценивали нашей силы и могущества нашего политического влияния в Петрограде сравнительно с правительством Керенского.

Легально существовавший Военно-Революционный Комитет назначил своих комиссаров во все части петроградского гарнизона и стал, таким образом, в полном смысле слова хозяином положения. Политическая карта гарнизона была у нас перед глазами. Мы в любой момент имели возможность создать необходимую группировку сил и обеспечить за собой все стратегические пункты в Петрограде. Оставалось лишь устранить трения и возможное противодействие со стороны наиболее отсталых, преимущественно кавалерийских частей. Эта работа шла как нельзя лучше. На митингах в полках наш лозунг — не уходить из Питера до С'езда Советов и вооруженной силой обеспечить переход власти к Советам — встречал почти безраздельное признание. В наиболее консервативном Семеновском полку Скобелев и Гоц, преподнесшие Семеновцам гвоздь сезона — предстоящую дипломатическую поездку Скобелева в Париж в целях воспитательного воздействия на Ллойд-Джорджа и Клемансо,— не только не вызвали энтузиазма, но, наоборот, потерпели полное поражение. Большинство голосовало за нашу резолюцию. В цирке Модерн на собрании самокатчиков, которые считались опо-

рой Керенского, наша резолюция прошла подавляющим большинством. Генерал-квартирмейстер Пораделов говорил в высшей степени примирительно и заискивающе. Но его уклончивые поправки к резолюции были отклонены.

Последний удар врагу был нанесен в самом сердце Петрограда, в Петропавловской крепости. Видя настроение крепостного гарнизона, который весь перебывал на нашем митинге во дворе крепости, помощник командующего округом в самой любезной форме предложил нам „сговориться и устранить недоразумения". Мы, со своей стороны, обещали принять необходимые меры к полному устранению недоразумений. И действительно, через два-три дня после того было устранено правительство Керенского, это крупнейшее недоразумение русской революции.

История перевернула страницу и открыла советскую главу.

Л. ТРОЦКИЙ.

14 сентября 1919 года.
Балашов—Себряково.

ПЕРВОЕ ПРОЛЕТАРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

В дыму и пламени революционных событий, в моменты, когда чрезвычайно велико стихийное творчество масс, — невероятно трудно подробно рассказать ход событий, трудно даже вспомнить отдельные эпизоды с точки зрения, так сказать, последовательности, прагматизма их.

Помнится, что, когда в кругу лиц, с самого начала стоявших во главе революции, однажды, например, хотели вспомнить, кто первый придумал названия „Народный Комиссар" и „Совет Народных Комиссаров", — то только после долгих споров и обмена воспоминаниями удалось установить, что это были предложения Л. Д. Троцкого.

Не только сами события, но и отдельные предложения, решения и т. п., казалось, создавались и творились не лицами, но всей революционной массой, стихийным развитием революции.

И это особенно верно в отношении такой организации как Военно-Революционный Комитет, который из органа обороны революции очень скоро стал органом организации ее, — в момент общего саботажа всего старого государственного аппарата сделался единственным правительством, в себе самом совмещавшем все функции власти. Правда, на очень короткое время. Ибо пролетарской революции скоро удалось и сломить саботаж и наладить свой новый аппарат.

Но был момент в революции, когда никаких аппаратов не существовало и когда вся государственная работа осуществлялась Военно-Революционным Комитетом, который, следовательно, по праву может быть назван первым пролетарским революционным правительством.

Идея создания Военно-Революционного Комитета впервые возникла в Корниловские дни. Авантюра Корнилова была направлена, главным образом, против Советов. Меньшевистско-всеровское правительство Керенского колебалось между революцией и контр-революцией; существовало даже подозрение, что сам Керенский всецело подпавший влиянию окружавших его и нагло льстивших ему царских генералов, — находится в стачке с Корниловым и его сворою. И даже Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, всецело тогда еще находившийся под влиянием меньшевиков и правых всеров, — все же под давлением снизу был вынужден выступить на защиту революции и создал Военно-Революционный Комитет, как боевую полу-военную организацию для обороны ее. Немедленно же повсюду в провинции и на фронтах были созданы по этому типу свои Военно-Революционные Комитеты.

Благодаря неуверенной колеблющейся политике меньшевиков и эсеров, во всех этих Военно-Революционных Комитетах большевики получили руководящую роль, несмотря на то, что они тогда еще повсюду находились в меньшинстве. Это в значительной мере подняло их престиж в массах. А так как Военно-Революционным Комитетам удалось отстоять революцию, и авантюра Корнилова окончилась позорной неудачей, то сами Военно-Революционные Комитеты, как тип подобной боевой советской организации, приобрели громадную популярность.

Когда Петроградский Совет сделался большевистским, ясно стало, что новое революционное восстание надвигается семимильными шагами; ясно было, что ни мещанское правительство Керенского, ни меньшевистско-эсеровский В. Ц. И. К. не могут терпеть рядом с собой постоянной угрозы в лице Революционного Питерского Совета. Было очевидно, что они воспользуются тем или иным подходящим случаем, чтобы попытаться уничтожить его. И поэтому постановлением Исполнительного Комитета Петроградского Совета, вновь был создан Военно-Революционный Комитет.

Это был период весны пролетарской революции. Полные энергии и сил, исполненные веры в себя и в свою победу, петроградский пролетариат и гарнизон, почти целиком большевистские, рвались в бой. Уже открыто говорили большевистские ораторы о новом этапе революции. На десятитысячных митингах председателю Питерского Совета Л. Д. Троцкому удавалось приводить рабочих и солдат в состояние почти экстаза, когда они все, как один, клялись не отступать ни на шаг в момент неизбежного и решительного боя. И было несомненно, что никто не нарушит этой клятвы. Это понимали и представители партий, находившихся у власти. На одном из заседаний В. Ц. И. К. тогдашний министр Церетелли в частной беседе сказал пишущему эти строки: „Что вы победите,— это теперь ясно. Но мы все же, худо ли хорошо ли, держались шесть месяцев. Если вы продержитесь хотя бы шесть недель, я признаю, что Вы были правы". Прошло два года, мы не только „держимся", но с каждым днем крепнем и приобретаем все новых союзников...

На 25 октября (7 ноября) назначен был Всероссийский С'езд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Предвиделось, что большинство на нем будет за большевиками. Меньшевики и эсеры пытались, спасая себя, отсрочить С'езд. Но провинциальные Советы не подчинились постановлению В. Ц. И. К. и приняли предложение Петроградского Совета о созыве С'езда в назначенный срок. Депутаты с'езжались, и действительно почти все они были большевики и левые эсеры. Конфликт быстро назревал. Ночь с 24-го на 25 должна была стать решающей.

В эту ночь в стенах Смольного появились тт. Ленин и Зиновьев, которые с июльских дней принуждены были скрываться. В маленькой комнатке второго этажа в Смольном почти перманентно заседал Центральный Комитет Российской Коммунистической Партии. Его постановлением в Военно Революционный Комитет в качестве его представителей были делегированы покойный т. Урицкий и пишущий эти строки, вскоре ставший председателем Комитета.

Военно-Революционный Комитет заседал наверху, в третьем этаже, кажется, в комнате номер 75. Рядом с ним помещался штаб, тогда состоявший исключительно из тт. коммунистов и левых эсеров, имевших отношение к военной работе; военных специалистов еще не было. Но главная работа в этот период производилась не в Военно-Революционном Комитете, а по рабочим районам и в полковых казармах.

Вечером 24-го все телефоны Смольного и лиц к нему причастных были выключены из общей телефонной сети. Это было об'явлением войны.

Немедленно Военно-Революционным Комитетом был отдан приказ занять телефонную станцию. Это было выполнено без кровопролития.

Раз дело было начато, нужно было его продолжать. Одно за другим занимались остальные необходимые правительственные учреждения. Сопротивления нигде не было оказано. Только в Зимнем Дворце, где помещалось Временное Правительство, отстреливался засевший там женский батальон. Шесть человек из наступавших революционеров было убито. Из женщин не пострадала ни одна. Эти шесть героев были единственными жертвами пролетарской революции...

Забегая вперед, для характеристики гуманного и даже добродушного отношения рабочих и солдат к своим врагам в первые дни революции, хочется отметить, что, когда через несколько дней в В.Р.К. явились представители гарнизона и рабочих с просьбой принять какое-нибудь решение относительно этих женских батальонов и пишущий эти строки задал им вопрос, что же по их мнению следует сделать, то, несмотря на озлобление, все время существовавшее в солдатской среде против этого детища Керенского, они ответили: „Переодеть опять бабами и пустить по домам". Так и было поступлено. Поиски такого большого количества женского платья вызвали в В. Р. К. много смеха, тем более, что часть женщин-воячек пришлось переодеть в найденное в подвалах Смольного платье бывших институток, которое не слишком то воинственно выглядело, да и для многих было очень коротко.

Впечатление от борьбы в эту решающую ночь было таково, что наступает Временное Правительство, революция же только защищается. Когда главные правительственные учреждения в Петрограде были заняты восставшими, когда ни один из полков Петроградского гарнизона не выступил против революционеров, но наоборот— все перешли на нашу сторону, — стали поступать донесения из окрестностей: „из Павловска на Петроград двинулись юнкера", „из Царского и Красного идут такие-то полки" и т. д. и т. п. Но когда эти полки, столкнувшись с шедшими к ним на встречу красными батальонами, либо возвращались, либо переходили на их сторону, тогда стало ясно, что революция победила.

Собравшемуся опять на рассвете Ц. К.Р. К. П. уже можно было констатировать это. И как раз один из противников восстания, Л. Б. Каменев, первый заметил: „Ну, что же, раз дело сделано, надо составлять министерство". И тогда составлен был первый Совет Народных Комиссаров.

Днем открылся с'езд, почти единодушно санкционировавший все происшедшее и единогласно принявший знаменитые декреты о „мире и о „земле".

Власть была создана, но аппарата власти не было. Все учреждения саботировали. Повсюду в министерствах на лицо находились только курьеры и низшие служащие.

Пока вновь избранные Народные Комиссары боролись с этим саботажем и организовали свои комиссариаты,—В. Р. К. приходилось иметь дело с сотнями и тысячами посетителей, вереницей стоявших у его дверей и заполнявших не только корридоры, но и лестницы.

Весь аппарат Военно-Революционного Комитета состоял из двух-трех секретарей и нескольких машинисток. Поэтому членам его приходилось все двадцать четыре часа сплошь заниматься опросом посетителей и тут же решать все дела. Приходили в Военно-Революционный Комитет все. Являлся перепуганный обыватель с покорнейшей просьбой дать ему охранную грамоту; иностранцы просили разрешения на выезд; приходили рабочие, взявшие в свои руки управление заводами и требовавшие то де іег, то различных указаний; тянулись дамы, студенты, военные, чиновники, каждый со своими нуждами; — приводили арестованных, подозреваемых в контр-революции. Пришлось создать под руководством т. Дзержинского для рассмотрения подобных дел специальный отдел, из которого впоследствии выкристализовалась Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контр-революцией. Несмотря на саботаж всех учреждений, Петроград хотел есть, Петроград хотел жить: В.-Р. Комитету приходилось отапливать, освещать, кормить, снабжать... Профессиональная организация железнодорожников „Викжель", со времен Керенского претендовавшая на право участия в составлении правительства, пыталась и теперь вмешиваться; Военно-Революционному Комитету приходилось много возиться и с этой организацией.

Во всей этой суматохе и сутолоке, в атмосфере постоянного кипения и горенья едва запоминались отдельные эпизоды деятельности В. Р. К. И только изредка иные из них производили некоторую сенсацию. Таким эпизодом, например, было появление в В. Р. К. знаменитейших наших

ученых, членов Академии Наук, пришедших ходатайствовать об освобождении министров Временного Правительства, в качестве лиц, по их словам, „аполитичных“. Большинство членов В. Р. К. в свое время провели многие годы в царских тюрьмах и на каторге, и такое ходатайство вызвало естественный вопрос—почему же „аполитичные“ ученые тогда не ходатайствовали перед царским правительством. В освобождении арестованных министров было отказано, но просьба об улучшении их положения была целиком удовлетворена.

Тревожные минуты пришлось пережить Военно-Революционному Комитету во время наступления на Петроград Керенского и Краснова. И тут главное руководство обороной происходило на фронтах, а роль В. Р. К., куда постоянно являлись представители от полков и Красной Гвардии (Красной Армии тогда еще не существовало), сводилась, главным образом, к улаживанию всяких недоразумений. То приходило сообщение, что в такое то место прибыли зарядные ящики, но не прибыли орудия или наоборот; то жаловались, что артиллерия пришла без прикрытия; то иной отряд затерялся и не знал, куда ему итти. Приходилось немедленно наводить справки и принимать срочные меры. Но более всего приходилось успокаивать то там, то здесь возникавшую панику. Самый тот факт, что в Смольном днем и ночью сидят товарищи, спокойно делающие свое дело и готовые немедленно принять нужные меры, действовал успокоительно на делегатов фронта; иные приходили совершенно растерянные, а уходили вполне успокоенные. Как сейчас помню одного особенно нервничавшего командира, которого долго пришлось убеждать, что вся эта путаница вполне естественна в условиях полного отсутствия какого бы то ни было военного аппарата, но что мы все же победим, ибо массы за нас, и который в конце концов воскликнул: „Верно, товарищи, во французской революции хуже бывало, там целыми полками сдавались друг другу“...

Постепенно работа входила в колею. Военно-Революционный Комитет разгружался, частью передавая работу в другие наладившиеся учреждения, куда он назначал своих комиссаров, частью же благодаря тому, что народным Комиссарам удавалось сломить саботаж или создавать аппарат из новых лиц. Работа постепенно переходила в Народные Комиссариаты. Военно-Революционный Комитет становился ненужным и был распущен.

* * *

Военно-Революционный Комитет был действительно пролетарским правительством. Он был только исполнительным органом пролетариата, ибо вся революционная масса принимала участие в его работе. В огне революции он ковал оружие для будущих боев, осуществляя творческую волю пролетариата. Трудно даже указать, что делали в эти дни те или иные лица. Вся революционная стихия действовала как один человек. Все, как одно целое, боролись и творили; единой волей к победе охвачены были трудящиеся. И поэтому революция победила.

А. ИОФФЕ.

Петроград
25 октября 1919 г.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЛЕТАРИАТ.

К двухлетию пролетарского переворота в России.

На сентябрь 1914 года в Вене назначен был международный социалистический конгресс, долженствовавший получить важнейшее значение в истории международного рабочего движения. В 1914 году исполнялось 50 лет со времени основания первого Международного Товарищества Рабочих (первого Интернационала). Предполагалось торжественно отпраздновать 50-летие первого Интернационала, и вместе с тем предполагалось окончательно определить тактику борьбы международного пролетариата против мировой империалистической войны, которая надвигалась с неизбежностью рока.

Вместо этого, в августе 1914 года, грянула мировая империалистическая бойня, которая продолжалась 4½ года.

Международное Социалистическое Бюро, руководимое Гюисмансом и Вандервельдом, издало в Вене, по соглашению с официальной австрийской социал-демократией, юбилейный сборник-альманах второго Интернационала. В этом сборнике собраны были все резолюции Интернационала по вопросу о войне, некоторые речи, статьи и изречения выдающихся деятелей международного социализма против войны. Когда началась империалистическая бойня и когда все официальные социалисты обанкротились и сдали наше красное знамя буржуазии, друзья Виктора Адлера и Эмиля Вандервельда поспешили „из'ять из употребления“, попросту спрятать названный юбилейный сборник Интернационала. И они поступили со своей точки зрения совершенно правильно. Каждая строка этого сборника хлестала по лицу официальных жрецов казенной социал-демократии. Каждая резолюция, каждая из приведенных в этом сборнике речей и статей вопияла о неслыханном предательстве, совершенном Шейдеманами, Викторами Адлерами и Зюдекумами, Реннерами, Ренoделями, Гендерсонами, Гюисмансами и компанией. Вожди обанкротившегося второго Интернационала должны были теперь убояться своей собственной тени. Они не могли не прятаться от собственного своего прошлого.

В самом деле. Как стоял вопрос о войне и революции до начала нынешней войны?

В позорной ренегатской брошюре „Диктатура пролетариата“, выпущенной Каутским осенью 1918 года, этот бывший социалист, отрекаясь от граж-

данской войны, на все лады убеждает рабочий класс в том, что грешно ему браться за оружие и что не может быть и речи о социалистическом перевороте уже в данный момент. А между тем, вот что писал тот же самый Каутский еще десять лет тому назад:

„Социализм ныне стал уже экономической необходимостью. Срок его наступления есть уже только вопрос силы. Дать пролетариату эту силу при помощи организации и просвещения — является ныне более, чем самой важной задачей социал-демократии. Нет ничего более странного, чем те социалисты, которые думают, что теперь надо еще заботиться о дальнейшем развитии сил капитализма". Так писал Каутский еще в 1907 году в его брошюре „Социализм и колониальная политика" (стр. 37 нем. изд.).

Другой из крупнейших теоретиков второго Интернационала, Рудольф Гильфердинг писал в своем „Финансовом Капитале".

„Социализм перестает быть отдаленным идеалом, перестает быть даже той „конечной целью", которая просто указывает общее направление „текущих требований". Социализм становится существенным элементом в непосредственной практической политике пролетариата... Ответом пролетариата на экономическую политику финансового капитала, на империализм, может быть не свобода торговли, а только—социализм... социализм, в качестве единственного ответа на империализм, должен выдвинуться на первый план пропаганды... По своим общим тенденциям, финансовый капитал знаменует установление общественного контроля над производством. Но это—обобществление в антагонической форме, господство над общественным производством остается в руках олигархии. Захват шести крупных берлинских банков уже в настоящее время был бы равносилен захвату важнейших сфер крупной промышленности и до чрезвычайности облегчил бы первые шаги политики социализма в тот переходный период, когда капиталистический метод счетоводства представляется еще целесообразным. (Цитируем по русскому переводу 1912 г., стр. 567, 568, 569).

Третий жрец погибшего второго Интернационала, Отто Бауэр еще ровно десять лет тому назад, в 1908 году, в его известной книге „Национальный вопрос и социал-демократия" заявлял буквально следующее:

„Несомненно, что будущая империалистическая мировая война повлечет за собой революционный переворот... Империалистическая всемирная катастрофа, несомненно, будет началом социалистического мирового переворота".

В таком же духе говорил Бебель еще во время Марокского конфликта. В его известной речи в рейхстаге Бебель заявил:

„Тогда наступит катастрофа. Тогда (т.-е. когда начнется мировая война) наступит величайшая в Европе война, в которой от 16 до 18 миллионов людей, цвет всех наций, вооруженные лучшими орудиями убийства, бросятся друг на друга".

„Но по моему убеждению, за великой мировой войной стоит великая мировая революция... Вы пожнете то, что посеяли. Наступают сумерки богов для буржуазного строя. Да, будьте уверены, господа: эти сумерки совсем уже близки. Вы пришли теперь к тому пункту, когда вы сами подкапываете основы вашего государственного и общественного строя. Вы сами привели к тому, что уже слышен похоронный звон по вашему государственному и общественному порядку".

И не только отдельные вожди второго Интернационала, но и самые ответственные организации его говорили в том же духе. В официальном партийном документе, опубликованном в 1912 году Центральным Комитетом германской социал-демократии, говорилось:

„Если бы триста магнатов капитала были заменены доверенными людьми пролетариата, все производство без дальнейших затруднений могло бы быть направлено в интересах рабочих классов вместо интересов капитала, и переход к социалистической организации производства был бы начат. Настолько созрела уже предварительная работа, выполненная капитализмом". (Брошюра „Империализм и Социализм", 1912 г., стр. 3).

Империалистическая война родит социалистическую революцию. Так заявил второй Интернационал в 1907 г. в известной резолюции международного Штуттгартского конгресса. Империалистическая война неизбежно родит социалистическую революцию—так продолжали заявлять самые ответственные, самые выдающиеся представители второго Интернационала вплоть до 1912 года.

Да, что мы говорим—„вплоть до 1912 года!" Еще накануне начала войны, еще, можно сказать, за 24 часа до первого выстрела, официальные представители второго Интернационала продолжали утверждать то же самое.

Трудолюбивый профессор-пацифист, Карл Грюнберг выполнил следующую работу. Он собрал в двух толстых томах все резолюции, статьи, речи официальных социалистических организаций и вождей, обнародованные за день, за два до начала войны 1914 года.

Картина была уже совершенно ясна. Все ответственные политики видели, что надвинулась та самая война, пришествие которой социалисты предсказывали втечение 10—15 лет. Все вожди социалистических партий убедились, что прав был Базельский международный конгресс, заявивший, что балканская война 1912 года есть только увертюра, есть только предисловие к большой, всеевропейской мировой империалистической войне. Основные группировки в начале августа 1914 года (по нов. ст.) были уже совершенно ясны.

И пока не грянул первый выстрел, официальные социалисты по инерции продолжали говорить еще правду. И все они в один голос утверждали что эта война есть война не справедливая, а нечестивая, что это будет война из-за интересов маленькой кучки капиталистов. И все они в один голос доказывали рабочим своих стран, что их интересы, их честь требуют самого резкого протеста и самой решительной борьбы против надвигающегося преступления.

Книга профессора Грюнберга, сухой сборник официальных материалов, является красноречивейшим обвинительным актом против социал-оборонцев всех стран. Каждая строка в этой книжке хле-

щет, как бич, по лицу господ социал-предателей.

Эрве, нынешний базарный крикун, Эрве, нынешний вдохновитель похода французских империалистов против великой русской рабочей революции, даже Эрве еще 28 июля 1914 года писал:

„Война для защиты маленьких наций, угнетаемых великой державой? Это было бы слишком хорошо! Но давно уже в Европе нет ни одной великой державы, у которой руки не были бы в крови.

„Нет, не война для защиты маленького сербского народа, но война для защиты престижа нашего союзника, царя.

„Честь нашего союзника! Честь русского правительства! При одном этом слове Рабле, Вольтер, Виктор Гюго перевернутся в гробу. Русское правительство не было так чувствительно на счет своей чести, когда оно душило Финляндию и Польшу, когда оно спускало свои черные сотни на еврейское население Киева и Одессы.

„Биться во имя спасения престижа царя! Какой превосходный мотив для народа, которого предки сделали великую революцию! Какая радость умереть за такое благородное дело! („La Guerre Sociale", 28 июля 1914 года).

А покойный Жорес, убитый за несколько часов до того, как война началась, Жорес в речи, произнесенной в одном из предместьев Лиона за четыре дня до своей смерти говорил:

„Колониальная политика Франции, боящаяся света политика России, насильническая воля Австрии—вот что содействовало созданию того ужасного положения, в котором мы находимся. Граждане, если военная гроза разразится, все мы, социалисты, должны позаботиться о том, чтобы спастись возможно скорее от того преступления, которое совершат правящие классы".

А центральный орган официальной германской социал-демократии за сорок восемь часов до начала войны помещал статью за статьей, которые доказывали, что эта война будет величайшим преступлением против рабочих...

Но вот грянули первые выстрелы, и официальные вожди казенных социал-демократических партий об'явили черное белым, а белое—черным. Преступнейшая из войн под их пером превратилась в „великую" „освободительную" войну. Каждая из официальных социалистических партий звала своих рабочих: защищайте „свое отечество", т.-е. свою буржуазию, т.-е. своего хозяина. Принципы социализма были забыты, красные знамена затоптаны в грязь, честь и совесть были об'явлены предрассудками.

Не было той измены, которой не совершили бы по отношению к рабочим всех стран официальные вожди казенной социал-демократии. Каждого честного социалиста об'являли фантастом, сумасшедшим, преступником, врагом своего собственного народа. В каждого честного интернационалиста, который поднимал голос протеста против империалистической бойни, официальные жрецы второго Интернационала бросали комья грязи. Полилась священная рабочая кровь. Вся Европа превращена была в одно гигантское кладбище.

* * *

Теперь, когда мы пишем эти строки, исполнилось уже целых четыре года со времени Циммервальдской международной конференции. Жутко вспомнить то время, когда в глухую швейцарскую деревушку со всей Европы собралось только около двух десятков социалистов всех стран, имевших в тот момент за своей спиной, в лучшем случае, только сотни сторонников во всей окровавленной и измученной Европе.

В Германии интернационалисты во главе с Либкнехтом делали только свои первые шаги. По всей Германии господствовала тишина кладбища. С безграничным высокомерием, с тупоумной самоуверенностью господа Шейдеманы третировали отдельных смельчаков интернационалистов, будучи уверены в том, что массы рабочих идут за ними, официальными представителями казенного, с позволения сказать, социализма.

Еще хуже обстояло дело в Австрии. В 1915 году, в момент, когда собралась Циммервальдская конференция, отдельных смельчаков интернационалистов в Австрии можно было пересчитать по пальцам. Официальная австрийская социал-демократия, руководимая Виктором Адлером, целиком и без остатка перешла на службу к австрийской монархии.

Во Франции, в Англии социал-шовинизм справлял свои оргии безвозбранно.

В Италии официальная партия не голосовала за военные кредиты, но громадное большинство ее вождей оставались в плену пацифистских идей и не хотели и слышать об открытой революционной войне.

О России нечего и говорить. Здесь процветал военно-промышленный „социализм", во главе которого шли, обнявшись, Гучков, Потресов, Плеханов, и Милюков...

Много веры в рабочее дело надо было для того, чтобы в тот момент поднять знамя революционной борьбы за социализм.

Кому из присутствующих на Циммервальдской конференции приходило в голову, что не пройдет и трех лет, как в России совершится социалистический переворот, как вся Европа будет потрясена до основания, как Германия и Австрия будут стоять на рубеже пролетарского переворота, как в Италии и во Франции станет клокотать обостреннейшая классовая борьба?

А между тем, все это пришло, а между тем, мы дожили до этого...

Когда разразилась февральская революция в России, все буржуазные правительства Европы, а вслед за ними и все казенные социал-патриотические партии сразу насторожились.

Значительные слои европейской буржуазии не могли не сочувствовать февральской революции, поскольку она оставалась только буржуазным переворотом, поскольку дело сводилось к тому, что самодержавный режим Николая Романова сменялся буржуазным режимом Милюкова и Гучкова.

Но пройдохи европейского империализма наметали себе глаз. Обостренное чутье крупного собственника, которому начинает угрожать опасность со стороны его бунтующих рабов, сразу же подсказало вождям европейской буржуазии, что февральская буржуазная революция носит в себе зародыши революции рабочей, социалистической.

С первого же момента февральской революции в России, как известно, родились Советы рабочих и солдатских депутатов. И изощренное чутье палачей мирового империализма сразу же подсказало им, что эти Советы имеют очень серьезные шансы стать колыбелью социалистического движения в России.

Советы, — вот враг! так сказала себе европейская биржа.

„Участие мобилизованных солдат в выборах (речь шла тогда о выборах в Учредительное Собрание) было бы полно риска". Так писал официоз французского правительства, газета „Temps", 8 марта 1917 г. И тот же парижский „Temps" 9 марта с бесподобной откровенностью возмущался:

„Мы не понимаем, по какому праву 1600 делегатов от рабочих и солдат собрались в Таврический дворец и оттуда диктуют решения (речь идет о Совете рабочих и солдатских депутатов). Не этот ли импровизированный митинг может играть роль правительства? Английская пресса сделала вчера первое предостережение, мы повторяем его со всей настойчивостью. Ибо, если русская революция вы родится в пародию, скомпрометировано будет все будущее России и всяее свобода". („Temps" №20347).

И в то же самое время центральный орган английских империалистов „Таймс" с бешеной злобой уже в первые дни февральской революции травил так называемых „экстремистов" (так тогда называли на Западе большевиков). Уже 7 марта 1917 года лондонский „Таймс" требовал разоружения петроградских рабочих и настаивал на том, что, если петроградский пролетариат не удастся „успокоить" иначе, то не следует останавливаться перед применением оружия.

„Импровизированный митинг" в Таврическом дворце недаром не давал спать лондонским и парижским банкирам. О, эти люди не забыли движения 48 года и хорошо помнили Парижскую Коммуну 1871 г. И они догадывались, что Советы рабочих и солдатских депутатов ничего хорошего европейской буржуазии не сулят.

Теперь, когда английский империализм идет открытым походом против социалистической России, некоторые удивляются этому обстоятельству. А между тем, уже в начале марта 1917 года, когда буржуазная власть в России переживала свой медовый месяц, еще в тот момент, когда вся русская буржуазия об'являла нашу революцию „великой" как раз за то, что она была маленькой, — уже в этот момент матерые разбойники английского империализма превосходно отдавали себе отчет в том, что происходит. Уже в первых числах марта 1917 года лондонские и парижские биржевые газеты выражали свое теплое сочувствие Николаю Романову. А вождь буржуазной французской республики с трибуны палаты депутатов славословил Николая Кровавого, как человека, который верно исполнил свой долг перед „союзным" французским „народом", который, отрекшись от престола, сделал „благороднейший жест" и к которому русский народ, как и всемирная история, должны хранить самое благоговейное чувство.

Европейская биржа знала, что в борьбе против „импровизированного митинга" рабочих и солдат ей не раз еще придется поклониться в ножки царистской банде. Прожженные дельцы и ловкие канальи буржуазного республиканизма с первого же момента февральской революции ясно отдавали себе отчет в том, что они должны будут в своих классовых интересах еще попытаться реставрировать в России царизм против рабочего класса и крестьянской бедноты.

Всеевропейская буржуазия сразу оскалила зубы против рабочего класса России.

А международный пролетариат? Как откликнулся он на российскую революцию?

Ликование по поводу падения царизма среди трудящихся классов Европы было, разумеется, всеобщее. Но о сколько-нибудь активной поддержке наших Советов в тот момент не было и речи. Всюду и везде рабочий класс продолжал тянуть кровавую лямку войны, всюду и везде он продолжал жить под гнетом осадного положения. Свежий ветер ворвался в обстановку войны. Но — не надолго! И не так силен был этот ветер, чтобы сразу сдунуть со своего пути все те преграды и препятствия, которые история нагромоздила на нем

А официальные „социалисты" всех стран продолжали делать свое Иудино дело. Невиданное в истории по размаху революционное движение они старались использовать для того, чтобы оправдать и продолжить свое предательское дело. И казенные социалисты-соглашатели помогли буржуазии „своих" стран забрасывать клеветой и грязью пролетарские Советы, зародившиеся в России, помогли травить русских большевиков, поднявших знамя коммунистической революции.

А русский пролетариат классовым инстинктом почуял, что окончательный исход начатой им великой тяжбы с русской буржуазией решится в последнем счете тем откликом, который его борьба встретит в других странах. И русский рабочий класс напряженно вперил свой взгляд на Запад, ожидая оттуда братского отклика.

Как земля после долгой засухи воспринимает первые капли благодатного дождя, так исстрадавшийся по честному интернационалистскому слову русский рабочий класс воспринимал каждый, даже самый слабый, намек на интернационалистскую поддержку со стороны западно-европейских рабочих. С распростертыми об'ятиями российский рабочий класс встречал каждого социалиста, приезжавшего из Франции или из Англии, хотя бы этот, с позволения сказать, социалист принадлежал даже к оборонцам.

Доверие, которое русский пролетарий оказывал представителям даже самого подмоченного европейского социализма, было, поистине, безгранично. И этим пользовались русские „социалисты"— соглашатели. Они вполне сознательно подменяли подлинных представителей международного социализма маргариновыми „социалистами"-оборонцами. Они сознательно и планомерно кормили русских рабочих суррогатами. Они нарочно подносили им камень вместо хлеба.

Кто не помнит отвратительных зрелищ, которые разыгрывались в Петроградском Совете в те приснопамятные времена, когда петроградский пролетариат был еще настроен оборончески и когда председателями Петроградского Совета состояли Чхеидзе, Церетелли, Керенский? Кто не помнит, например, приезда в Россию пресловутого Альбера Тома, этого французского Шейдемана? Кто не помнит, как на многолюднейших собраниях

Петроградского Совета старая лиса Чхеидзе брался за руку с социал-мошенником Альбером Тома и они вместе распевали марсельезу и Интернационал! А неискушенные рабочие переживали при этом искренний интернационалистический экстаз, будучи в простоте своей душевной уверены в том, что перед ними происходит братание подлинных социалистов, ни на секунду не подозревая, что перед ними на самом деле разыгрывается отвратительный спектакль лицемерия и ханжества.

Долгие месяцы понадобились на то, чтобы спала повязка с глаз даже передовых петроградских рабочих. Но за-то, когда наши рабочие прозрели, не было границ их ненависти и презрению к иезуитам социал-оборончества, как французской, так и германской марки. И также не было границ их горячей беспредельной любви к тем подлинным социалистам-интернационалистам, представителями которых являлись Карл Либкнехт в Германии, Джон Маклин в Англии, Евгений Дебс в Америке.

„Чем ночь темнее, тем звезды ярче"—говорили себе русские рабочие...

Международный пролетарский переворот—вот заветная цель, к которой стремится передовой русский пролетарий, вот та ослепительная звезда, которая сияет борцам русского пролетариата. В самый тяжелый момент, когда рабочий изнывал в борьбе с неравными враждебными силами, когда он голодал, когда его обступали враги со всех сторон, когда он терял бодрость и иногда начинал роптать против своих собственных Советов, стоило в эти минуты хоть на момент блеснуть надежде на то, что на Западе загораются революционные бои, что там приближается международная социалистическая революция, и—усталости, недовольства, недоверчивости как не бывало. Снова в петроградском и московском пролетарии просыпался мужественный боец, снова сжимал он крепче винтовку в руках и снова без жалоб и без ропота нес дальше ту тяжелую ношу, которую история возложила на его плечи.

Нам вспоминаются дни Бреста. Тяжелые, горькие, беспримерные по тяжести дни! Мы вспоминаем те страстные споры, которые происходили в нашей среде в эти памятные дни. Обсуждая все за и против „передышки", мы более всего останавливались на вопросе, — не повредит ли наше заключение мира разгорающейся пролетарской революции на Западе? Более всего мы боялись, как бы этот наш шаг не потушил бы хоть на минуту тот костер пролетарской борьбы, который начал разгораться в Европе. Петроградские и московские пролетарии трепетали при одной мысли о том, что, быть-может, наша „передышка" будет куплена дорогой ценой замедления темпа пролетарской борьбы в других странах. Больше всего героические русские рабочие боялись: а вдруг нас не поймут рабочие Германии, а вдруг они истолкуют наш шаг как примирение с германским империализмом, а вдруг мы своей передышкой затрудним им их борьбу против Вильгельма, а вдруг Брестский мир приведет к новым вспышкам шовинизма во Франции и в Англии...

Мучительную думушку думали рабочие-коммунисты в те памятные дни.

И к счастью мы можем теперь сказать: пролетарии других стран отлично поняли нас. Классовое чутье подсказало им, что наш шаг диктовался не какими-либо эгоистическими национальными интересами, а именно интересами международного социализма. Они поняли, что с того момента, как в России произошел пролетарский переворот, наша страна стала обетованной землей социализма и наше рабоче-крестьянское правительство обязано было пойти на тяжелый мир для того, чтобы сохранить первую в мире социалистическую республику. Передовые рабочие всех стран отлично поняли, что, подписывая Брестский мир, мы только хотим выиграть время для себя и вместе с тем дать время им наверстать потерянное и поспеть на помощь первой пролетарской революции в мире.

И русский пролетариат сдержал свое слово. Он сумел продержаться до того времени, когда мировая революция началась.

Мировая революция родится из мировой войны. С этим связано, между прочим, и то обстоятельство, что революция началась в странах, экономически более отсталых. С этим связано и то обстоятельство, что первая пролетарская революция получила фактическую возможность передышки. Не будь борьбы двух империалистских трестов между собою, не будь бешеного соревнования между англо-французским и австро-германским империализмом, не будь, одним словом, мировой империалистической войны, из которой родилась мировая пролетарская революция, не будь всего этого, — пролетарская революция в одной стране не могла бы продержаться два года...

И так будет во всей Европе, во всем цивилизованном мире. Это будет так потому, что история поставила в порядок дня именно социалистический переворот. Это будет так потому, что прав был Каутский в 1907 году, когда он говорил, что социализм стал уже только вопросом силы. И не прав и фальшивит Каутский, когда он в 1918 и 1919 годах лицемерными и ренегатскими доводами доказывает, будто над русской пролетарской революцией витает не дух коммуниста Ленина, а дух мелкобуржуазного оппортуниста Давида...

Международная революция не делается по заказу. Международная пролетарская революция не может произойти одновременно во всех странах. Международный пролетарский переворот произойдет не по специальному уговору тех или иных вождей. Пролетарская революция в той или иной стране временно будет попадать в трудное положение и оказываться между молотом и наковальней. И, может быть, германскому пролетариату, который завтра возьмет в руки власть в своей стране и вынужден будет ликвидировать то тяжелое наследие, которое достанется ему от Вильгельма, Гинденбурга и Шейдемана, — может быть, и ему доведется пройти через тяжелые испытания, которые будут напоминать наши Брестские дни. И может быть, украинскому пролетариату, который уже так много видел на своем пути, предстоят еще более горькие испытания, когда его судьбами, как мячиком, будут перебрасываться господа империалисты. Но, тем не менее, будущее, и теперь это можно сказать с полной уверенностью, ближайшее будущее принадлежит пролетарской революции.

Вторую годовщину русской пролетарской революции рабочие некоторых стран встречают в тяжелой обстановке.

В Венгрии советская власть низвергнута соединенными усилиями румынских помещиков, французских банкиров, венгерских черносотенных офицеров и венгерских „социал-демократов". Тысячи наших венгерских братьев брошены в тюрьмы и отданы на растерзание пьяной от мстительного бешенства буржуазии.

В Баварии советская власть утоплена в крови баварских рабочих. Палач Носке переусердствовал даже в большей степени, чем того требовала самая кровавая фантазия буржуазии. Тысячи наших братьев расстреляны. Втечение месяцев в Мюнхене под видом „суда" над „преступниками" буржуазия с благословения социал-демократии разыгрывает оргию издевательства над героями—баварскими коммунистами.

В Германии Либкнехт, Люксембург, Тышко убиты. Берлинский Совет разогнан башибузуками-шейдемановцами. Тысячи и тысячи лучших пролетариев германских коммунистов погибли за этот год от руки черносотенных офицеров и желтых социал-демократов.

И все-таки никаких причин к унынию нет. Даже в обескровленной Баварии начинаются новые вспышки восстаний. В Венгрии скоро расцветет новая жизнь.

В Германии с каждым днем все бо̀льшие массы рабочих переходят на сторону коммунистов. Во Франции, в Италии пролетарский переворот близок. Революция идет вперед. Победа коммунизма неизбежна, как неизбежно после ночи наступает утро.

В момент, когда мы пишем эти строки, в Англии происходит всеобщая железнодорожная стачка — событие величайшей мировой важности.

Всего 1/2 года тому назад в Москве родился III Коммунистический Интернационал. А теперь он уже стал великой державой. Коммунистический Интернационал имеет уже больше миллиона членов. Во всех крупных странах Европы и в Америке существуют уже крупные коммунистические партии. В таких странах, как Германия, Италия, Россия, Болгария, общепризнанная гегемония в рабочем движении бесспорно принадлежит коммунистам.

Советская власть морально победила уже во всем мире. Громадное большинство рабочих во всех странах в душе сочувствуют советской власти.

Даже у шейдемановского „Форвертса" на днях вырвалось следующее признание:

„Можно как угодно критиковать вождей большевиков, пишет „Форвертс", но заслуживало бы крайнего сожаления, если бы при этом была забыта одна их сильная сторона: они (т. е. большевики) являются единственной революционной силой, которой еще дано бороться против всемогущих реакционных правительств Антанты. Они (т. е. большевики)... образуют последний оплот в деле сопротивления капиталистическим диктаторам Парижской Конференции". (Передовая статья „Форвертса" „Die Radikalisierung der englischen Arbeiter", 18 сент. 1919 г., № 477)

Вот именно!

Знает ли „Форвертс", что он признал в этих немногих словах? Он признал всю правоту советской власти в России, он выдал сам себе и своей „социал-демократии" свидетельство о духовной бедности, он признал, что только коммунизм спасет человечество от грабителей Антанты, как и от людоедов империализма вообще.

Уже наша революция 1905 года имела, поистине, грандиозные международные последствия. Уже эта наша первая революция разбудила сотни и сотни миллионов людей на Востоке. А что такое была революция 1905 года по сравнению с революцией 1917-18 гг.? Детская игрушка! Невинная проба пера! Мы живем еще слишком близко к самим событиям и не сразу можем обозреть те колоссальные международные последствия, которые будет имет нынешняя наша революция. Но совершенно несомненно, что первая великая пролетарская революция наша разбудит сотни и сотни миллионов людей во всем мире.

Как ни клевещет на нас вся международная буржуазия, как ни помогают ей подлые наемники социал-шовинисты, как ни изображают они все наше великое движение, как анархию, как кровавый хаос, как ад кромешный, — им не обмануть пролетариев Европы и Америки. Сердцем, нутром каждый честный рабочий Европы и Америки чует, что в России мы ведем борьбу за его дело. Он чует, что у нас, в России, решается великая тяжба между трудом и капиталом, что на нашей территории разыгрываются первые бои, первые крупные форпостные стычки между буржуазией, находящейся на закате своих дней, и пролетариатом, неотвратимо идущим к власти.

И что бы там ни говорили пессимисты и маловеры, мы глубочайше убеждены, что мы идем навстречу великим битвам и великим победам...

Перспектива революционной войны, которая рисовалась Марксу еще в 1848 году и о которой Энгельс говорил еще в 90-х годах, эта перспектива становится совершенно реальной. Если завтра в Берлине победит пролетарская революция, мы соединимся с пролетарским Берлином против буржуазного Парижа и империалистического Лондона. Если завтра в Париже или в Риме восстанут рабочие и возьмут власть в свои руки, мы соединимся с пролетарским Римом против буржуазной Вены, или с рабочими Парижа против Эбертовского Берлина. Идея революционной пролетарской войны принимает самые конкретные, телесные очертания. Мы не знаем еще в подробностях, как сложится мировая обстановка. Мы не знаем, в каких именно комбинациях нашей красной социалистической армии придется воевать против полчищ европейского империализма. Но мы знаем одно: на наших глазах империалистическая война превратилась в гражданскую войну сначала в одной России, а затем в ряде других стран.

Грядет мировая пролетарская революция. Родился новый Коммунистический Интернационал, который скоро станет Всемирным Интернационалом Советов Рабочих Солдатских и Крестьянских Депутатов...

Г. ЗИНОВЬЕВ.

ДУХ РЕВОЛЮЦИИ.

Для характеристики психологии шовиниста во Франции недавно было придумано новое выражение: о патриоте, который готов пожертвовать всем для насильственного уничтожения враждебной нации и для победы над ней, говорят, что его воодушевляет „дух войны" (l'esprit de la guerre). В этом же смысле мы можем сказать о социалисте, который, не задумываясь, готов подчинить всю свою жизнь и принести все в жертву делу одержания победы над классом капиталистов и уничтожения буржуазного аппарата государственной власти, что он проникнут „духом революции".

Дух революции был мертв втечение целой четверти века. Октябрьская революция *) воскресила, возродила его, и это, пожалуй, одна из главных ее заслуг.

Доктринеры так искусно „обезвредили" и исказили марксизм, парламентарии с такой ловкостью создали преувеличенное представление о значении своей деятельности, что в широких массах, одурманенных демократической фразеологией, усыпленных политикой мелких подачек, введенных в заблуждение оппортунизмом вожаков, все сильнее становилось отвращение к применению насилия и все прочнее укоренялось убеждение, что переход от капитализма к социализму, к экономической экспроприации и к политическому низвержению буржуазии произойдет мирно, постепенно, путем ряда реформ.

Во всей истории социализма не было более мрачного периода. Большевистская революция вспыхнула ярким пламенем среди этой темной ночи. Ее свет ярко озарил сознание тех, кто не поддался общему заражению. В первые же дни всюду, за исключением некоторых политических низов, возрождение революционной веры казалось всеобщим. У меня имеется несколько документов, содержание которых, без сомнения, поразит товарищей коммунистов. Из всех писем, полученных мною в то время от парламентариев, интеллигентов и революционных французских рабочих, я приведу только выдержку в несколько строк, взятую из письма известного писателя Пьера Хампа к моей жене, от 21-го января 1918 г. Комментируя мои заметки, посланные мною ему из Петрограда, он восклицает: „как Жак сумел тотчас же стать выше всех мелких опасений и больших страхов, как он сумел проникнуть в извечную сущность того, что совершается в России! Писать ему об этом сейчас невозможно, но, повидимому, в России происходит нечто, имеющее выдающееся значение для всего человечества, по всей вероятности, это самое важное событие за все время с начала войны, это рождается в муках новая эра всемирной истории". Цензура, перехватившая одновременно с одним из моих писем это письмо Хампа, донесла с комическим негодованием военным властям об этом „авторе, рассыпающемся в похвалах по адресу уроков, преподаваемых нам Россией", затем оба письма были препровождены моему начальнику, генералу Лаверню, с предложением принять надлежащие меры против „офицера, проявляющего подозрительное согласие со взглядами большевиков".

Письмо Хампа вполне точно передает первые впечатления, которые захват власти советским правительством произвел на искренних социалистов, даже самых умеренных. Величие и внезапность этого события подняли этих социалистов, против их собственной воли, на высоту, вообще говоря, недоступную для них. Но недолго они оставались на этой высоте: дух оппортунизма в них был слишком силен. Почти все эти люди оказались решительно неспособными взять новый прицел и принять участие в борьбе, в победный исход которой они уже не могли верить. Им недоставало проницательности, смелости, а, главное, веры,—духа революции. Порыв энтузиазма прошел. Аплодисменты стихли. В конце концов, эти немощные духом окончательно охладели к революции и повернулись к ней спиной.

Редким, очень редким исключением стали люди, в груди которых продолжал еще пылать дух революции. Несколько отдельных, рассеянных по всему миру одиноких искорок слабо теплились еще под пеплом. И все же духу революции не суждено было умереть во Франции.

Французский пролетариат остался без вождей. Социалпатриоты оказались предателями французского пролетариата. Социалисты центра до сих пор стараются затемнить его сознание и использовать его силу для своих целей. Но истинные вожди должны были появиться в этой стране, всегда отличавшейся избытком активных людей. Не в этом недостатке людей была главная опасность. Опаснее всего было то, что наш пролетариат на время утратил ясность взгляда и сознание непримиримого противоречия классовых интересов, утратил также сознание собственной силы.

Установление рабоче-крестьянской диктатуры в России снова пробудило в наших рабочих и крестьянах это сознание. В них крепнут теперь стремление и воля к борьбе против буржуазии, и вместе с тем все сильнее становится их уверенность в победе.

Кроме того, у французского пролетариата до ноябрьской революции не было ни одного сплачивающего революционного лозунга. Нереформистские, наиболее пламенные элементы почти целиком ушли в анархо-синдикализм. Русская коммунистическая партия, излагая учение марксизма, выдвинула тезисы простые, очевидные, неопровержимые, разрушающие до основания все прочно укоренившиеся предрассудки относительно буржуазной демократии и выработала программу революционного действия, пригодную для пролетариев всех стран

*) Так как в России теперь окончательно введен Грегорианский календарь, то не лучше ли было бы раз навсегда установить более точный термин: „Ноябрьская революция"?

Мало того, русские рабочие сделали нечто, еще большее: они создали самое совершенное орудие для освобождения пролетариата: Советы.

Наконец, они осуществили, или, точнее говоря, приступили к осуществлению программы коммунизма и сделали уже значительные шаги на этом пути. Известно, какое сильное агитационное влияние на массы оказывали в различные эпохи литературные произведения вроде „Путешествия в Икарию“ Кабэ, „Системы коллективизма“ Деленьера, „Государства будущего“ Тарбурьеша и множество других конкретных описаний, в которых авторы, нередко с ребяческой кропотливостью, старались предугадать и воспроизвести все подробности будущего строя.

Никто не станет также отрицать громадное влияние созидательной работы Парижской Коммуны, несмотря на то, что работа эта была так кратковременна, несовершенна и носила чисто местный характер.

Насколько же глубже и сильнее должно быть захватывающее впечатление, производимое на массы событиями в России, где народ вот уже втечение двух лет настойчиво и сознательно, используя все выводы науки, проводит в жизнь принципы социализма на пространстве гигантской территории.

Эта работа, — которая с первого же момента и до сих пор непрерывно нарушалась и нарушается диким вмешательством мирового капитализма, войной и блокадой,—все же продолжается, и результаты ее и теперь уже в высшей степени убедительны. Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика может завтра пасть под ударами врагов. Но даже и в этом случае пример ее будет служить наглядным, неопровержимым доказательством того, что положительная ценность основных тезисов коммунизма столь же велика, как и их критическая ценность. Исполинская работа социального преобразования, выполненная в России во всех областях общественной жизни за время с 7-го ноября 1917 г., была несомненно одним из самых существенных факторов в процессе пробуждения духа революции, наблюдаемом сейчас во всем мире.

Дух революции—это факел, который должен зажечь и питать огонь всемирного пожара. И по мере того, как в различных странах будет накопляться горючий материал, по мере того, как конфликт между двумя противоположными социально-экономическими силами будет обостряться,—все сильнее будет разгораться этот пожар.

Что же касается пролетариев Франции, то теперь уже не приходится бояться того, что они упустят момент. Поистине революционные демонстрации, имевшие место 14-го апреля и 1-го мая, доказали, что дух революции с каждым днем все глубже и сильнее охватывает наши рабочие массы.

Да, ведь, дух революции и не может не пробудить самый пламенный энтузиазм в нашем народе, равного которому по революционным традициям нет во всем мире!

1831—1848—1871. Это—три французские даты. Три великие пролетарские даты, начертанные рукою истории задолго до великих русских дат 1905 и 1917.

1831—стачка лионских ткачей, первое повстанческое движение в среде пролетариев.

1848—июнь.—Первый опыт социальной революции на экономической основе.

1871—первая угроза буржуазной диктатуре и первое завоевание государственной власти пролетариатом.

Теперь французскому пролетариату остается только вписать в свою летопись еще одну, четвертую дату. Тогда будет исполнена его миссия, которую в 1796 г. ему предуказали первые революционеры-коммунисты, Бабеф и его друзья, когда они в пророческом предвидении, за 50 лет до Маркса и за 100 лет до Ленина, провозгласили общность всех благ, вскрыли классовые противоречия, об'явили войну „Республике богатых“, декретировали обязательность труда для всех и лишили „политических прав всех тех, кто не служит Отечеству полезным трудом“.

Не могу удержаться от искушения—напомнить товарищам накануне второй годовщины ноябрьской революции несколько основательно забытых славных строк из „Манифеста Равных“, написанных 123 года тому назад.

„Французская революция лишь предвестница другой революции, более великой, более торжественной, которая будет последней“.

„Народ перешагнул через тела королей и попов, ополчившихся против него“.

„Мы стремимся к более возвышенной и более справедливой цели: к общему благу и к общности благ“.

„Долой частную собственность на землю, земля ничья... Мы добиваемся общего пользования плодами земли: все имеют право на них“.

„Мы заявляем, что не можем дольше терпеть, чтобы громадное большинство человечества работало в поте лица в угоду и для удовольствия ничтожного меньшинства“.

„Настала пора основать Республику Равных“.

Не правда ли, под этим устарелым и риторическим внешним покровом чувствуется уже зародыш большевизма?

Жак САДУЛЬ.

ВЛИЯНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ФРАНЦУЗСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ.

Февральская революция 1917 года произвела во Франции, также как и во всех других странах, чрезвычайно сильное впечатление и повлекла за собою целый ряд революционных актов. Идея Советов быстро привилась во французских рабочих и солдатских массах. На фронте были созданы солдатские комитеты, и революционный дух значительно уменьшил озверение солдат, безжалостно посылавшихся генеральным штабом под немецкие пули. К несчастью, отсутствие вождей и людей, обладающих инициативой и революционной отвагой, до сих пор препятствует широкому распространению движения.

Ставший легендарным проезд Ленина через Германию, не переставая, комментировался и обсуждался каждый день, и с тех пор большевики

были обречены на всевозможные оскорбления, на клевету и самые нелепые инсинуации. Нечего и говорить, что официоз социалистической партии „l'Humanité" не уступал империалистической прессе в жалобах и нападках на большевиков. Впрочем, здесь нет ничего удивительного, ведь даже среди русских социалистов нашлись люди, которые порицали Ленина и его друзей, что, однако, не помешало им несколько недель спустя самим воспользоваться брешью, которую так решительно и так успешно пробил великий теоретик и практик марксизма.

Успехи большевизма то отрицались, то признавались, но всегда с одинаковым недоброжелательством. Социал-патриоты и социал-оппортунисты, желая отомстить Ленину, Троцкому и Зиновьеву за их злой сарказм и беспощадную критику, предостерегали рабочих от этих „авантюристов" и „анархистов".

После июльских дней, французская империалистическая пресса, односторонне и неточно осведомляемая своими русскими корреспондентами и агентами, хором пела о конце „большевизма, советизма и анархизма" Характерно, что журналисты, недооценивавшие силы большевизма, тем не менее отлично поняли, как тесно советская власть связана с большевизмом, и для них конец большевизма означал также конец советской власти, одна мысль о которой внушала им ужас, ибо, несмотря на всю свою тупость, они не могли не видеть, что власть Советов означает господство рабочего класса.

Можно сказать, что все французские газеты, все политические деятели и вообще все буржуазные круги были до крайности поражены и испуганы известием о „максималистском перевороте". Еще накануне достопамятных октябрьских дней великие политические прорицатели, стратеги, астрологи и астрономы заявляли о том, что теперь на долго установилась прекрасная погода.

И вдруг, — неожиданно разразилась ужасная гроза.

Несмотря, однако, на свой испуг, эти французские „политики" продолжали сохранять некоторую невозмутимость и великодушно уделяли большевикам несколько дней жизни.

Каким образом, вопрошали они, может удержаться у власти правительство, состоящее из кучки субсидируемых Германией анархистов и безнравственных суб'ектов, совершенно лишенных всякой народной поддержки? Прошло два года со дня установления в России пролетарской диктатуры, а ничему не научившиеся буржуазные журналисты, нисколько не смущаясь своими бессмысленными пророчествами и вечными противоречиями, почти все, за редкими исключениями, ежедневно продолжают тянуть всем надоевшую песенку о близком конце большевистской диктатуры.

В рабочих кругах октябрьская революция вызвала новый прилив радости и энергии, и престиж советской власти вырос неизмеримо. Империалистская и шовинистская пресса прилагала все усилия к тому, чтобы дискредитировать самые слова „большевик" и „Совет", особенно стараясь сделать слово „большевик" еще более ненавистным, чем слово „бош". Результат получился как раз обратный тому, какого ожидали продавшиеся капиталу борзописцы, что, кстати сказать, показывает какую ничтожную цену имеет излюбленный оппортунистами аргумент о „популярности" и „непопулярности".

Мирное предложение, с которым советское правительство обратилось ко всем народам, произвело глубокое впечатление на рабочих и солдат во всем мире. Вообще, заявления и речи большевиков встречали самый сочувственный отклик в широких массах, благодаря своей простоте, ясности и силе, так резко отличавшим их от путанных писаний Керенских и прочих, с позволения сказать, социалистов.

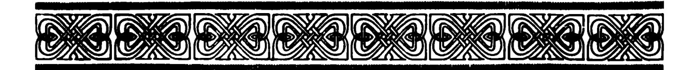
Контр-революционность французских социал-патриотов становилась теперь особенно очевидной, особенно осязательной. Что касается до социал-оппортунистов, то они нисколько не поумнели, и их пророчества и рассуждения, по прежнему, почти ничем не отличались от разглагольствований явно контр-революционной прессы. Только значительно позже уже, под давлением событий и под влиянием угроз со стороны рабочих, восхищенных октябрьской революцией и неудержимо порывающихся воспроизвести во Франции смелый освободительный шаг русских большевиков, оппортунисты заговорили другим языком. Свой вильсонизм они попытались слегка сдобрить большевизмом, и продолжая отстаивать контр-революционную „Лигу Наций", они в то же время начали до некоторой степени защищать революционную „Советскую Республику". Вместе с тем, они, однако, нисколько не ослабили своей агитации против какого бы то ни было революционного выступления во Франции.

По всей Франции стали одна за другой вспыхивать серьезные забастовки, в Лионе забастовка продолжалась три дня, и печати было строго запрещено сообщать о ней хотя бы самые коротенькие и беспристрастные сведения. Луарский бассейн находился в постоянном брожении. В Париже состоялось выдающееся по своему значению собрание, в котором участвовала тысяча делегатов, представлявших 1.800.000 рабочих парижского района; собрание это потребовало немедленного прекращения военных действий, угрожая в противном случае об'явить всеобщую забастовку.

Экономические условия, систематическое отравление значительного числа рабочих шовинизмом, измены, колебания, трусость большинства социалистических вождей — все это препятствовало быстрому и решительному выступлению. Но ноябрьская революция ускорила крах политиканов, авантюристов и честолюбцев, для которых рабочие были лишь своего рода трамплином для прыжка „вверх". Отход рабочих от них принял ускоренный темп. Отныне ренегатам международного социализма стало невозможно выступать на собраниях, между тем как совершенно неизвестные ораторы, отстаивающие большевистские и, вообще, радикальные требования, встречают со стороны массы самый восторженный прием.

Впоследствии предателям удалось еще раз парализовать массовое движение, — мы имеем ввиду назначенную на 21 июля и сорванную ими международную стачку. Надо надеяться, что вторая годовщина ноябрьской революции заставит французских рабочих призадуматься и принять мужественное решение. Нашим французским товарищам да что пора свергнуть буржуазную диктатуру и взять в свои руки власть.

Анри ГИЛЬБО.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАБАСТОВКИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ.

(Воспоминания Секретаря Циммервальдской Комиссии).

Октябрьская пролетарская революция не имеет летописцев, да вряд ли когда-нибудь и будет иметь их. Именно потому, что она революция социальная, застрельщица мирового переворота, призванного коренным, революционным образом изменить не только имущественные и социальные отношения, но и вообще весь внешний и внутренний уклад,— зрителей, так называемых беспристрастных наблюдателей у нее нет, — есть участники, не имеющие ни возможности ни права урывать у лихорадочной работы время и спокойствие для ведения летописи, и есть враги, злостные, ожесточенные профессиональные клеветники и поносители всего того, что посягает на устои современного общества. Только теперь, когда каждая переживаемая нами минута столь многое, бесконечно многое разрушает и созидает, главным образом, созидает неизмеримое и неискоренимое — самодеятельность масс, — воскрешая то, что спало вековым, непробудным сном, нам становится понятным, какими в сущности бедными и бледными были материалы, на основании которых нам приходилось восстанавливать дух великих революционных эпох и в частности Коммуны. Мы понимаем и социальную почву этих движений, и историческую эпоху, и эпизоды борьбы, и причины побед и поражений, но жизненный пульс, то непередаваемое, что заставляет человечество в один час истории пережить вечность в качественном и количественном отношении, -это, конечно, не дошло до нас. Кто же подсчитит и занесет на скрижали истории человечества то, что теперь творится в России у колыбели нового общества? И страшно и смешно становится при мысли о том, что со временем историю нашей пролетарской массовой революции будут „восстанавливать“ на основании письменных или печатных документов. Это будет тем более тщетный труд, что многое, даже из этого материала, благодаря цензурным преградам, отделявшим социалистическое движение разных стран друг от друга и ввиду ожесточенности, с которой гражданская война ведется во всех странах, многое так и умрет с участниками той или иной фазы международного пролетарского движения в самый бурный решающий момент перехода от II-го к III-му Интернационалу, к Интернационалу массового революционного действия. Но еще труднее, чем собрать и изложить в хронологическом порядке разные документы, будет восстановить в будущем причинную связь между различными явлениями международного движения, различными его решениями, воспроизвести дух, коим было продиктовано то или иное решение, от которого для потомков уцелеют лишь слова, постановления, бумага, типографская краска. Во вторую годовщину русской пролетарской революции я хочу обнародовать весьма немногим известный документ с тем, чтобы по возможности осветить его возникновение в связи с событиями в России и подчеркнуть, какую роль этот документ сыграл, ввиду взрыва и победы Октябрьской революции. Он открыл новую эру в отношении западно-европейских рабочих к массовой политической забастовке.

* * *

Основной предпосылкой Циммервальдского движения было убеждение в том, что только массовое, революционное выступление рабочего класса в состоянии положить конец войне. Насколько уже в начале движения его основателям и участникам было ясно или даже, если можно так выразиться, желательно, чтобы это выступление перешло в гражданскую войну, это интересно было бы установить при наличии времени и места — на основании протоколов и личных воспоминаний. Здесь же, с помощью обнародования некоторых документальных данных и на основании эпизодического материала, мне хочется установить роль, сыгранную весьма мало известной III-й Циммервальдской конференцией, в связи, главным образом, с Октябрьской революцией, в переходе рабочих Германии и Австрии, а затем и других стран, к политической забастовке, являющейся в современной социальной обстановке преддверием к гражданской войне.

Из всего Циммервальдского движения наибольшей известностью пользуются первая и вторая конференции. Они, и в особенности первая, были воистину единственным коллективным, интернациональным, классовым освещением мировой войны, единственным призывом к классовой международной борьбе против нее. Хотя провозглашенные Циммервальдом лозунги сделались с течением времени общими местами и теперь давно уже опережены событиями, — тогда, в эпоху общей летаргии пролетариата и полнейшей сдачи оружия II-м Интернационалом, эти лозунги: „эта война—не наша война“ (декларация французской и германской делегации — Циммервальд 5/8 сентября 1915 года) так же, как лозунги II-й Кинтальской конференции 14—30 апреля 1916 г. (см. манифест этой конференции) — имели большое агитационное значение. Они поглощены жизнью: русской пролетарской революцией, революционным выступлением масс в Германии, Австрии, Венгрии и попытками к нему во всем мире, подобно тому как уж пред первой Циммервальдской конферен-

цией в свое время отступил на задний план и был предан забвению, положивший историческое и логическое начало ей — первый с'езд социалистического протеста против войны и против Бюро II-го Интернационала (Лугано, октябрь 1914 г., с'езд итальянско-швейцарской социал-демократии) и интернациональный с'езд социалистических женщин (Берн, март 1915 г.). Независимо от политического влияния Циммервальдского движения, оно имело, главным образом в начале, громадное агитационное значение, оно служило поводом и первым шагом к тому, что авангард рабочего класса, революционная интернациональная социал-демократия порвала и со своим национальным представительством, буржуазным правительством, и со своим интернациональным органом, международным Бюро.

* * *

Еще в большей степени, чем две первые Циммервальдские конференции, третья (Стокгольм 5/8 сентября 1917 г.) была предана забвению вследствие грандиозных событий, разыгравшихся в России, а потому мы приводим в дальнейшем целиком принятый ею манифест.

„... В Штутгарте, в Копенгагене, в Базеле международные социалистические конгрессы указали пролетариату пути борьбы против войны.

Социалистические партии и рабочие организации разных стран, участвовавшие в принятии этих постановлений, нарушили, однако, с начала войны взятые на себя обязательства. Их представители призвали рабочих к приостановке классовой борьбы, единственного возможного и действительного средства освобождения пролетариата. Они голосовали за военные кредиты, отпускаемые в распоряжение господствующих классов, они предоставили себя в распоряжение правительства для разных услуг, через посредство своей прессы и особых посланцев они пытались перетянуть нейтральные народы на сторону политики своих правительств, они отдали под видом социалистических министров в руки своим правительствам заложников для охранения национального единения, и таким образом они взяли на себя перед рабочим классом, перед его настоящим и будущим, ответственность за эту войну, за ее цели и за ее методы. И подобно отдельным партиям, несостоятельным оказалось также и признанное представительство социалистов всех стран,— международное социалистическое бюро".

(Манифест 1-ой Цимм. Конференции.
Циммервальд, сентябрь 1915 г.)

Рабочие городов и деревень...

Правительства, империалистические клики и их пресса говорят вам, что нужно вести войну до конца, чтобы освободить угнетенные народы. Из всех средств обмана, пущенных в ход во время этой войны, это средство самое грубое. Истинная цель этой всеобщей бойни — это обеспечение для одних того, что они награбили втечение столетий, втечение многих войн; другие хотят нового раздела мира, чтобы увеличить свои владения; они хотят аннексировать новые области, разорвать на части народы, низвести их к роли простых рабов и илотов.

Ваши правительства и их пресса говорят вам, что войну необходимо продолжать, чтобы уничтожить милитаризм.

Не давайте себя обманывать... Милитаризм той или иной нации может быть ниспровергнут лишь ею самой, и во всех странах надо его преодолеть.

Ваши правительства и их пресса говорят вам, что войну надо продолжать, чтобы сделать ее последнею.

Но и это обман. Никогда война не убивала войны. Наоборот. Она пробуждает желание возмездия, насилие порождает насилие.

Таким образом, после каждой жертвы ваши мучители будут требовать от вас новых жертв, и из этого заколдованного круга не могут вывести вас и буржуазные пацифисты.

Существует лишь одно единственное средство помешать будущим войнам: это завоевание политической власти и уничтожение капиталистической собственности рабочим классом.

(Манифест 2 Циммерв. Конференции.
Кинталь, апрель 1916 г.).

Манифест 3-й Циммервальдской Конференции.

Пролетариям всех стран.

Изнуренные народы без сопротивления идут на четвертую зимнюю кампанию со всеми ее ужасами. Миллионы мужчин убиты, миллионы искалечены, новые миллионы посылаются ежедневно на убой. Голод и нужда измучили находящихся в тылу мужчин, женщин и детей. И это происходит не только в странах, ведущих войну, но и в нейтральных. Народы уничтожают друг друга, будучи игрушкой в лапах капиталистической конкуренции, погони господствующих классов за властью и эксплуатацией.

Среди этих ужасов и страданий все более и более сильный крик вырывается из груди страдающих народов: дайте нам мир, довольно убийства народов. Но еще не загорается заря мира Правда, власть имущее в обоих лагерях, под давлением своих уставших от войны народов, заявляют, что желают мира, но за этими торжественными уверениями о желании мира слышится все еще не удовлетворенная страсть сокрушить своего противника, жажда расширить свою власть, свои владения, приобрести новые возможности эксплуатации.

Все капиталистические правительства ужасаются при мысли, что им придется вернуться с поля сражения без добычи, обремененными лишь миллиардными долгами и заклейменными проклятиями миллионов вдов и сирот. Они со страхом ожидают дня мира, который должен стать для них днем подведения счетов. Поэтому они не хотят вести переговоры о мире до тех пор, пока у них имеется хоть капля силы и пока им улыбается хоть малейшая надежда на победу.

Не менее тщетны и хлопоты правительственных социалистов о соглашательском мире. Они обещали пролетариату, что будут способствовать

решающим образом делу мира в Стокгольме. Но между правительственными социалистами обеих государственных групп непроходимая пропасть: они являются лишь пособниками своих правительств. Их рабские услуги для поддержания „гражданского мира" и их поддержка империалистических вожделений отняли у них необходимую в борьбе за интересы пролетариата революционную боевую энергию. Желают борьбы и способны на нее лишь пролетарские массы, которые остались верны социалистическим идеалам и по прежнему высоко держат свое красное знамя. Общность убеждений и сознание общности интересов об'единяют пролетариев всего мира в одно общее целое, которое непреклонно идет вперед к одной общей цели. И быстрое развитие событий делает настоятельно необходимым, чтобы эти массы спешили с осуществлением своей великой, имеющей столь решающее значение для них, задачи. Лишь мир, завоеванный решительной массовой борьбой социалистического пролетариата, может послужить серьезным препятствием к возобновлению бойни народов. Капиталистический мир, каков бы он ни был, может привести лишь к тому, что в каждой стране громадное бремя долгов, вызванных войной, падет на плечи рабочих масс. Пролетариат годами кормил чудовище войны кровью своих сыновей, лучшими жизненными силами всех мужчин и женщин. Шайка эксплуататоров увеличила свои богатства и усилила свою власть легко добытыми военными барышами. Капиталистический мир уменьшил бы политическую силу пролетариата и облегчил бы капиталистам эксплуатацию народов. Условиями достижения прочного мира являются — настоящая демократизация всех стран и уничтожение привилегий капитала. Одно лишь осуществление социальной республики является гарантией против возобновления мировой войны.

К ускорению борьбы международного пролетариата настоятельно побуждает также положение в России. Русские борцы за свободу сделали, благодаря крушению царизма, в своей великой революции первый многообещающий шаг по пути борьбы за мир и освобождение народов. Но в мировой войне пролетариат одной страны, будучи изолирован, не может принудить правительства всех стран к миру. До сих пор пролетарские массы других стран не последовали примеру своих русских братьев и не вступили на путь борьбы за освобождение. Это обстоятельство имело своим последствием, между прочим, и то, что реакция в России может снова угрожающе поднять свою голову. Массовая борьба международного пролетариата в пользу мира означает в то же время спасение русской революции.

Единичные выступления пролетариата происходили, правда, в отдельных местах. Рабочие и работницы, не взирая на все преследования, поднимали свой голос на улицах, требуя хлеба, мира и свободы. Рабочие массы ведут свою пролетарскую борьбу, устраивая забастовки, чтобы завоевать самые элементарные человеческие права. Они прибегли к этим забастовкам, хотя правительственные социалисты, вожди профессиональных союзов и партий отказались даже от свободы союзов. Эти выступления свидетельствуют не только о том, что пролетариат разных стран устал от войны, но они показывают также, что его сознательность увеличивается, что лишь пролетарские способы борьбы могут привести к установлению мира.

Но путем таких единичных выступлений, о которых пролетарии других стран или совсем не получают никаких сведений или получают их слишком поздно, нельзя достигнуть желаемой цели. Пробил час, когда необходимо начать великую общую борьбу во всех странах для достижения мира и для освобождения народов. Это должен сделать социалистический пролетариат. **И средством для этого является одновременная международная всеобщая забастовка.**

С этим боевым призывом мы обращаемся к рабочему классу каждой страны. Его собственная судьба нераздельно связана с судьбою всего мирового пролетариата. Рабочий класс какой-либо отдельной страны, не участвуя в общей борьбе или — что еще хуже — препятствуя ей, тем самым вредит делу мира и способствует эксплуатации народов; он разрушает свое собственное будущее.

Этого не должно быть.

Рабочие всех народов! Тяжелая обязанность лежит на вас, но зато впереди вам улыбается самая возвышенная цель, — окончательное освобождение человечества.

Рабочие и работницы! Распространяйте идею международного массового движения пролетариата в каждой мастерской, где пролетарии надрываются над работой, в каждой хижине, где свила себе прочное гнездо нужда. Борьба предстоит долгая и тяжелая. Господствующие классы не уступят сразу. Но чем труднее борьба, тем решительнее нужно ее вести. Нужно путем борьбы достигнуть победы, ибо, продолжая терпеть и подчиняться без всякого сопротивления, пролетариат погибнет.

Да здравствует международное массовое движение против войны!

Да здравствует социалистический мир!

* *
*

Как видно из самого манифеста, то, что в двух первых Циммервальдских конференциях существовало лишь в зародыше, лишь в виде намеков, вылилось в третьей уже в вполне определенную форму. Либо Циммервальд будет застрельщиком или, по крайней мере, пособником массового движения, либо и ему и всему тому, что во время войны назрело здорового, истинно пролетарского суждено умереть бесславной смертью. Циммервальдийцам на 3-м с'езде не приходилось спорить о том, в какую форму должно вылиться пролетарское движение. Налицо была настоятельная, неотложная задача — помочь борющемуся русскому трудящемуся люду, находившемуся в смертельной опасности. Вот почему третья конференция всецело была посвящена выяснению для иностранных делегатов положения в России, полемике между двумя течениями, которые вначале были представлены на конференции (полуофициально меньшевики покинули конференцию), и выражению в конкретной форме чувства солидарности с русским движением. Этим об'ясняется и то, что вся конференция, хотя большевики на ней были в значительном меньшинстве, отнеслась с большим вниманием и симпатией к ораторам, освещавшим события в России с большевистской точки зрения, и с нетерпением и с не-

скрываемым негодованием относилась к мелочному, не лишенному инсинуаций подходу к вопросу со стороны меньшевиков, бывших тогда еще членами Циммервальдской комиссии.

* * *

Характерным для 3-й Циммервальдской конференции было и то, что она была первым интернациональным с'ездом после революции и происходила в момент, когда стоял на очереди захват власти русским пролетариатом, и то, что она собиралась в момент самого явного банкротства II-го Интернационала. Гора обещаний, дипломатии, демагогии разрешилась позорной мышью: социал-патриоты обещали дать миру мир и возрождение, а им... их министры-коллеги, их-же правительства не позволили с'ехаться, не выдали „паспортов", и жалкие рабы отказались от своего плана „спасения человечества". Надгробным камнем бесславно погибшего II-го Интернационала является то показательное обстоятельство, что этого-то самого Стокгольмского с'езда ждала одна только буржуазная и мелко-буржуазная публика. Только люди, мечтавшие о том, что, может быть, удастся склеить расползающийся по всем швам капиталистический строй, возлагали надежды на Стокгольмский конгресс или вообще придавали ему некоторое значение. Пролетариат — даже самые отсталые слои его — нисколько не считался с существовавшим II-м Интернационалом. II-й Интернационал давным давно был похоронен, и массы меньше всего могли верить в то, что какая-нибудь его инициатива может вывести человечество из кровавого тупика.

Созыв 3-й Циммервальдской конференции был решен в Стокгольме русско-немецкой делегацией. Ему предшествовал полный разрыв Циммервальдской Комиссии с русскими созывателями международной „Стокгольмской" конференции. На предложение русских делегатов, посланных за границу для ее организации, подписать приглашение на нее, Циммервальдская Комиссия, состоявшая тогда из трех левых шведских социалистов и пишущей эти строки, ответила отказом. В той стадии подготовки конференции некоторые немецкие независимцы еще не совсем потеряли веру, если не в значение Стокгольмской конференции, то во всяком случае в возможность ее осуществления. Они намеревались воспользоваться конференцией, чтобы изобличить шейдемановцев, а затем уже принять участие в Циммервальдской конференции; большинство же из них — Ледебур и его ближайшие единомышленники, тогдашние и теперешние спартаковцы — уже и раньше были за полный бойкот созываемой социал-патриотами конференции. По мере того, как выяснялась невозможность осуществления Стокгольмской конференции, необходимость с'езда Циммервальдийцев все больше сознавалась и теми из независимцев типа Гаазе, которые были за частичный лишь бойкот социал-патриотического с'езда. Откуда-нибудь должен подняться социалистический голос протеста и борьбы против войны, говорили они, и тогда уже медленно угасавший покойный Штатгаген неоднократно в речах и в личной беседе говорил: „пусть массы видят, что то, чего не дали и не могли дать социал-патриоты, дано нами. Пусть из Стокгольма разнесется наш клич о мире". По его же настоянию, манифест 3-й Циммервальдской конференции получил подзаголовок: „Клич мира из Стокгольма." За этим, несколько наивным, внешним отношением к вопросу крылось, конечно, и нечто более существенное. Дело было, конечно, не в том, что шейдемановцы и церетеляне не с'ехались, а в том, что с'ехаться они не могли по внутренним причинам. Как утверждали все те, кто с принципиальной точки зрения боролись против гнусной комедии соглашательского с'езда, с'езд этот и по своей „программе" и по своему составу и т. п. мог быть лишь демагогическим приемом: его целью было освятить от имени „народа" и „социализма" торгашескую преступную политику империалистских правительств. Эту политику правительства могли на время прекратить лишь — либо в результате полной победы одной коалиции над другой, либо вследствие абсолютного истощения, либо, наконец, в момент отступления или капитуляции пред натиском масс. Придуманный их агентами, правительственными социалистами, хитрый план созыва всерешающего конгресса имел целью лишь дальнейшее оттягивание решительного шага со стороны рабочих; а так как ни одно из вышеперечисленных условий к тому времени еще не наступило, напротив — правительствам было выгодно продолжать свой позорный торг и без конца проливать пролетарскую кровь, то проект созыва с'езда был похоронен, и это открывало даже наиболее наивным и примирительно относившимся к с'езду людям глаза на то, что только массовое революционное требование мира может привести к заключению его. 3-я Циммервальдская конференция, таким образом, не только „хронологически" должна была заменить „Стокгольмскую конференцию", но по существу должна была призвать массы к тому, к чему с'езд этот никогда не мог бы призвать их. Иначе говоря, массы сами, своим революционным выступлением должны были исполнить тот долг, которому изменил совершенно обанкротившийся, покрывший себя позором второй Интернационал.

* * *

Вопрос о том, что долг чести и самосохранения рабочего класса требовал немедленной массовой помощи русской революции, как и о том, что эта помощь может выразиться исключительно лишь в форме международной забастовки, был, можно сказать, предрешен и созывом самой конференции и событиями в России. Манифест, по обыкновению, вырабатывался особой комиссией. Накануне большая часть дискуссий была посвящена формальной стороне дела — обнародовать ли манифест, подписать ли его полными именами, когда и где напечатать его, в виду необходимости проводить самый с'езд и все его решения крайне конспиративно и в виду опасения немецких делегатов, что малейшая неосторожность может повлечь за собой серьезнейшие последствия для организаций и партийных работников. Главным условием для успешного проведения забастовки было одновременное проведение ее во всех странах. Так как на с'езде по причинам чисто политического характера не присутствовали делегаты союзных стран, то необходимо было раньше всего заручиться, если не их подписью, то по крайней мере принципиальным согласием их с содержанием манифеста и сообща

установить дату забастовки. До соглашения с упомянутыми партиями манифест должен был держаться в строжайшей тайне. Врезались в память экстраординарные меры, принятые для сохранения тайны: пишущей эти строки вменялось в обязанность следить за тем, чтобы ни один участник с'езда не увез с собой, не потерял своего экземпляра манифеста, и разрешить обнародовать его лишь тогда, когда поступит ответ из союзнических стран. Одному лишь участнику с'езда, ныне умершему патриарху немецкого движения разрешено было провести в собственной памяти и при помощи им самим выработанного стенографического метода текст манифеста.

В исполнение решений конференции, после борьбы с адскими препятствиями, мною были отправлены в союзнические страны товарищи, от благополучного возвращения которых зависело обнародование манифеста. Между тем, создавшееся в России положение властно требовало активного вмешательства интернационального пролетариата. Большевистская делегация 3-ей конференции всячески настаивала на отпечатании манифеста. Но Циммервальдская Коммиссия, связанная постановлением конференции, не могла приступить к его обнародованию. Между тем, в Стокгольм прибыл член Ц. К. независимых, который заявил, что „провалы, обыски и аресты в Германии в связи с восстанием во флоте указывали на новую волну реакции, и призыв к забастовке мог быть использован самым широким образом против всех революционных организаций“. Целью приезда этого товарища было поэтому постараться временно задержать обнародование манифеста—таково было решение Ц. К. независимых, против которого самым настойчивым образом восставал Ледебур. Циммервальдская Коммиссия не пошла ни на какие уступки, она лишь подчеркнула свой долг и свое намерение подождать возвращения эмиссаров, но после него, какова бы ни была ситуация в Германии, манифест должен быть немедленно отпечатан. Русская революция в опасности, и перед этой опасностью, естественно, все отступает на задний план. Нервное напряжение становилось все сильнее и сильнее. Чувствовалось, что революционная Россия на переломе, и тревога за ее судьбу, боязнь, что международный пролетариат не успеет подойти на помощь ей, лишали подчас всякой возможности работать, а тем более — ждать.

Свершился великий октябрьский переворот. Одна мысль господствовала над всем остальным, подчиняя себе все самые глубокие внутренние переживания — каким образом оказать побеждающему русскому пролетариату наибольшую, наисущественнейшую, наибыстрейшую поддержку, так, чтобы после великого трудного подвига совершенного им для освобождения трудящихся всего мира, после смело брошенного им угнетателям всего мира вызова у него не было ни минуты ощущения одиночества? Обнародование манифеста к пролетариату всего мира от имени социалистов и сознательных рабочих всех стран с напоминанием о его долге по отношению к русским трудящимся массам, клятва представителей революционных организаций не изменить этому долгу, вербовать исполнителей его „в каждой мастерской, где пролетарии рабочие надрываются над работой, в каждой хижине, где свила себе прочное гнездо нужда“, обнародование призыва ко всеобщей забастовке представляло в тот момент самый конкретный вид поддержки русских революционных масс. Наряду с мыслью об этом, возникали, конечно, и соображения о том, что такое обнародование являлось, ввиду основного условия — не печатать манифест до тех пор, пока не будет единогласного постановления всех партий — нарушением не только чисто формального характера. Но все, что раньше, до великого переворота, было крайне важно, это все теперь отступало на второй план: какие бы последствия ни имело обнародование призыва ко всеобщей забастовке, они были ничтожны в сравнении с тем, что взял на себя застрельщик мировой революции. У меня было глубокое убеждение, что ни один сознательный рабочий, ни один последовательный Циммервальдиец не может посетовать на меня или счесть нарушением дисциплины принимаемое мною, в качестве интернационального секретаря, решение. Не часто, должно быть, на члена массовой партии выпадает такая большая ответственность, как ответственность, выпавшая тогда на секретаря единственной международной революционной организации, но, быть может, еще реже столь важное ответственное решение принималось с таким спокойствием, с сознанием, что иначе не могло быть, не должно быть. Нужно было действовать немедленно, ведь наряду с известием о великой победе существовала тревога, не вырвут ли победу враги, не потопят ли они в крови алую зарю пролетарского возрождения, а борющемуся или побежденному больше еще, чем победителю, нужна помощь. Сомнений не было, через несколько часов после того, как мир узнал о захвате русским пролетариатом власти, он должен был узнать о том, что у него есть помощники, соратники, единомышленники, что всеобщая забастовка есть не только руссний метод борьбы.

Я знала, что мне не трудно будет склонить на сторону своего решения остальных членов Комиссии, в то время как со стороны других находившихся в Стокгольме Циммервальдийцев я ожидала возражений и, быть может, даже постановлений, направленных против обнародования манифеста. Так оно и было. Посыпались доводы о том, что, быть может, не все члены Циммервальдской организации одобряют захват власти пролетариатом в России, что неизвестно, чем он окончится и как к нему относятся русские Циммервальдийцы—не большевики. Рекомендовалось „подождать“; я же была убеждена, что Циммервальд похоронит сам себя, умрет бесславной смертью, если не сольется с единственным революционным движением, являющимся логическим развитием им же брошенных лозунгов, что участь его на жизнь и на смерть связана с русской пролетарской революцией.

Через несколько часов лихорадочно заработали типографские станки и телеграфные проволоки, выходил специальный номер газеты левых шведских социалистов, и переведенный на европейские языки манифест поведал миру, что русский пролетариат не одинок.

Ввиду недостатка живой периодической связи с воюющими странами и ввиду усилившейся после манифеста политической пограничной бдительности — невозможно было и в Швеции доку-

ментально установить, какой непосредственный, конкретный взрыв забастовок был вызван манифестом в каждой стране. Однако, теперь да и тогда уже нам достоверно было известно, что он послужил сигналом для рабочих Германии и Австрии, он распространялся там в миллионах экземпляров, а когда гонения на его распространителей и последователей усилились, его заучивали наизусть и передавали из уст в уста. Он действительно сделался достоянием „каждой мастерской, где пролетарии надрывались над работой, каждой хижины, где свила себе прочное гнездо нужда". Нужно перенестись мысленно назад, к тому времени, постараться ясно представить себе тогдашнее настроение масс, чтобы понять, что обнародование этого интернационального воззвания к интернациональному пролетариату не могло не послужить сигналом к пробуждению и активному выступлению широких масс. По мере того, как кровавый опыт империалистской войны отрезвлял рабочих от патриотического опьянения и рокового эгоистического безразличия, по мере того, как они с все большей ненавистью, презрением и озлоблением относились к обманувшим их доверие „дурным пастырям", у них, повсеместно, возникала мысль о том, что необходим могучий коллективный натиск для того, чтобы „положить конец" этому. Под „концом" втечение войны все больше и все определеннее несознательные, неорганизованные массы начали понимать конец не только войны, но и всего „порядка", делавшего из них рабов. Параллельно с ростом пролетарского самосознания и вспышками гнева развивалось и сознание бесполезности и беспомощности всякого частичного выступления. Общность участи обитателей всех траншей и всего международного пролетарского тыла становилась все яснее; но и на фронтах и в тылу неизвестность — как отнесутся „братья и сестры" других стран, поймут ли, поддержат ли, — парализовала в самом зародыше всякий порыв активного выступления. Сознательные же рабочие еще более определенно понимали необходимость интернационального выступления и еще яснее, чем неорганизованные, видели, что всякое массовое выступление будет подавлено в крови не только военной диктатурой, но и друзьями, советниками, сотрудниками империалистического правительства, бывшими социалистами, вожаками профессиональных и легальных политических организаций рабочего класса.

Как раз к тому времени — что подчеркивается и в приводимом нами манифесте — эти господа от имени рабочего класса официально отказались от использования права организации, завоеванного многими десятилетиями пролетарской борьбы. А в Германии, как известно, более, чем в какой-либо другой стране, было распространено убеждение в том, что неорганизованное выступление обречено на полную неудачу. Клич, обращенный к этим колебавшимся, отчаявшимся, то обретавшим, то опять терявшим веру в себя массам, клич исходивший от организованного центра и взывавший к пролетариям всех стран, и явился тем будящим, собирающим зовом, которого массы ждали все с большим напряжением... Без такого воззвания при тогдашнем настроении масс не были бы возможны исторические январские выступления австро-германского рабочего класса. Я больше всего останавливаюсь на влиянии манифеста на немецкий рабочий класс, между прочим, и потому, что в Германии, как бы зрелы ни были об'ективные условия, важнее, чем в какой бы то ни было другой стране, была наличность организующего и организованного момента, и потому, что немецкие независимцы и спартаковцы проявили наибольший интерес и наиболее активную деятельность по выработке манифеста и для его распространения, и потому, что выступление немецкого пролетариата по существу и по тому, как его ждали пролетарии других стран, — имело громадное значение. Втечение четырех лет в союзнических странах рабочие и руководители пролетарских организаций — за исключением действительно революционного меньшинства Англии и Франции и огромного большинства итальянской партии,—ссылались на то, что как только в Германии начнется движение, к нему примкнут рабочие всего мира, а пока германский народ спит, и другие народы не решаются перейти в наступление против капиталистического строя.

Этой оговоркой в демагогически преступных целях пользовались социал-патриоты союзнических стран для усыпления революционных порывов рабочих масс. Призыв и обязательство, взятое на себя австро-германскими массами, лишили их, наконец, возможности ссылаться на то, что лишь в азиатской России практиковались всеобщие забастовки. В союзнических странах воззвание имело еще больше влияния, чем в Австрии и Германии.

Историческая январская забастовка, пробившая первую брешь в твердыне германско-австрийского империализма, и цепь вызванных ею, еще далеко не законченных, массовых выступлений во всех странах, была отголоском брошенного в Стокгольме клича. Он подготовил массы к пониманию и исполнению их обязанностей по отношению к великим событиям и был, подобно брестским мирным переговорам, одной из искр, от которых разгорелся, разносясь по всем странам, пожар восстания трудящихся масс против векового рабства, начавшийся в России с Октябрьской революции. После того, как оно бросило эту последнюю искру, циммервальдское движение было само поглощено великим пламенем русской и мировой социальной революции.

Анжелика БАЛАБАНОВА.

РУССКИЙ АНГЛИЧАНИНУ ОБ ИНТЕРВЕНЦИИ.

Недавно меня посетил один очень симпатичный, молодой англичанин. Он пришел ко мне, незнакомому ему, старому, больному ученому и сказал мне, что в переживаемый момент, когда надвигается ужас возможного столкновения между нашими народами, никто, ни с той ни с другой стороны, не имеет права молчать; всякий, в том числе и я, должен возвысить свой слабый голос, чтобы общими силами, может быть, отвратить непоправимое бедствие. С той минуты я не знал покоя, сознавая всю правоту его слов. Конечно, я не с'умею сказать что-нибудь, чего не высказал бы любой честный русский человек, не принадлежащий к тем, которые теперь ждут получить конституцию из рук английского майора или полковника, а заодно что-нибудь и лично себе — „на водку". Но если руководиться этим соображением, то, ведь, все будут молчать. Другое соображение: как сделать, чтобы слово русского достигло слуха англичанина при той цензуре и официальной лжи, которыми современные диктаторы Англии оцепили когда-то свободный английский народ? Предпринятому Коммунистическим Интернационалом изданию на нескольких языках, быть может, удастся преодолеть это препятствие. Вот что сказал бы я своему воображаемому собеседнику, рядовому англичанину, как и я рядовой русский, разумеется в том предположении, что он захотел бы меня выслушать.

Мистер Бритлинг*), успокаивая свою совесть, возмущенную войной, говорит: — „Я не отвечаю за действия сэра Эдуарда Грея". — Но он не прав. Давно сказано — всякий народ имеет правительство, какого заслуживает. Я не политический деятель, от которого зависят судьбы народов, не представитель печати, обязанный доводить до сведения народа „всю правду", даже не историк, обязанный делиться с ним теми своими знаниями о прошлом, которые ему помогут разобраться в настоящем. Я просто ученый, долго живший на свете и усвоивший непреодолимую потребность понимать то, что творится вокруг, чтобы сообразовать с этим свой образ действия — одна из миллионов ответственных человеческих единиц, из которых слагается ответственность наций.

Эта ответственность тем более велика, чем более нация свободна, тем более тяжела, чем менее она свободна. Только бессознательные рабы могут говорить: виноваты не мы, а наши правители. Народы порабощенные, но не утратившие сознание позора своего рабства, несут прежде всего самую тяжелую обязанность — бороться со своими поработителями, пока не свергнут их. Русскому народу пришлось выполнить этот свой долг перед историей при таких ужасных условиях, каких не знал ни один народ в мире. Он находился в худшем из рабств, к тому же еще замаскированном отвратительной комедией парламентаризма, состряпанного Столыпиными, Гучковыми, Саблерами и им подобными, разыгранной Милюковыми, Пуришкевичами, Маклаковыми и tutti quanti и служившей ширмой для прикрытия позорного союза*) „передовых демократий" Европы с ее последней азиатской деспотией. Разоренный до тла, истекающий кровью, русский народ нашел в себе силы, чтобы исполнить этот свой долг перед историей, как это в первый момент было признано всеми сторонами. Английские правители расчитывали, что в их распоряжении останется то же число русских штыков, а сами они избавятся от позора быть союзниками русскаго царя. Они были уверены, что лакеи их проконсула Бьюкэнена—Милюковы и пр.—состряпают и разыграют еще более гнусную конституционную комедию. Но русский народ и те, кто ему честно служили, иначе понимали свою задачу; освобождаясь, русский народ навсегда покончил с самым гнусным оплотом „милитаризма"; не удивительно, что его победным кличем был „мир" и, конечно, он имел на то неоспоримое право. Одновременно такая революция и такая война не под силу никакому народу; с народов, как и с животных, не сдирают двух шкур**). А главное – революция изобличила ту фарисейскую ложь, будто война велась против милитаризма. Не против милитаризма велась она, а за милитаризм владык Lombard Street'а, к которым не замедлили присоединиться и владыки из Wall Street, и против назревавшей общей социалистической революции. Но лакеи английского проконсула, очутившись в роли министров молодой республики, предательски скрывали отчаянный вопль народа о мире и, пользуясь всесветной цензурой, стали заверять, что русский народ рвется в бой. Плоды Февральской революции, добытые петербургскими рабочими и солдатами, достались случайно вынесенным на гребень ее волны представителям цензовых классов, которые своим сознательным оттягиванием учредительного собрания, явным желанием повторить июньские парижские дни 1848 года, позорной комедией Московского Совещания и, наконец, двумя предательскими походами на Петербург, спасшийся только благодаря большевикам, сделали вторую, Октябрьскую революцию безусловно неизбежной. Победа оказалась на стороне большевизма, а побежденными оказались разношерстные враги революции.

---

*) Действующее лицо известного политического романа Уэльса.

*) Должно отдать в этом отношении справедливость немцам, они привлекали к нравственной ответственности только народы Франции и Англии, а об России отзывались с презрительным снисхождением — „это автократия" (Вундт).

**) Неоднократно в печать проникал слух, будто одной из статей союзного договора Николай избавлялся от обязательства его исполнить в случае революции. То, что признавалось за force majeure для избавления от ответственности заключившего условия деспота, не признавалось имеющим ту же силу по отношению к безответственному народу. Скажут эти слухи не верны; тем хуже для тех, кто отстаивают дипломатическую тайну и тем утрачивают всякое доверие.

Вы, из вашего далека, можете обвинять большевиков в утопизме, в желании использовать так дорого стоившую русскому народу революцию до конца, сразу осуществить последнее слово социального строительства, но всякий беспристрастный русский человек не может не признать, что за тысячелетнее существование России в рядах правительства нельзя было найти столько честности, ума, знания, таланта и преданности своему народу, как в рядах большевиков. Имена Ленина, Троцкого, Чичерина, чтобы ограничиться только ими, уже составляют достояние истории. А говорить о каких-нибудь других правительствах, разумея под ними разбойничьи банды, связанные только общею ненавистью к революции и возглавляемые царскими слугами, виновниками войны,—в которой они обнаружили только свою неспособность бороться с внешним врагом и только с'умевшими делать разбойничьи набеги на несчастную родную страну, опираясь на помощь врагов — сегодня немцев, завтра Антанты, а то и тех и других вместе — говорить это можно только при полном незнании дела или при явном желании обмануть несведущих. Несмотря на краткость этой заметки, я не хотел бы быть голословным и позволю себе напомнить только самые выдающиеся факты. Какое изумительное знание и политическое предвидение обнаружил Ленин в своем предсказании революции в Германии — предсказании, встреченном как бред ослепленного фанатика и через несколько недель буквально оправдавшемся; или—в своей уверенности, что „Брестский мир", дав русскому народу необходимую „передышку", в самое короткое время исчезнет без следа. И он исчез бы, если бы „союзники" не пожелали продолжать дело „кайзера", выступив на защиту остзейских баронов. Отметьте карандашом на карте, чем была большевистская Россия год тому назад, благодаря тем же „союзникам", мечтавшим воскресить царский строй, и чем стала теперь. Спросите себя, приходилось ли какой-либо стране вести борьбу на таком протяжении, и вы оцените деятельность большевистского Карно и его талантливых сотрудников, создавших первую в истории, действительно народную армию — красную, умеющую, защищая родину, бить врага. Почитайте ноты Чичерина, и вы найдете первые в истории произведения честной дипломатии, о которой только еще мечтает ваша независимая рабочая партия в своем требовании демократического контроля. Прибавьте к ужаснейшему положению, когда либо испытанному каким-нибудь народом, непрерывающиеся заботы о народном образовании, возникающие бесчисленные школы, читальни, аудитории, небывалый спрос на книгу для народа, успешно удовлетворяемый советским почином, под'ем эстетического развития народа, благодаря впервые ставшим действительно народными театрам, концертам, лекциями. Подведите итоги всему этому, и вы оцените по достоинству наглую клевету о большевистском вандализме, распускаемую подкупленною печатью всего мира.

И подумать, что все ужасные бедствия, претерпеваемые несчастной страной, вызваны правительством не находящегося с нею в войне английского народа и что на эти бедствия затрачиваются его и без того оскудевшие средства. С детства привык я видеть в „Punch"'е зверского казака с нагайкой, как олицетворение ненавистной английскому народу царской России, — теперь он об'является в парламенте „другом" английского народа за то, что помогает вернуть освободившуюся Россию назад под иго царей. Предо мною фотографии предательски взорванных на Волге мостов—этот культурный подвиг также оплачивался английскими агентами! Но ужас доходит до пределов возможного, когда узнаешь, что делалось это не для достижения каких-нибудь местных тактических целей, а с одной общей, дьявольской целью—уморить голодом не участвующее непосредственно в борьбе население—женщин и детей. Куда делись все бесконечные рассуждения, раздававшиеся на всяких Гаагских и иных конгрессах о том, что бедствия войны должны как можно меньше касаться нонкомбатантов—не участвующего в борьбе населения? Современные правители с гордостью говорят: — „nous avons changé tout cela"· война без об'явления войны, война наемными убийцами, война голодом, истребляющим миллионы неповинного населения *), для достижения чего все средства хороши вплоть до вероломного использования уважаемой даже варварскими народами посольской неприкосновенности (Нуланс, Локарт!)—вот последнее слово пресловутого международного права, практикуемое теми, кто управляет английским народом. И все это творится против русского народа, который не приносил, не приносит, не хочет, да и фактически не может приносить никакого вреда английскому народу.

Я знаю ваш ответ: а наши проценты, а царские займы, которых вы не признаете? **) Но ведь Чичерин давно уже доказывал, что все, что предпринимается против России, предпринимается в интересах владельцев царских займов (не потому ли выгодных, что заключавшие их сознавали их рискованность?), и пояснял, что в конечном счете советское правительство, может быть, и предпочтет откупиться для того, чтобы не налагать на народ новый выкуп кровью. Не могу, однако, отказаться от следующих, уже не политических, а чисто этических соображений. Помнится мне, что сэр Эдуард Грей, во время Лондонской конференции, по поводу дележа турецкой добычи между балканскими союзниками (!) высказывал мысль, что добычу эту следует соразмерять с жертвами, понесенными каждым участником войны. Конечно, на первом плане должны стоять жертвы людьми — кровью. В Париже теперешние победители, конечно, уже подводят такие итоги, и газеты оповестили, что на долю английского народа выпадает всего несколько сот тысяч убитых. Быть может, эта оценка, так сказать, только для внутреннего рынка, чтобы успокоить недовольных войной. Но у нас, конечно, эта цифра измеряется миллионами. Подсчитали ли

*) Лорд Сесиль (так сообщали газеты) заявил в парламенте, что 20.000.000 русского населения обречены на голодную смерть!

**) Невольно припоминается мне один из самых первых моих разговоров, в первый мой приезд в Англию, полвека тому назад. Тогда еще свежи были воспоминания о Крымской войне, и одной из первых фраз моего собеседника (симпатичного, уже умершего, профессора Г.) была: „ведь вы знаете, что мы народ лавочников (a nation of schopkeepers) и нас глубоко тронуло, что Николай, не смотря на войну, предложил уплачивать нам проценты." Понятно, что говорилось это в ироническом тоне

Версальские победители этот избыток жертв, принявших на себя первые удары и отвлекших на себя значительные силы немцев, без чего, быть может, исход пресловутой марнской победы был бы совсем иной? Или они подсчитали только то золото, которое было ссужено на обмундировку и прокормление этих жертв (вооружение их, как известно, запоздало)? Ведь и Шейлок, если бы для него выкроили кусок трепещущего человеческого мяса, не имел бы дерзости потребовать обратно ссуженного под залог этого мяса — золота! На это способны только современные Шейлоки, вооруженные пулеметами и танками. Да ведь и за ссуду-то расплачивался своим пушечным мясом народ, а получила ее третья сторона — царь и его клевреты, теперь обивающие пороги парижских и лондонских передней в надежде что-нибудь дополучить за вновь льющуюся кровь своего народа, а может быть, „авансом" и за ту, которая еще будет пролита.

Я очень хорошо сознаю всю идеалистическую наивность своих слов. Политики и черная дипломатия давно забронировали себя аксиомой, что этические требования, связывающие отдельные личности, для них необязательны, и настолько уже в этом успели, что теперь мы присутствуем при обратном явлении: отдельные человеческие личности (спекулянты, предатели и проч.), заразились свободной совестью своих правителей.

Но когда смолкают этические соображения, сохраняют свою силу, даже для правителей, соображения иного порядка. Победители, в свою очередь, страдают наивным идеализмом другого рода: они всегда убеждены, что их то победа окончательная, вечная. Так, конечно, думают теперь в Париже, Лондоне и Вашингтоне. Но когда долго жил на свете, утрачиваешь веру в окончательные победы. Я пережил величие Николая I, которого вы побаивались и свалили, за что вечное вам спасибо*). Я пережил величие Наполеона III, с которыми вы дружили, но не спасли его и, может быть, не без задней мысли**). Я пережил величие Бисмарка, перед которым ваши дипломаты лакействовали***); и все его великое создание (?!) теперь разрушено, благодаря американским миллиардам. Как известно, все попытки достигнуть мирового владычества оканчивались ничем. Скажут — теперь не то, прежде к мировому владычеству стремились одинокие воинственные державы, а теперь — целый „трест" милитаристических держав. Но в этом избытке силы не лежит ли залог худшей слабости? Давно сказано, разбойники дружны в грабеже, грызутся только при дележке. Если кто сомневается в верности этой истины, — вспомните недавний пример балканского союза. Или сердечность Антанты (entente cordiale) обеспечена на веки? Не слышится ли и теперь уже зловещее потрескивание наскоро сколоченного их храма Конкордии? Не грозит ли грядущее соперничество Англии с Америкой еще худшими опасностями, чем ее былое соперничество с Германией? А дружба Америки с Японией, точно ли она так упрочилась? А наконец Франция? Стара скептическая шутка: хочешь нажить себе в человеке врага — окажи ему благодеяние. Неужели Франция сохранит к двум своим благодетельницам одни только чувства бесконечной благодарности?

После разгрома Франции в 1871 году, кто-то, теперь уже не припомню кто, пустил в оборот для утешения французов остроумную переделку vae victis — vae victoribus. Помню снисходительную улыбку окончательно победивших немцев — пускай себе тешатся, а мы знаем, что знаем. Только теперь они узнали весь глубокий смысл этих слов. Неужели ваши Ллойд Джордж и Черчилль (Дарданельский) думают, что дело их рук окончательное и не обратится на их головы (или вернее на голову народа, им повинующегося), как в перечисленных трех случаях? Добавлю и четвертый, не менее свежий пример.

Пятнадцать лет тому назад я бросил в глаза Романову и его клевретам угрозу, что их политика „oderint dum metuant" (пусть ненавидят, лишь бы боялись) приведет их к погибели. Не прошло двенадцати лет, как мое предсказание исполнилось, и в такой мере, как ни я и никто, конечно, не ожидал. Неужели английский народ серьезно полагает, что захватившие в свои руки власть его современные правители, сеющие ненависть во всех странах мира,— в Германии и России, в Ирландии и Венгрии, Турции и Персии, Индии и Египте — готовят ему годы благоденствия и мирного процветания? Те, кто руководятся принципом oderint dum metuant, рано или поздно убеждаются в справедливости изречения vae victoribus — вот результат семидесятилетних моих наблюдений над современной политикой. Да, семидесятилетних, так как я очень хорошо помню, например, две картинки на страницах Illustrated London News, вероятно, 1849 г. На одной из них был изображен торжественный в'езд в Лондон побежденного — Кошута, а на другой — рабочие пивоварни Barcley & Perkins избивали палками победителя — презренного австрийского генерала Гайнау, осмелившегося также явиться в Лондон. И вот теперь, через семьдесят лет, я читаю, что английское правительство избивает освободившийся венгерский народ и садит ему на шею ненавистного Габсбурга. И английский народ это терпит — tempora mutantur *).

Пора, однако, подвести итог этой затянувшейся аргументации. В начале я остановился на различии обязанностей свободного и порабощенного народов и старался возможно кратко напомнить, как исполнил свой долг русский народ. Его обманули (чужие и еще хуже — свои предатели), уверив, что он идет бороться против „милитаристов" и кого-то освобождать. Уже истекая кровью, он понял, что был обманут, но все же нашел в себе силы уничтожить того милитариста, который был всего ближе, завоевал себе свободу и потребовал себе мира, призывая к тому же и другие народы.

---

*) Проходя мимо памятника Пальмерстону, мне всегда хотелось снять перед ним за это шляпу.

**) Очень хорошо помню статью „Таймса" осенью 1870 года, смысл которой был таков каждый разумный англичанин должен был вздохнуть свободно, когда война разразилась. Бояться нужно было не войны, а мира. Выставив на Рейне свои миллионные армии и помирившись, Франция и Германия поделили бы общую добычу: первая забрала бы Бельгию, а вторая — Голландию.

***) О том знает хорошо Бальфур, один из героев Берлинского конгресса 1848 г.

*) Времена переменчивы.

Но чего же можно и должно ждать от народа, когда-то справедлнао гордившегося своей свободой? Конечно, прежде всего того, что он вернет себе обманом. все под тем же предлогом войны, отнятую у него свободу и, прежде всего, откажется быть в руках своих угнетателей палачом других народов, а вместе с ними пойдет на завоевание более широкой и прочной свободы всех народов, сознавая, что только сами народы с'умеют оградить себя в будущем от „милнтаризма“ и бесконечных войн.

Извиняюсь за, быть может, излишнюю горячность моих слов Она несомненно об'ясняется фактом моего происхождения! Я русский, но к моей русской крови прнмешана значительная доля английской. Быть может, в эту минуту во мне говорит кровь либерального англичанина доброго старого времени, в политический катехизис которого входили два правила: не вмешивайся во внутренние дела других народов и сочувствуй народам, сбрасывающим с себя иго деспота; вспомним хотя бы отношение Гладстона к королю-бомбе и к Неаполитанской революции. Эти оба принципа были бы грубо нарушены какой бы то ни было интервенцией: условно честной, в открытой борьбе грудь с грудью, или несравненно более постыдной — руками наемных убийц, иноземных или русских предателей.

Да минет русский народ это тяжкое, но все же временное бедствие, а английский народ — этот ничем несмываемый позор; такова надежда старика, испытывающего нравственные страдания за обе стороны.

К. ТИМИРЯЗЕВ.

Москва, сентябрь 1919 года.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА ДВУХ ИНТЕРНАЦИОНАЛОВ.

Международная политика Желтого и Коммунистического Интернационалов не имеют одна с другой ничего общего и являются полной противоположностью одна другой. Насколько международная политика Коммунистического Интернационала ясна и определенна, настолько же расплывчата и, в сущности, беспринципна международная политика Бернско-Люцернского Интернационала. Она, по своему содержанию, заключается в частичных поправках к внешней политике торжествующих великих держав. Это есть политика мелких заплат на антантовском империализме. В Берне, в Люцерне, в выступлениях выбранных на этих конгрессах комиссий, в парламентских выступлениях отдельных примыкающих к ним партий мы находим целую обширную программу таких мелких заплат. Перебираются всевозможные вопросы и вопросики официальной дипломатии, о Шлезвиге, о Мемеле, о Тироле, о Сирии, о Грузии, о целом ряде других вновь возникших больших и малых республик, и по всем этим вопросам и вопросикам Желтый Интернационал или поддерживает решения великих держав или предлагает к ним какие-либо частичные поправки. Смысл этих поправок заключается в том, чтобы политическую систему великих держав сделать несколько менее одиозной, чтобы хоть сколько-нибудь сгладить слишком резко бросающийся в глаза хищнический характер этой системы. Лига Наций прославляется, ставится только требование ее частичного улучшения. К Версальскому договору предлагаются отдельные поправки, между тем, как оставляются в нем даже передача Франции Саарских копей и взимание контрибуции с Германии. Высказывается пожелание об оставлении за Германией ее колоний. Постоянной предпосылкой служит положение о возможности достигнуть, путем соглашений с правительствами, всех требуемых улучшений. Политики Желтого Интернационала, как услужливые лакеи, бегают за официальной дипломатией, чтобы почистить ей платье и придать ей более приличный вид. В своей основе международная политика Желтого Интернационала есть не что иное, как прислуживание дипломатической системе великих держав, в которой она подвергает критике лишь частности, вызывая представление о полной возможности для нынешних правительств вести отвечающую интересам масс внешнюю политику. Фактически эта деятельность Желтого Интернационала может лишь содействовать укреплению официальной политической системы, увеличивать ее авторитет в глазах масс, отсрочивать момент ее исторического банкротства.

Между тем, по существу, внешняя политика Желтого Интернационала есть прямое и непосредственное продолжение внешней политики Второго Интернационала в том виде, как она начала оформливаться перед войной. Когда в Базеле в 1912 г., в момент грозившей Европе военной опасности, Второй Интернационал выработал свою программу разрешения восточного вопроса, это рассматривалось, как попытка проведения Интернационалом своей положительной программы в области внешней политики. Социалистическая печать разных стран с большим торжеством указывала на то, что базельские резолюции открывают собою новую главу в истории социалистической деятельности, а именно: они являются началом положительной работы Интернационала в области дипломатии. К сожалению, вопрос об его положительной работе в сфере внешней политики остался почти совершенно неразработанным. Мне лично помнится только одна статья Розы Люксембург по поводу внешней политики Жореса, в которой, правда лишь отчасти, был затронут этот вопрос. Считалось общепризнанным, что внешняя политика является лишь продолжением внутренней, неотделимым от нее, и вопрос о различном отношении к той и другой вообще никогда не ставился. Вследствие этого считалось очень желательным выяснение положительных задач социалистических партий во внешней политике. Таким выяснением усиленно занимались в отдельных странах парламентские деятели типа Жореса. Желтый Интернационал в Берне и Люцерне лишь продолжает эту традицию,

нисколько не противореча тому, что в последние годы перед войной являлось в этом отношении общераспространенным взглядом, когда он хлопочет вокруг положительного разрешения вопросов о Грузии, Армении, Фиуме и т. д., оказывая своими хлопотами неоценимые услуги мировой реакции.

В области внутренней политики положение было, между тем, совершенно иное. Ни одно течение социалистического движения не могло сомневаться в том, что у него имеется в области внутренней политики вполне точная и определенная положительная программа в пределах существующего строя. За последний период существования II-го Интернационала ни для одного течения социалистического движения парламентская деятельность не была чисто декларативной, и всякий социалист в парламенте, как бы различно он ни оценивал общий ход развития и значение немедленных достижений в процессе пролетарской борьбы, добивался, между прочим, и этих непосредственных достижений точно так же, как вне парламентских стен рабочее движение добивалось их экономической борьбой. Как бы различно ни понималась разными течениями социалистической мысли роль программы минимум, ни одно из них не могло отказываться от борьбы за немедленное проведение каких либо частей программы-минимум. Политическая и экономическая борьба в своем повседневном ходе заключалась в том, чтобы шаг за шагом вырывать новые уступки от господствующих классов, т. е. борьба эта заключалась в проведении положительной программы в пределах существующего строя.

Иным по существу является содержание внешней политики. Внутренняя политика — это та область, где труд и капитал, народ и правительство, рабочий класс и господствующие классы стоят лицом к лицу. Именно тут господствующие классы принуждались политической и экономической борьбой к одной уступке за другой, именно тут происходило осуществление социалистами положительной программы в пределах нынешнего строя. Внешняя же политика есть отношение государства к другим государствам, т. е. к партнерам или соперникам по мировому хищничеству, затем отношение их к слабым государствам и, наконец, к колониям, т. е. простому об'екту этого хищничества. Во внешней политике могут быть различаемы два элемента: первый—система политических группировок, союзов и антагонизмов, т. е. те дипломатические комбинации, которыми задачи внешней политики достигаются; второй—самые эти задачи, сводящиеся к двум основным группам задач, оборонительным и наступательным. Одна цель внешней политики всех правительств всегда заключалась в обороне своих владений. Надо было во всякий момент, достигая этого путем международных группировок, быть достаточно сильным для того, чтобы алчный противник, желающий отхватить у данного государства какую либо часть или какие либо владения, не мог это сделать без борьбы, лишь благодаря превосходству сил дипломатической коалиции. Дипломатия была одной из форм государственной обороны, прибавлением и дополнением к стоявшим на границе войскам, плававшим у берегов эскадрам и оберегавшим опасные пункты крепостям и укреплениям. Вторая группа задач внешней политики — это все те внешние захваты, из за которых капиталистические правительства между собой враждовали или при которых они друг другу помогали.

Отношение II-го Интернационала к вопросу о национальной обороне, как известно, никогда не было до конца выяснено. В этом вопросе концы никогда не были им сведены с концами. В Штутгартской и Копенгагенской резолюциях имеются глубочайшие внутренние противоречия, которые так драматически обнаружились во время войны. Но у революционного крыла II-го Интернационала отрицательное отношение к так называемой национальной обороне отчасти уже определилось, и недопустимость голосования за военные кредиты была для него аксиомой. Точно так же, как в области военной обороны капиталистического государства социалисты в случае поддержки последней тем самым поддерживали бы всю систему господства классового врага, точно также и солидаризация с внешней политикой своего правительства, даже поскольку она имела оборонительную цель, вела бы к тому же результату. Вопрос о защите отечества путем дипломатии и путем военной обороны есть один и тот же вопрос. Французские социал-предатели во время войны одинаково стояли на страже осадного положения внутри Франции и осадного положения в России. Кампания обеления царизма в Англии была лишь одной из частностей всей деятельности социал предателей по обороне отечества, тогда как другими частностями ее являлись выступления на митингах для поддержки правительственной коалиции, срывание стачек, отказ от тред-юнионских привилегий и т. д.

Что касается наступательных задач внешней политики капиталистических правительств, то все они с начала до конца представляли собой программу хищничества. Такие действия, которые на первый взгляд казались противоречащими этому определению, как например заступничество за истребляемых армян, или заступничество Вильгельма II-го за буров, или политика царизма на Ближнем Востоке в ее, так называемый, освободительный период, в действительности являлись лишь шахматными ходами в той же хищнической игре или искусно скрытыми попытками продвижения вперед в той же захватнической области. Ко всей политической системе хищничества социалистические партии, заслуживающие этого имени, должны были относиться так же безраздельно отрицательно, как отнесся Штутгартский конгресс ко всякой колониальной политике без исключения. Можно сказать, что колониальная политика лишь наиболее определенное и яркое проявление капиталистической внешней политики вообще.

Революционное крыло Интернационала не могло поэтому иметь никакой положительной программы в области внешней политики в пределах существующих государственных отношений, оно могло только иметь отрицательную программу, т. е. ставить себе целью препятствовать внешней политике существующих правительств, как в общем, так и в отдельных их задачах. Борьба против колониальной политики, борьба против вооружений, против войн, против всяких явных и скрытых захватов—таковы были задачи революционного крыла Интернационала в среде внешней политики. Они

были сплошь отрицательными. В сущности, такой же отрицательной являлась и программа разрешения восточного вопроса, выработанная на Базельском конгрессе. Она заключалась в противоположении программы федерации балканских народов всем комбинациям существующих правительств при разрешении восточного вопроса. Эта балканская федерация могла быть достигнута лишь в борьбе как против великих держав, так и против существовавших в то время балканских правительств. Это была скорее составная часть революционной программы для самих балканских народов, чем программа внешней политики. Таковой эта программа была названа лишь по недоразумению. И совершенным недоразумением являлось общепринятое в то время представление, будто принятием базельских резолюций социалистические партии вступили на путь положительной работы в области внешней политики. Никакой такой положительной работы в базельских резолюциях не было, а были лишь лозунги для балканских народов, для их борьбы против собственных правительств. Что касается инструкций, данных в Базеле социалистическим партиям других стран, то эти инструкции носили чисто отрицательный характер, указывая на необходимость борьбы против внешней политики собственных правительств. Базельские резолюции служат лишь подтверждением того, что в области государственной внешней политики революционное крыло Интернационала не могло иметь никакой положительной программы, а лишь отрицательную, имеющую целью воспрепятствование политике капиталистических правительств.

Так называемая внутренняя политика есть та область, где труд и капитал стоят лицом к лицу. Положительная программа социалистических партий в этой области означает, что рабочий класс политической и экономической борьбой принуждает господствующие классы отдавать ему позицию за позицией. Международная политика есть та область, где капиталистические правительства стоят лицом к лицу с другими капиталистическими правительствами и угнетенными странами. Поэтому здесь, как сказано выше, для революционного крыла социалистического движения допустима была только отрицательная программа, т.-е. воспрепятствование комбинациям капиталистических правительств и их хищничеству. Но подчиненная страна или колониальная область так же может бороться и восставать против угнетающих их капиталистических правительств, как борется рабочий класс в своей собственной стране. Задача социалистического движения данной страны заключалась в этом случае в том, чтобы помешать своему правительству раздавить восставшую угнетенную область: задача, как отмечено выше, чисто отрицательная. Но перед ним вставала и другая задача: оказать не только отрицательную, но и положительную помощь восставшей области. Таким образом, рабочий класс параллельно с высшей политикой правительства, вмешательство в которую носило для него характер отрицательный, имел и свою собственную пролетарскую внешнюю политику, заключавшуюся в разбираемом случае в непосредственном оказании помощи жертвам капиталистического правительства. Но такого рода деятельность рабочего класса какой либо страны распространялась не только на приведенный нами случай восстания, но и на всю борьбу, в своей стране и в других странах, со стороны угнетаемых групп против капиталистических правительств и вообще на всякую борьбу между угнетаемыми и угнетателями. Можно сказать, что вся деятельность Интернационала была пролетарскою внешней политикой: контакт между рабочими организациями, их помощь друг другу во всевозможных случаях, все вообще, что составляло содержание деятельности Интернационала, как такового, — это было пролетарской международной политикой, отдельной от правительственной международной политики и противостоящей ей. В области внешней политики задача рабочего класса, поскольку он революционно мыслил, заключалась в том, чтобы международной политике правительств противополагать свою пролетарскую международную политику, т.-е. вести классовую борьбу в международном масштабе.

В области внутренней политики положительная программа проводилась путем вырывания у правительств по одиночке одного завоевания за другим. Не мог ли рабочий класс и во внешней политике таким же образом в каждом отдельном случае не только принуждать свое правительство воздерживаться от каких либо действий, т.-е. выполнять по отношению к нему отрицательную задачу, но также принуждать его к положительному исполнению воли пролетариата, осуществляя таким образом и в среде внешней политики положительную программу в пределах существующего строя? Если рабочий класс сам помогал какой нибудь восставшей угнетенной области, то не мог ли он заставить и свое правительство оказать помощь этой области? Это была именно та заманчивая покатая плоскость, на которую склонны были становиться буржуазно мыслящие реформисты рабочего движения. Правительства во многих случаях не только охотно исполняли подобные пожелания реформистов, но даже сами брали на себя инициативу подобных шагов. Вся политика великих держав в Турции заключалась в том, чтобы якобы помогать угнетаемым против угнетателей. Достаточно назвать этот пример, чтобы выяснить себе, что революционно мыслящий пролетариат никоим образом не мог оказывать помощи какой либо угнетаемой группе иначе, чем непосредственно ее поддерживая. Всякое вмешательство хищных капиталистических правительств в какую либо борьбу угнетенных групп против угнетателей, где бы то ни было, означало лишь вовлечение новаго об'екта в сферу его хищнических комбинаций. Если восставший народ мог собственной силою достигнуть положительных результатов, они являлись для него несомненными приобретениями, но, если какие либо якобы положительные результаты доставались ему ввиде благодеяния той или иной хищнической капиталистической державы, хотя бы под давлением социалистов, то эта держава, будучи сама исполнительницей якобы освободительной задачи, имела полную возможность выполнять последнюю согласно с требованиями своей хищнической политики. Все мировые отношения успели настолько переплестись, и хищнические интересы каждой капиталистической державы были настолько переплетены с политическими отношениями всего мира, что каждая отдельная местная задача неизбежно

выполнялась каждой державой в связи со всей ее мировой политикой. Попытки социалистов оказывать помощь какой-либо угнетаемой группе через такое капиталистическое правительство давали лишь последнему возможность создавать новые комбинации, благоприятные для его мирового хищничества, и надувать свои народные массы, пользуясь их поддержкой.

Тот факт, что изменение политических границ открывало всем империалистическим правительствам мира широкую возможность осуществления своих хищнических комбинаций, был настолько ясен, что, как известно, революционное крыло социалистического движения вполне правильно считало своей задачей борьбу внутри существующих политических границ, а не изменение последних, и с этой точки зрения подходило к вопросам о Польше, Эльзас-Лотарингии и о всех вообще ирредентах. В этом случае понимание недопустимости положительной программы в области внешней политики существующего строя было у революционного крыла достаточно ясным. К сожалению, отношение его к внешней политике вообще никогда не было систематически-исчерпывающим образом сформулировано. Отсутствие ясности в общей постановке вопроса о внешней политике давало возможность значительной части деятелей социалистического движения усиленно заниматься внешней политикой в самом неблагоприятном для революционного пролетариата смысле. В то время, когда франко-английский союз еще не был осуществлен, Жорес постоянно хлопотал о нем, усматривая в этом, якобы демократическом союзе, какое-то ценное приобретение и какой-то противовес реакционному союзу с царизмом. Когда в период усиленной возни всех держав с Македонским вопросом Франция, Англия и Италия выдвинули свои проекты реформ в Македонии в противоположность поддержанной Германией австро-русской программе, наивные социалисты усмотрели в этой политической комбинации необыкновенно важное якобы демократическое приобретение, — начало союза демократических наций против реакционных. Рассуждения социал-предателей во время великой войны, по существу, не отличаются от рассуждений социалистов в период появления западной программы Македонских реформ. Социал-предатели в полной мере поддерживали традиции второго Интернационала. Точно так же в Германии Бернштейн усиленно хлопотал о союзе с Англией, поддерживая старую традицию германских свободомыслящих. Жорес шел еще дальше: в целом ряде блестящих речей, произнесенных им за время его парламентской деятельности, он постоянно стремился побудить французское правительство открыть новую эру внешней политики, основанной на справедливости, лойяльности, прогрессе и т. д. Можно сказать, что именно в области внешней политики целиком раскрывается все утопическое содержание мелко-буржуазного реформизма в социалистическом движении и его действительная роль прислужника и пособника правительственной политики обмана масс и достижения хищнических целей под благовидными предлогами. Уже давно правительства передовых капиталистических стран были готовы укрепить в собственной стране свое господство значительными уступками собственным народным массам, чтобы иметь развязанные руки в области своего мирового хищничества, являвшегося уже главным источником прибылей олигархии. Лучшую службу в этом отношении могли сослужить им близорукие самообольщающиеся Маниловы типа Жореса, всей силой своего красноречия и своего искреннего убеждения помогавшие своему правительству приобретать поддержку собственных народных масс, создавая представление о возможности демократической мировой политики. Так подготовлялся „гражданский мир" (бургфриден) великой войны.

II-й Интернационал, к сожалению, ограничился вполне верным определением своей чисто отрицательной задачи по отношению к колониальной политике, но не распространил этого определения на всю внешнюю политику в области существующего строя. Эта неясность значительно облегчила правительствам задачу использования пролетарских организаций в интересах своей военной политики. Отсутствие ясного понимания недопустимости для революционного пролетариата положительной программы в области существующей внешней политики вело к тому, что широким социалистическим кругам казалось вполне возможным выдвигать планы интернационализации Дарданелл и т. п., вообще всевозможных форм международного устройства общества при существующем строе. Когда Асквит осенью 1914 года в своей Дублинской речи впервые от имени английского правительства выдвинул лозунг создания лиги наций, он заимствовал этот лозунг у пацифистов и социалистов.

Когда Бернштейн и другие ратовали за союз с так называемыми демократическими правительствами, они не только следовали традиции свободомыслящих, но опирались на авторитет Маркса, ставившего в области внешней политики перед социалистами самые определенные задачи в виде сплочения буржуазно-либеральных правительств против Николая I. Действительно, в тот период историческая обстановка была еще иною. В середине XIX века буржуазное общество еще не было в международном масштабе освобождено от пут старого феодально-абсолютистского строя, и создание международных условий свободного развития буржуазных правительств было задачею, в выполнении которой был заинтересован и рабочий класс. Тогда же стояли еще на очереди и положительные международные задачи создания национальных государств, необходимого для нормального развития капиталистических отношений. В то время Маркс с полным правом выдвигал перед социалистами положительные задачи в области международной политики. Борьба против международной диктатуры абсолютистского жандарма Николая I была такою задачею. Если при создании национальных государств революционный пролетариат не мог выступать как союзник бравших на себя эту задачу реакционно-монархических правительств, то сама по себе, об'ективно, эта задача все же представлялась прогрессивной. Не то было в последующий исторический период, когда буржуазия стала полным хозяином общества, и остатки прежнего строя превратились в исполнителей потребностей торжествующего капитализма. Когда во внешней политике, так же, как и во внутренней, пережитки

внешних демократических форм стали лишь прикрытием хозяйничанья капиталистической олигархии, в области государственной международной политики перестали существовать какие бы то ни было прогрессивные положительные задачи, в выполнении которых был бы заинтересован пролетариат. В последний период мировой истории между народная политика представляла исключительно комбинации хищнических капиталистических правительств. Революционный пролетариат должен был всецело стоять вне этих комбинаций, направляя все свои силы на поддержку жертв капиталистических хищников, на содействие угнетенным классам и угнетенным группам вне всякого сотрудничества с дипломатическими комбинациями капиталистических правительств.

Совершенно меняется положение с появлением революционных рабоче-крестьянских советских правительств. Впервые после долгого перерыва перед революционным пролетариатом снова становятся в области государственной внешней политики положительные задачи. Впервые среди существующих правительств появляются такие, поддержка которых составляет международный революционно-пролетарский интерес. Эти правительства становятся в центре всей мировой борьбы между угнетенными и угнетающими странами и группами. Перед революционными пролетарскими партиями и группами всех стран становится задача борьбы за обеспечение и упрочение международного положения революционных советских правительств. Только тем партиям и группам доступна новая программа внешней политики, которые сами стоят на революционной советской почве. Только группировкам, стоящим на почве III-го Интернационала, открыта новая положительная международная политика. Желтому же Бернско-Люцернскому Интернационалу, неспособному идти по отношению к советским правительствам дальше расплывчатого невмешательства, не остается вообще ничего другого, как продолжать прислужническую, ложно-демократическую традицию реформистов II-го Интернационала, выступать, повидимому, как будто в роли критиков реакционных капиталистических правительств, в действительности же, об'ективно, тем самым укрепляя их положение и помогая им продолжать держаться и обманывать массы.

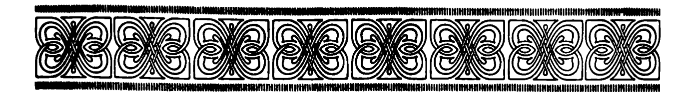
В несколько ином положении, чем революционные партии, находятся сами революционные советские правительства. Как фактически существующие правительства в ряду других существующих правительств, они принуждены становиться в известные отношения к последним, а эти отношения налагают на них обязательства, с которыми приходится считаться. Комиссару Иностранных Дел, выступая на страницах органа III Интернационала, приходится считаться с тем, что он все же связан положением правительства, которое не есть уже положение далекой от власти революционной партии. Но в то же время революционное советское правительство по своему характеру и задачам находится в полной противоположности к капиталистическим правительствам и ни в каком случае не может участвовать в их хищнических комбинациях. Перед ним стоит поэтому задача — со всеми правительствами жить в мире или добиваться с ними мира, но тщательно сторониться от участия в каких бы то ни было коалициях и комбинациях империалистических аппетитов. Все советские правительства, одинаково находясь в том же положении полной противоположности к капиталистическим правительствам, делаются в силу необходимости союзниками между собою, но, разумеется, союзниками в смысле оборонительном, так как наступательная политика всем им одинаково чужда. Требования государственной обороны, которые являются первым определяющим моментом международной политики капиталистических правительств, точно также являются первым моментом и в советской внешней политике. По отношению к „обороне отечества" капиталистических правительств положение революционного пролетариата должно быть чисто отрицательным. Наоборот, оборона рабоче-крестьянского советского государства есть его первейший кровный интерес. Но точно так же, как оборона капиталистических государств производится не только солдатами и пушками, а в не меньшей степени и дипломатией, имеющей целью устранить возможность вражеских коалиций, против которых пушки и солдаты были бы бессильны, точно также и в обороне советского правительства громадную роль должны играть международно-политические отношения, имеющие целью устранение опасностей враждебных коалиций. А международные отношения, имеющие целью устранение опасности нападения, налагают также определенные обязательства. В нынешний исторический момент, при тех невероятных трудностях и опасностях, которые угрожают самому существованию окруженных со всех сторон врагами советских правительств, им приходится в величайшей степени считаться с этими требованиями внешней политики. Роль советской дипломатии строго оборонительная, но роль эта в высшей степени ответственная. Итак, когда мы говорим о положительных задачах III Интернационала, мы не можем отождествлять с коммунистическими партиями советские правительства, в которых эти партии господствуют.

Советские правительства не только устраняются от всякого участия в каких бы то ни было комбинациях империалистических правительств, но и противопоставляют им по отношению к угнетенным странам и вообще угнетенным группировкам и в частности по отношению к колониальным народам и государствам диаметрально противоположную политику признания прав угнетенных, в частности права их на самоопределение. Самые пределы обязательств, налагаемых на советские правительства их положением в ряду других правительств бывают различны в зависимости от различной политической обстановки. В первые месяцы своего существования, до Брестского мира российское советское правительство выступало ярко декларативно в духе политики мировой пролетарской революции. Не поддающееся оценке по своей громадности впечатление, произведенное им в первый период своего существования, осталось до сих пор неизгладимым в мировом рабочем движении и определило раз навсегда отношение последнего к советским правительствам.

Как бы ни были в настоящее время связаны в своих действиях советские правительства, отношение к ним всегда стоит в самом центре положительной международной политики левого крыла

рабочего движения всех стран. Так же, как при втором Интернационале социалистические партии вели свою международную политику вне международной политики государственных взаимоотношений, точно также и третий Интернационал имеет свою международную политику общих целей и общих действий во всех странах мира. В сфере же международных государственных отношений его положительная программа сосредоточивается вокруг международного положения советских правительств, политического об'единения их между собой и поддержки их всеми стоящими на той же почве группировками. Самое существование советских правительств и неоднократно имевшее место возникновение новых советских правительств, ожидаемое нами и в будущем (и, мы уверены, в очень близком будущем), совершенно меняет отношение революционного крыла мирового рабочего движения ко всем текущим вопросам и вопросикам официальной дипломатии. Если в период второго Интернационала революционное крыло социалистического движения могло в области международной политики ставить перед собой по всем текущим вопросам вроде армянского, сирийского и т. д. лишь чисто отрицательные задачи по отношению к империалистическому хищничеству, то в настоящее время третий Интернационал противополагает последнему повсюду, где оно проявляется, реальные задачи советского строительства и перспективы немедленного освобождения от империалистического гнета. Даже помимо непосредственно уже поставленных историей революционных задач в самых передовых капиталистических странах, и рядом и одновременно с ними, чисто отрицательная программа штутгартской резолюции по колониальной политике уже может быть заменена немедленной положительной политикой создания свободных национальных государств из угнетенных колоний, протекторатов и сфер влияний, и эти новые свободные государства третий Интернационал стремится уже создать в виде советских республик. Но, разумеется, эти задачи не отделимы от основных революционных задач третьего Интернационала в самых передовых капиталистических странах. Освобождение угнетенных стран возможно только потому, что в странах господствующих уже настолько расшатана власть олигархии, что ее сила мирового принуждения потеряла прежнюю непреодолимость. В свою очередь расшатывание мирового колониального господства олигархий передовых стран ускоряет падение их власти у себя дома. Третий Интернационал ставит перед собой задачу освобождения угнетенных стран даже независимо от того, произошло ли крушение власти капиталистических правительств в странах господствующих, но в настоящий момент нет возможности предсказать, что именно произойдет раньше, первое или второе. Во всяком случае грандиозная положительная международная программа третьего Интернационала возможна лишь благодаря его основной мировой революционной программе и потому доступна лишь ему и находится в самом вопиющем противоречии к прислужнической и расплывчатой международной программе желтого бернско-люцернского Интернационала.

Георгий ЧИЧЕРИН

ОСНОВАНИЕ ПЕРВОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

После поражения революции 1848 г., повлекшего за собою подавление всех движений среди рабочих классов на континенте и в Англии, прошло более десяти лет до тех пор, пока начался новый под'ем в рабочем движении, вынесший на гребне своих вздымающихся волн Международное Товарищество Рабочих. За это десятилетие политической реакции и беспримерного дотоле экономического расцвета, на котором почти не отразилась даже Крымская война и который охватил все европейские страны, не исключая и России, — успело вырости новое поколение, которое пробудилось от своего политического индифферентизма лишь под влиянием мирового кризиса 1857—58 г.г. Наступивший в 1859 г. политический под'ем снова выдвинул на первый план целый ряд национальных и политических вопросов, поставленных, но не разрешенных революцией 1848 г., и внес новую жизнь в демократическое движение всех стран. Еще в 1859 г. были поставлены в порядок дня вопросы об уничтожении рабства в Северной Америке и об отмене крепостного права в России.

Рабочее движение в Англии в пятидесятых и шестидесятых годах.

В Англии, — где чартизм, после неудавшейся попытки Эрнста Джонса придать ему характер классового движения, лишился в 1858 г. своего последнего печатного органа и перестал существовать в качестве единой политической организации, рабочее движение распылилось окончательно. На этот раз в рабочем движении снова взяла верх старая тенденция, от которой постоянно страдал и чартизм, а именно — склонность к распадению на отдельные частичные движения, преследующие различные цели, и к созданию различных организаций, конкурирующих друг с другом в достижении одной и той же цели. Не осталось и следа от единого рабочего движения, развивающегося под общим руководством.

Создавшееся политическое положение благоприятствовало более всего развитию таких форм рабочего движения, которые не стояли в прямом противоречии с господствующей реакцией и пользовались поддержкой буржуазных филантропов. Втечение пятидесятых годов кооперативные товарищества, с честными Рочдэльскими пионерами во главе, твердо стали на ноги и заняли господствующее положение среди тогдашних форм деятельности рабочего класса.

Только для профессионального движения пятидесятые годы оказались не очень благоприятными. Профессиональные союзы, за некоторыми отдельными исключениями, лишь с трудом могли влачить свое существование. В них стали преобладать направления, считавшие всякую политическую деятельность вредной помехой для движения.

Но положение резко изменилось после кризиса 1857 г. „Эра стачек," — пишут Веббы — „начавшаяся в 1857 г. и ознаменовавшаяся упадком промышленных предприятий, показала, как обманчивы были эти надежды".

Важнейшей стачкой за этот период была стачка лондонских строительных рабочих.

Все английские профессиональные союзы примкнули к лондонским строительным рабочим. Втечение целого полугода (с 21 июля 1859 г. до 6 февраля 1860 г.) эта стачка держала в состоянии напряжения весь английский рабочий класс. Представители рабочих и члены комитета, составленного из делегатов различных профессий, — в особенности Дж. Оджер, ставший впоследствии председателем генерального совета Международного Товарищества Рабочих и В. Р. Крэмер, который впоследствии стал секретарем Товарищества,—раз'ясняли на массовых собраниях требования рабочих. „Если политическая экономия окажется против нас — восклицал на митинге в Гайд-парке Крэмер, — то мы выступим против нее". Вся борьба рассматривалась, как борьба политической экономии рабочего класса против политической экономии капиталистического класса.

Первая стачка строительных рабочих закончилась компромиссом. Рабочие временно отказались от своих главных требований. Несмотря на это, стачка строительных рабочих стала поворотным пунктом в истории английского рабочего движения. Борьба и вопрос о праве коалиций увлекли даже мирно настроенные профессиональные союзы. Из профессиональных комитетов (Trade Committees), образовавшихся во время этой стачки для организации собраний, возникли во многих местах профессиональные советы (Trade Councils), в том числе и лондонский (в июле 1860 г.), и советы эти с этого времени поставили себе задачей защиту общих интересов рабочих в их борьбе против капиталистов.

И когда весною 1861 г. произошла новая большая стачка строительных рабочих, то на стороне забастовщиков оказались уже все лондонские профессиональные союзы. Незадолго перед тем образовавшийся лондонский Профессиональный Совет прилагал все усилия к тому, чтобы поддержать требования строительных рабочих. Именно этот Совет и организовал все движение против применения солдат в качестве штрейкбрехеров. В состав депутации, посланной к правительству по постановлению созванного Профессиональным Советом делегатского собрания всех лондонских профессиональных союзов, были избраны: С. Коульсон, В. Крэмер, Д. Хоуэлл, Генри Мартин, Джон Хипп, Д. Оджер — все они впоследствии стали членами генерального совета Интернационала.

Вторая стачка не только, подобно первой, гарантировала строительным рабочим право коалиций, но, кроме того, благодаря ей, они добились сокращения рабочего дня. Был установлен нормальный рабочий день в 9½ часов.

Но стачечное движение 1859—1861 годов, кроме установления более тесной связи между отдельными местными профессиональными союзами и пробуждения классовой солидарности среди английского рабочего класса, имело еще одно, гораздо более важное последствие. Предприниматели, которые в своей борьбе с трэд-юнионами постоянно ссылались на иностранную конкуренцию, стали теперь угрожать ввозом более дешевой рабочей силы из заграницы. Что эта угроза отнюдь не была пустой фразой, показывала все возрастающая конкуренция со стороны рабочих-немцев в портновской и хлебопекарной профессиях. Борьбу за одинаковые условия труда, таким образом, необходимо было перенести на континент. Вследствие этого международная пропаганда профессионального об'единения стала для английских рабочих делом жизненной необходимости, и в их кругах стало усиливаться стремление к установлению связей с рабочими на континенте, в частности с французскими, бельгийскими и германскими рабочими.

Лучшими посредниками при этом могли служить представители различных эмигрантов, обосновавшихся в Лондоне. Центром пролетарской эмиграции, после переселения большинства французских рабочих в Америку или возвращения их во Францию после амнистий 1856 и 1859 годов, был тогда „Коммунистический Просветительный Рабочий Кружок", члены которого вербовались главным образом из среды ремесленников (портных, живописцев, часовщиков). Некоторые из них, как Эккариус и Лесснер, были членами старого „Союза Коммунистов" и работали также в английских профессиональных организациях.

Вскоре представился удобный случай к вступлению в непосредственные сношения с континентальными рабочими при посредстве эмигрантов из различных стран. В мае 1862 г. в Лондоне открылась Третья Международная Выставка, на которую приехали также и делегации от рабочих различных стран. Самой многочисленной была французская делегация.

Французские рабочие в Англии.

Ни в одной стране поражение революции 1848 года не отразилось так тяжело на положении пролетариата, как во Франции. Правительство государственного переворота беспощадно подавляло всякую попытку самостоятельного движения со стороны рабочего класса. Но правительство империи не ограничивалось полицейскими мероприятиями и запретами, оно вместе с тем всячески старалось примирить рабочих с новым режимом путем улучшения их материального положения, стараясь насадить своеобразный „императорский социализм".

Но кризис 1857 — 58 гг. вызвал во Франции такой же значительный под'ем, как и в Англии. Он быстро положил конец всем иллюзиям „императорского социализма". Едва наступил кризис, как во Франции, несмотря на запрет всяких коалиций, началось стачечное движение в защиту существующих ставок заработной платы. Возбуждение среди рабочих было весьма велико. Итальянская война, предпринятая против воли духовенства для того, чтобы дать исход недовольству, господствовавшему в стране, вызвала сначала в рабочей среде большое воодушевление, превратившееся затем в бурю негодования, когда стали известны условия мира при Виллафранке. Теперь стало ясно, что путь к отступлению отрезан. С другой стороны, стало также ясно, что дальнейшее развитие итальянского вопроса должно еще более усилить недовольство среди духовенства. Некоторый противовес этому могли создать только рабочие, либерально настроенная буржуазия и мелко-буржуазные круги. Этим об'ясняются первые шаги правительства по пути к установлению „либеральной империи" („empire liberal") и новое сближение с Англией, выразившееся в заключении торгового договора 1860 г.

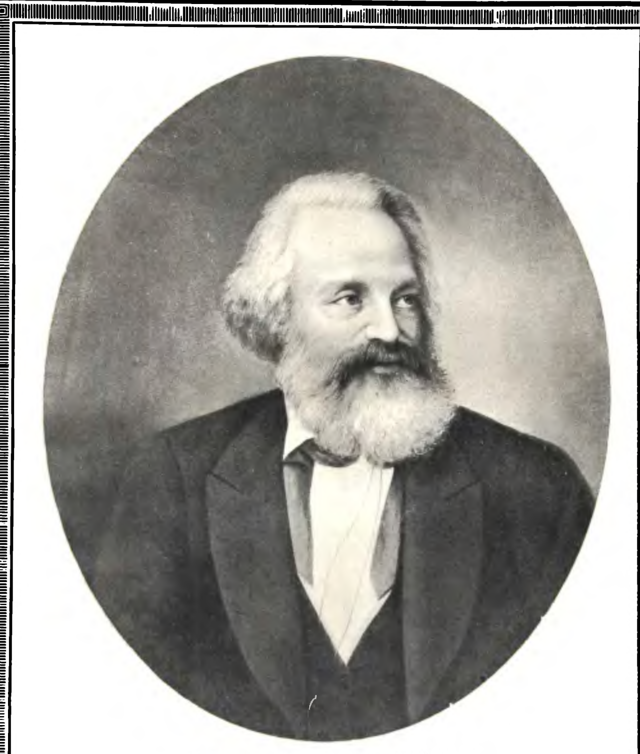
Главным выразителем либеральных и антиклерикальных стремлений в императорской семье был принц Наполеон. Его доверенным лицом был Арман Леви, который принимал деятельное участие в революции 1848 г. и был воспитателем детей великого польского поэта Мицкевича. В своей газете, к сотрудничеству в которой он привлек многих представителей различных организаций, Леви отстаивал дело всех угнетенных национальностей и с самого начала стал уделять видное место рабочему вопросу. Ему удалось образовать среди парижских рабочих группу постоянных корреспондентов газеты. Вместе с этими рабочими Леви выпустил также ряд брошюр, в которых он излагал требования рабочих в духе цезаристского социализма.

Среди этой группы возникла мысль послать собственную рабочую делегацию на Лондонскую Международную Выставку. Главным посредником между рабочими и принцем Наполеоном, который был председателем императорской выставочной комиссии, был тот же Леви. Именно это обстоятельство,— этот якобы официозный характер французской рабочей делегации, — было впоследствии использовано с различных сторон, как повод для нападок на французских членов Интернационала.

В действительности же дело обстояло совершенно иначе. Среди парижских рабочих существовала и другая группа, состоявшая в большинстве своем из приверженцев Прудона, которые готовы были принять участие в делегации лишь на известных условиях. Группе этой, во главе которой стоял Толэн, удалось настоять на том, чтобы выборы делегатов были произведены самими рабочими.

Митинг 5 августа 1862 г., на котором французской рабочей делегации был устроен торжественный прием, отнюдь не может быть рассматриваем, как исходный пункт Международного Товарищества Рабочих, хотя бы уже по одному тому, что в устройстве этого митинга вожди английских профессиональных союзов не принимали ни малейшего участия.

Люди, действительно созвавшие этот митинг, с самого начала подчеркивали, что торжественный прием французов был подготовлен не только английскими рабочими, но и английскими предпринимателями. Самый митинг прошел под эгидой тех самых эксплуататоров, которые всего за несколько месяцев до того вели ожесточенную борьбу с

КАРЛ МАРКС

Оригинал этого портрета, исполненный масляными красками, подарен председателю Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала т. Г. Зиновьеву т. М. Горьким. Портрет написан с натуры в Лондоне русским художником Матвеевым, автором известной картины „Декабристы".

английскими рабочими. Поэтому на нем и не было сделано никаких определенных предложений об установлении прочной связи между французскими и английскими рабочими. В речах, как английских, так и французских ораторов, подчеркивались прежде всего не интересы рабочего класса, а интересы промышленности, причем проповедывалась необходимость соглашения между рабочими и предпринимателями, как единственное средство для улучшения положения рабочих. На этом митинге не было сказано ни слова о необходимости международного об'единения рабочих классов различных стран в их освободительной борьбе. И все же посещение Лондонской Всемирной Выставки имело, благодаря своим косвенным последствиям, весьма большое значение, ибо оно стало в высшей степени важным этапом к достижению соглашения между английскими и французскими рабочими. Контакт с английскими товарищами и непосредственное знакомство с условиями английской жизни принесли свои плоды.

Одним из важнейших последствий этого посещения был раскол между рабочими, продолжавшими плыть по течению „императорского социализма", и теми рабочими, которые, во главе с Толэном и его друзьями, захотели освободиться от всякой официальной опеки.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что французские делегаты завязали сношения с руководителями профессионального движения в Англии при посредничестве некоторых членов французской эмиграции. Эти сношения поддерживались потом также при содействии тех членов французской рабочей делегации, которые нашли себе работу в Лондове и остались жить там, как напр., Э. Дюпон, который впоследствии был секретарем Интернационала для Франции.

Связи между английскими и французскими рабочими, установившиеся во время пребывания делегации на выставке, оборвались бы очень скоро, если бы не два события — хлопковый голод и польское восстание, — которые вызвали параллельные движения по обе стороны Ламанша.

Хлопковый голод, бывший последствием гражданской войны в Северной Америке, ощущался очень остро в 1862 и 1863 годах. Положение рабочих в Ланкашире было ужасающе. Не лучше была и участь французских текстильных рабочих.

Почти одновременно образовались рабочие комитеты — в Лондоне с Оджером и Крэмером во главе, и — в Париже, во главе с Толэном, Перрашоном, Кэном и другими рабочими вождями. Эти комитеты имели целью устройство сборов в пользу нуждающихся рабочих.

Такой же параллельный характер носило и движение, имевшее целью моральную поддержку восставших поляков. Английские рабочие, которые, несмотря на вызванную северо-американской гражданской войной среди них нужду, вели на массовых собраниях энергичную кампанию против правительства, собиравшегося поддержать американских рабовладельцев, заявили на целом ряде митингов о своих симпатиях к вспыхнувшему в начале 1863 г. польскому восстанию и прилагали все усилия к тому, чтобы оказать на свое правительство давление в благоприятном для поляков духе. Делегация, избранная на митинге в Сент-Джемс Холле, состоявшемся 28 апреля 1863 г. под председательством профессора Бисли, была принята Пальмерстоном, но получила от него уклончивый ответ. Чтобы оказать еще более сильное давление на правительство, было решено организовать новый митинг, на этот раз с участием представителей от французских рабочих.

Толэн и его друзья приняли приглашение английских рабочих, и митинг состоялся 22 июля 1863 г. в Сент-Джемс Холле. С речами от имени английских рабочих выступили Крэмер, подвергший резкой критике всю иностранную политику Пальмерстона, и Оджер, призывавший к войне против России. В том же смысле говорил и Толэн, изображавший яркими красками страдания поляков и настаивавший на необходимости борьбы с русским варварством.

Тотчас же после митинга начались переговоры между английскими и французскими рабочими, причем был выдвинут вопрос о необходимости установить более тесные и прочные связи.

И вот теперь-то проявил инициативу Лондонский Профессиональный Совет, бывший полномочным представителем лондонских рабочих. 23 июля он устроил французским рабочим торжественный прием. Секретарь Совета Оджер приветствовал французских рабочих и выразил надежду, что недалек уже тот день, когда рабочие всех стран об'единятся вместе, когда прекратятся войны и исчезнет рабство и когда наступит свобода и всеобщее благосостояние. На этом собрании присутствовала и польская делегация. Немецкий рабочий Вебер изложил в своей речи благие последствия сотрудничества между рабочими различных стран.

Подготовка интернационального об'единения рабочих.

Было единогласно постановлено выбрать комитет для составления адреса французским рабочим. Но прошло более трех месяцев, пока, наконец, комитет справился с этой задачей и представил новому собранию проект адреса (10 ноября 1863 г.). Адрес был предложен Оджером, Крэмером и поныне еще здравствующим Эппльгартом, и был единогласно одобрен.

Во второй половине ноября он был переведен на французский язык профессором Бисли, переслан парижским рабочим, и с живым интересом читался во всех парижских предместьях.

В этом дружеском адресе была выражена та мысль, что лучшим средством для поддержки солидарности народов служит об'единение рабочих всех стран. Для достижения этого предлагался созыв интернационального конгресса.

„Созовем общее собрание представителей Франции, Англии, Германии, Италии, Польши и всех тех стран, в которых существует стремление к общей работе на благо человечества. Устроим свой конгресс для обсуждения тех великих вопросов, от которых зависит мир между народами.

Братство народов в высшей степени необходимо для успеха рабочего дела. Ибо каждый раз, когда мы пытаемся улучшить наше социальное положение путем сокращения рабочего дня или повышения заработной платы, наши предпринима-

тели угрожают, что они привезут сюда рабочих—французов, немцев, бельгийцев и те будут исполнять нашу работу за меньшую плату; и к сожалению, мы должны сказать, что это не раз уже было на деле, и не потому, чтобы наши братья на континенте хотели повредить нам, а просто вследствие отсутствия регулярной и систематической связи между рабами труда в различных странах. Мы надеемся, что теперь удастся установить такую связь, так как наш принцип возможного уравнения заработной платы плохо оплачиваемых рабочих с заработной платой лучше оплачиваемых не позволит уже предпринимателям натравливать нас друг против друга и таким образом ухудшать условия нашего существования так, как вздумается этим торгашам".

Прошло более восьми месяцев, пока, наконец, в Лондоне был получен ответный адрес французских рабочих. Это запоздание об'ясняется тем, что парижские рабочие как раз тогда готовились к дополнительным выборам, назначенным на март 1864 г. Во время выборной кампании была в первый раз сделана попытка и в политическом отношении отделиться от буржуазной оппозиции. В манифесте — „Манифесте шестидесяти",—составленном Толэном и подписанном шестьюдесятью рабочими, в том числе Камелина, теперешним кассиром нашей братской французской партии, указывалось на необходимость самостоятельного политического выступления рабочего класса. Основные принципы манифеста были заимствованы у Прудона, с тем, однако, различием, что „шестьдесят" высказались за активное участие в выборах, что отвергалось Прудоном.

Только после этих выборов были возобновлены переговоры с английскими рабочими. Посредниками при этом служили ныне здравствующий Анри Лефор, который также принимал участие в выборной кампании, и его друзья из числа проживавших в Лондоне французских эмигрантов. Было постановлено вручить ответный адрес английским рабочим в Лондоне чрез посредство особо избранной для этой цели делегации. Еще 17 сентября английская рабочая газета „Beehive" („Улей") поместила сообщение о том, что в среду 28 сентября в Лонгакре, в зале Св. Мартина состоится собрание, на котором депутация парижских рабочих прочитает свой ответный адрес английским рабочим и предложит план установления более тесных связей между обоими народами.

Учредительное Собрание.

На митинге, на котором, как писал Маркс Энгельсу, „было столько народу, что можно было задохнуться", снова председательствовал тот же самый профессор Бисли, который в предыдущем году руководил большим митингом по польскому вопросу. После речи председателя, который указывал на необходимость тесного союза между Францией и Англией и выражал надежду, что этот митинг положит начало сотрудничеству между рабочими Англии и всех других стран и укрепит в них братские чувства друг к другу, Оджер прочитал известный уже нам адрес английских рабочих. Ему отвечал от имени французской делегации Толэн:

„Рабочие всех стран, сказал он, если мы хотим быть свободными, то мы должны созвать конгресс; народ, сознавший свою силу, подымается на борьбу против тирании в политической области, против монополий в области социальной экономии, так как промышленность, обязанная своим прогрессом научным открытиям, с каждым днем развивает свои производительные силы; применение машин, облегчающее разделение труда, способствует дальнейшему росту этих сил, а торговые договоры, осуществляющие идею свободы торговли, открывают новые области для их распространения.

„Промышленный прогресс, разделение труда, свобода торговли — таковы три новых вопроса, которые должны приковать к себе наше внимание, так как им предстоит изменить экономические условия жизни общества в весьма существенных чертах. Под давлением фактов и новых требований настоящего времени капиталисты об'единились, основав общие могущественные финансовые и промышленные организации, и если мы со своей стороны им ничего не противопоставим для нашей собственной обороны, если давление с их стороны не встретит себе противодействия, то мы скоро должны будем подчиниться деспотическому режиму... Мы, рабочие всех стран, должны об'единиться, чтобы пресечь дальнейшее развитие этой губительной системы, которая в противном случае приведет к разделению всего человечества на два различных класса,—на громадную массу голодных и угнетенных и небольшую клику высокомерных господ и откормленных мандаринов. Давайте же, будем помогать друг другу и постараемся общими усилиями достичь нашей цели. Это именно и предлагают наши французские братья своим братьям—англичанам".

Ле Любец, переводивший речь Толэна на английский, сообщил затем собранию в общих чертах сущность выработанного французскими рабочими плана деятельности. Должна быть создана центральная комиссия, состоящая из представителей рабочих всех стран и имеющая постоянное местопребывание в Лондоне; во всех других столичных городах Европы должны быть образованы подкомиссии, поддерживающие письменные сношения с лондонской центральной комиссией. Центральная комиссия должна ставить на обсуждение отдельные вопросы, которые затем подвергаются обсуждению во всех подкомиссиях, при чем окончательный результат сообщается центральной комиссии. Втечение ближайшего же года должен быть созван в Бельгии конгресс, на который должны быть присланы представители рабочего класса из различных стран и который установит окончательную форму всей организации... После прочтения составленного Лефором адреса Уилер предложил следующую резолюцию:

„Настоящее собрание, выслушав ответ наших французских братьев на наш адрес, еще раз приветствует их и, так как их план имеет целью способствовать общению между рабочими, то собрание принимает предложенный ими проект, как основу для организации Международного Товарищества. Вместе с тем собрание решает избрать комитет, с предоставлением ему права пополнять себя путем кооптации, и поручает этому комитету выработать проект статутов и регламента для предполагаемого к основанию товарищества."

Эта резолюция была поддержана от имени немцев Эккариусом, от имени итальянцев майором Вольфом, от имени французов — Боске и от имени ирландцев — Форбсом, после чего резолюция была принята единогласно.

Это все, что нам известно об этом историческом собрании. Членам временного Центрального Совета было поручено выработать статуты, но им при этом не было дано никаких руководящих указаний. Даже название нового общества осталось неопределенным. Комитет должен был, по собственному усмотрению, влить принципиальное содержание в новую форму Интернационального Об'единения. Формулировка всех принципиальных вопросов была, таким образом, предоставлена борьбе мнений в среде самого комитета.

Маркс и Интернационал.

Главная заслуга в деле выработки программы и составления проекта статутов для этой интернациональной организации, созданной английскими и французскими рабочими, принадлежит немецкому коммунисту — Карлу Марксу.

В официальном отчете его имя в первый раз упоминается в списке членов избранного комитета и при том на последнем месте.

Уже это обстоятельство показывает, что имя его было известно устроителям этого собрания. Сам Маркс разсказывает нам об этом следующее:

„Ко мне был прислан некий Ле Любец для выяснения того, — согласен ли я принять участие в митинге pour les ouvriers allemands (за немецких рабочих); и в частности указать какого-либо немецкого рабочего, который выступил бы в качестве оратора и т. д. Я указал на Эккариуса, который ораторствовал хоть куда, а я сам принимал участие, сидя в качестве безмолвной фигуры на трибуне. Я знал, что на этот раз, как со стороны лондонцев, так и со стороны парижан, будут фигурировать действительные „силы", и потому решил на этот раз отступить от раз навсегда принятого мною за правило решения „to decline any such invitation" (отклонять все подобного рода приглашения)".

Приглашение на митинг, посланное Марксу плотником В. Р. Крэмером, гласило в переводе так:

Милостивый государь,

Комитет по организации митинга, как указано в прилагаемом при сем приглашении, просит Вас почтить митинг своим присутствием. Пред'явление этого письма позволит Вам пройти в комнату, в которой соберется, в половине восьмого, комитет.

С совершенном уважением

В. Р. Крэмер.

Д-ру Марксу.

Таким образом, вряд ли можно считать Маркса непосредственным основателем Международного Товарищества Рабочих. Но за то не может быть ни малейшего сомнения в том, что он с первого же заседания временного Генерального Совета стал духовным вождем Товарищества. Поддерживаемый Эккариусом он боролся со всеми попытками превратить новый союз в простую вариацию прежней „Интернациональной Ассоциации" или слить его в одно с каким-либо другим союзом, таким, например, как „Всеобщая Лига" (Universal League), в помещении которой временный совет устраивал свои первые заседания.

На втором заседании (12 октября 1864 г.) была принята резолюция Эккариуса и Уайтлока, давшая новому обществу название „Международного Товарищества Рабочих".

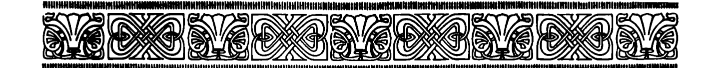
В подкомиссии, которой было поручено составление статутов, Марксу удалось обеспечить победу основным идеям научного социализма. Хотя он и был вынужден сделать некоторые уступки итальянским и французским революционерам, однако, в общем и целом предложенные им „инавгуральный адрес" и декларация принципов были одобрены всеми рабочими в Генеральном Совете, как наилучшее выражение требований рабочего класса. На четвертом заседании временного Генерального Совета, 1 ноября 1864 г., Маркс прочитал свое произведение, и оно, с некоторыми стилистическими изменениями, было принято единогласно.

С этого дня первый Интернационал получил программу, в этот день молодая организация могла приступить к своей пропагандистской работе.

Вступительное обращение („инавгуральный адрес") Международного Товарищества Рабочих заканчивалось тем же лозунгом „Пролетарии всех стран соединяйтесь", который был поставлен в конце знаменитого обращения первого интернационального рабочего союза, именно Манифеста „Союза Коммунистов", впервые указавшего на об'единенное выступление рабочих всех стран, как на одно из важнейших условий освобождения пролетариата.

То, что тогда было лозунгом незначительного меньшинства, небольшой группы, являвшейся интернациональной скорее по своей программе, чем в действительности, то теперь превратилось в лозунг Рабочей Организации, ставшей интернациональной не только по своей программе, но и по своему составу. Многие тысячи рабочих об'единились в секциях и группах первого Интернационала для борьбы за свое освобождение. И основанный ими союз пролетариев всех стран празднует ныне свое возрождение в новом Интернационале, охватывающем миллионы пролетариев.

Н. РЯЗАНОВ.

POLONIA MILITANS.

В кругу государств, тесным кольцом нажимающих на Советскую Россию, одно из виднейших мест занимает Польша, страна вызывавшая до самого последнего времени глубочайшее сочувствие всего революционного мира той героической борьбой, которую она вела с поработившими ее государствами. Кто не был знаком со всеми обстоятельствами внутренней жизни Польши, кто не изучал ее социального строя, для кого оставалась сокрытой происходящая внутри ее острая борьба классов, кто не думал о том, что можно быть одновременно и угнетаемым и угнетателем,—для того принятая на себя „независимой“ Польшей роль жандарма-душителя революции несомненно должна была оказаться полной неожиданностью. Польша Костюшек, боровшихся за освобождение Америки, Польша Мерославских — участников революци 48 года, Домбровских и Врублевских—героев Парижской Коммуны, наконец Польша Гриневецких, Кобылянских, Квятковских и Мирских — активных борцов, сражавшихся с русским царизмом бок о бок с русскими революционерами, наконец, Польша Розы Люксембург, эта Польша заслонила собою другую — буржуазно-шляхетскую, бывшую костью от кости и плотью от плоти дворянства и буржуазии всех стран и народов.

Пока страна находилась в тисках гнета Романовых и Гогенцоллернов, эта дворянско-буржуазная Польша, приспособляясь к существующим условиям и, пользуясь ими для угнетения более слабых народностей и трудящихся масс, сохраняла вид угнетенной невинности. Драпируясь в тогу страдалицы-мученицы, она наживала свой классовый капитал и, жалуясь перед всем цивилизованным миром на гнет, не стеснялась прибегать к помощи царских жандармов в своей классовой борьбе с пролетариатом и, пользуясь своим относительно привиллегированным положением, сурово расправляться со своим внутренним конкурентом в лице евреев. Теперь, когда, благодаря революциям в России и в Германии, эта Польша обрела политическую самостоятельность, тога угнетенной страдалицы упала к ее ногам, и она предстала перед всем миром во всей своей срамной наготе. Прежних величавых героев—Костюшек, Домбровских и Врублевских, сменили рыцари наживы, идеологи крупной и мелкой буржуазии, Дмовские, Яронские, Грабские — те самые „герои“, которые после разгона второй Думы действовали в тесном единении со Столыпиными и Бобринскими, которые прославили себя поддержкой проекта самоуправления, составленного Столыпиным, известного в рабочих кругах Польши под названием „проекта честных шутов“. По этому проекту руссификаторской администрации в Польше предоставлялось право контролировать не только политическую лойяльность решений принятых органами самоуправления, но даже их целесообразность. И с этим мирилась „патриотическая“ польская буржуазия, мирилась она и с почти полным изгнанием польского языка из органов самоуправления, и с ограничением участия евреев и рабочих в самоуправлении.

Обладая полнотой власти в вопросах эксплуатации рабочего класса и борьбы против конкурирующей с нею еврейской буржуазии, польская буржуазия с самого начала войны вплоть до октябрьской революции неизменно ориентировалась на Россию, вернее—на русские и сибирские рынки и на выгодные для нее, устарелые, давно уже изжитые в Европе, условия эксплуатации труда, господствовавшие в Российской Империи под скипетром Романовых и их правопреемников—Милюковых и Гучковых, не потерявших еще своего влияния и во время Керенщины.

Октябрьская революция одним ударом разом изменила положение. „Порвалась цепь великая“ и, ударив одним концом по русской буржуазии, другим ударила по буржуазии Польши и всего мира. Дмовские встрепенулись и, почуяв опасность, поспешили принять двоякого рода меры предосторожности. С одной стороны, они, в качестве громоотвода, выдвинули на авансцену социал-патриотов и соглашателей,—Пилсудских, Дашинских, Морачевских, обманывая малосознательные рабочие массы призрачным социализмом, якобы „рабоче-крестьянским“ составом правительства, а с другой—эти, только что раскрепощенные хищники, немедленно же вошли в тесный контакт с матерыми империалистами Запада для общей борьбы против угрожающего им всем большевизма и, не жалея крови польских рабочих и крестьян, на костях этих жертв стали строить свое собственное благополучие. Польша, некогда кичившаяся тем, что она представляет собою средостение (przedmurzem) христианства, ныне выступает в роли „защитницы культуры“, охраняющей ее от большевизма.

О характере этой культуры свидетельствуют десятки тысяч зверски замученных евреев, целый ряд погромов, затмивших своей жестокостью Кишинев и Одессу царских времен. Но эти погромы являются лишь частным явлением, второстепенным и мелким по сравнению с теми планами, которые намечаются изголодавшимися хищниками польского империализма, дорвавшимися, наконец, до добычи. Эти планы сводятся к тому, чтобы обеспечить Польше то место, которое раньше занимала Россия в европейском концерте. Пахульские и Дмовские грезят о такой же роли, какую в былое время играли Сазоновы и Извольские.

Но при осуществлении этих планов буржуазная Польша наталкивается на опасного конкурента в лице Деникинско-Колчаковской России. Для держав Согласия совершенно безразлично, кто из двух—Россия или Польша вырвет власть из рук рабочих и крестьян, для них важно лишь, чтобы это было сделано. И поэтому они одновременно поддерживают и „великодержавную Россию“ и „великодержавную Польшу“, оставляя себе воз-

можность в решительный момент высказаться в пользу той или другой из двух соперниц... Для буржуазной Польши, однако, решение этого вопроса далеко не безразлично. Она понимает, что победа великодержавной России, „единой и неделимой", — это гибель ее самостоятельности, всех ее грез и мечтаний. И поэтому временные успехи Деникина вызывают в буржуазной Польше тревогу. На столбцах польской прессы появляются статьи под характерным заглавием: „Куда мы идем?", выражающие сомнения в целесообразности экспедиции на Украйну и в правильности курса польской политики...

Можно с известной долей уверенности сказать, что все эти призывы к прекращению дальнейшего нашествия на Советские Республики останутся гласом вопиющего в пустыне. Дмовские и Падеревские знают, что делают и к чему стремятся. Они отлично понимают сущность происходящей борьбы, ясно сознают ее классовый характер и, не колеблясь, принесут в жертву интересы „дорогой отчизны" интересам своего класса. А если окажется, что они этого не поняли, то державы Согласия „костлявой рукой голода", заставят их продолжать борьбу. Пока мавр не сделал своего дела, его не освободят от исполнения возложенных на него кровавых обязанностей... Коготок у Дмовских увяз и всей польской буржуазной птичке пропасть. Прекратить начатое польскими империалистами кровавое дело сможет только польский рабочий класс, действующий в тесном контакте с рабочим классом всего мира. В настоящее время сознание того, что гибель Революционной России — будет ударом для всего международного пролетариата, уже пустило глубокие корни в рабочих массах всего мира. Кое где эти массы пока еще пассивно сопротивляются, в других местах, между прочим, и в Польше,—они переходят уже к активным выступлениям. В этом— залог победы... Дмовских и Падеревских ожидает участь Милюковых и Гучковых. Ни земные, ни небесные силы не избавят их от этой участи.

Феликс КОН.

От редакции. Тов Феликс Кон, являющийся одним из пионеров польского революционного движения, до октябрьской революции состоял членом Польской Партии Социалистов (Левицы). Мы приветствуем теперь старого борца в рядах коммунистов.

ЛИГА НАЦИЙ И МАЛЫЕ НАРОДЫ.

Вопрос о „братстве народов“ и о „вечном мире“ занимал даже кровавого царя в 1918 году. И тогда уже король американского стального треста Карнеги придал этой царской лжи материальный блеск, пожертвовав „дворец мира“ в Гааге. Теперь приказчик всеобщего трестированного капитала требует учреждения „Лиги Наций“ для установления всеобщего, вечного мира. В речи своей, от 27-го сентября 1918 года, Вильсон говорит: „По моему мнению, образование этого союза наций и точное определение его задач — должны составлять часть — и, в известном смысле, главную часть — самого мирного договора“.

Происхождение этого детища союзной буржуазии весьма подозрительно. Только имя его звучит гордо. Но и имя это лживое. Собственно говоря, ему бы следовало называться: „Союз для распространения войн“.

Что соглашения между капиталистическими правительствами, что мирные договоры, „пункты“, обещания и т. п. могут примирить коренные интересы капиталистического общества, — этому не поверит, конечно, ни один здравомыслящий человек. Ни империализм, ни мировая революция не могут отказаться от применения силы, когда это настойчиво диктуется обстоятельствами.

Всякому должно быть ясно, что в будущих войнах нейтралитета не будет. Это практический результат современного международного положения. Поскольку Лига Наций будет охватывать почти все народы, — а опасность включения в Лигу, повидимому, угрожает не только всем малым народам Европы, но и многим эксплуатируемым народам Азии, — нейтралитет в будущем станет невозможен. Каждое серьезное столкновение будет разростаться в мировую войну. И это относится не только к будущим империалистическим войнам, но и к войнам мировой революции.

Нейтральные государства во время империалистических войн всегда представляют опасность для мирового капитала: они являются убежищем революционеров и точкою опоры для их пропаганды. Они до известной степени делают невозможной цензуру и расстраивают все планы лживых кампаний, предпринимаемых черными рабами капитализма. Так как борьба рабочего класса при современных условиях должна вестись в международном масштабе, то устранение нейтральных народов и, как следствие этого, невозможность международного соглашения во время войн означают чрезвычайное осложнение революционной борьбы. Поэтому-то все капиталистические правительства и заинтересованы в том, чтобы устранить нейтральность в будущих столкновениях.

Для Америки прежние нейтральные государства имеют, кроме того, еще особый интерес. Они служат материалом для установления нового равновесия, т. е. для организации широкого взаимоуничтожения европейских конкурентов.

Разве Вильсон, когда Америка вступала в войну, не предложил нейтральным государствам последовать примеру Америки и об'явить войну Германии? Тогда, при существовавшем в то время соотношении сил, не подлежало сомнению, что такой шаг означал бы для таких стран, как Голландия, Дания, Швейцария, полное уничтожение. Но для Америки это было бы выгодно, потому что „малые нации“ взяли бы на себя часть бремени; а что „ради великих идеалов“ существование малых народов будет принесено в жертву, — это в порядке вещей.

Возможность использовать услуги малых народов, особенно Бельгии и Голландии, во имя Лиги Наций, дает и Англии большие стратегические выгоды.

Но яснее всего выступает польза, получаемая от подневольного положения малых народов в Лиге Наций, в вопросе о революционных войнах. Уже теперь великие державы пользуются своими экономическими преимуществами для того, чтобы превратить как старые, так и новые пограничные государства,—Румынию, Чехо-Словакию, Польшу, Финляндию — в ударные боевые группы против Революции. Но этот образ действий, в его теперешней форме, слишком очевиден, слишком груб, не достаточно „демократичен“; он возмущает даже самых отсталых западно-европейских рабочих. Несколько красивее — да и надежнее — было бы, если бы Лига Наций, с соблюдением всех своих „демократических“ правил постановила бы, что этим пограничным народам предоставляется особая честь расправиться, пользуясь средствами Лиги Наций, с жестокими, нарушающими всеобщий мир революционными или, скажем, „анархистскими“ элементами.

Для такого предприятия, вероятно, даже не потребовалось бы общего собрания Лиги Наций,— это мог бы сделать Исполнительный Комитет, т. е. контролируемые великими державами министры Лиги, подобно тому как во всяком „демократическом“ государстве, при разрешении вопроса о войне, парламент никогда не опрашивается, а вопрос решается советом министров.

Разумеется, не приходится опасаться, что малые народы вздумают отказаться от чести такого самоуничтожения, так как, во-первых, у Лиги Наций имеются экономические и военные средства воздействия, а во-вторых, к услугам Лиги все социал-предатели — самое верное средство интеллектуального воздействия.

Эти социал-предатели, не задумываясь, предадут весь пролетариат своей нации, если их хозяева, вожаки Лиги Наций, этого от них потребуют во имя „демократии“. Лига Наций и учреждена ведь только „для защиты интересов малых народов“. Разве великий мистер Вильсон не изрек, что — „интересы слабых так же священны, как интересы сильных“?

После того, как малые народы будут принесены в жертву богу контр-революции Лигой Наций,— а это, разумеется, повлечет за собою еще бо́льшее разорение, потребует еще больше крови и слез,— после этого капиталистам всего мира придется сообща начать борьбу с растущей мировой революцией.

Но в этой мировой борьбе Лига Наций может оказать капиталу неоценимые услуги. Лиге Наций легче всего будет заручиться помощью больших групп, состоящих из отсталых или продажных элементов рабочего класса и украсить это предательство ореолом „правого дела". В самом деле, почему не сослаться на международное право, раз необходимо заставить вошедшие в состав Лиги колониальные народы участвовать, во имя цивилизации, в подавлении рабочего класса?

С нарастанием мировой революции, рельефнее всего обнаруживается контр-революционность Лиги Наций. Когда Вильсон начал свою пропаганду за Лигу Наций — он, наверно, не очень-то опасался пролетарской революции; достижение стратегических и материальных выгод стояло тогда для него на первом месте. Но знаменательно, что и тогда уже, при заключении предварительного соглашения между Соединенными Штатами и южно-американскими республиками, в первые параграфы договора было включено постановление, что при возникновении революции в какой-либо стране из числа не участвующих в Лиге Наций, остальные участники соглашения обязаны оказывать ей содействие в подавлении народного движения. Практически это означает, что контр-революционная полицейская власть в Южной Америке вручается Соединенным Штатам.

А Южно-Американским республикам предоставляется возможность, под надзором и при поддержке всемогущего капитала, ослаблять в междоусобной борьбе все революционные, а следовательно, и жизненные силы этих стран.

В Англии и Германии Лига Наций сперва также рассматривалась лишь с стратегической точки зрения.

Каждую из воюющих групп интересовал прежде всего вопрос, — насколько Лига может быть орудием для дальнейшего обеспечения их частных интересов.

Так, например, государственный канцлер Бетман-Гольвег заявил в рейхстаге: „Германия всегда готова вступить в союз народов. Даже более того: она готова стать во главе союза, который взял бы на себя задачу укрощения нарушителей мира".

А Ллойд Джордж в начале 1918 года говорил следующее: „В настоящее время уже существуют два союза народов, а именно Британская Империя и союз народов, воюющих против среднеевропейских держав. Чем бы ни окончились переговоры, при создании нового союза придется считаться с существующими, часть которых мы составляем".

Этому взгляду соответствует и политика исключения Германии из Лиги Наций.

Между тем, все новые и новые конфликты между членами Антанты, а также рост революционного движения и массовых волнений среди колониальных народов, уже превратили идею разоружения и всеобщего мира в несбыточную мечту. Руководящие политики, повидимому, уже свыклись с той мыслью, что полное спокойствие не может наступить в мире, и что их задача состоит в том, чтобы по возможности задерживать развитие мировой революции.

Поэтому-то идеологи Лиги теперь все меньше и меньше говорят о разоружении и о мире, выдвигая на первый план социальные вопросы и меры борьбы с революцией.

Этим об'ясняется также создание международного бюро труда. Состав этого бюро и его социальная программа уже нашли себе оценку в № 3 „Коммунистического Интернационала" в статье тов. Э. Сильвии Панкхерст.

Это просто на просто—развитие лже-демократии в международном масштабе. Это—маска, которою, при участии международных социал-патриотов, предполагают обмануть рабочих, чтобы привлечь их на сторону контр-революционных стремлений Лиги Народов.

Прямодушный и сознательный русский рабочий вообще не может понять—как можно такими грубыми способами держать в заблуждении такое значительное количество западноевропейских рабочих.

Русский рабочий не знает, что „демократия" как раз в том и состоит, чтобы сообщать рабочим именно такие знания, которые достаточны для восприятия буржуазной лжи, но недостаточны для того, чтобы разобраться в этой лжи. А к тем, кто перешагнул эту желательную для капитала степень развития, всегда возможно применить систему развращения, — можно попытаться купить их услуги.

И в этом отношении перед Лигой Наций,—с ее многочисленной бюрократией и целым штабом доверенных лиц, которых можно прельстить почестями, властью, а также крупными окладами,— открываются широчайшие возможности.

Но с другой стороны, в Западной Европе имеются еще рабочие, которые достаточно образованы для того, чтобы не быть обманутыми, и которых слишком много, чтобы их можно было подкупить. Их классовое сознание подскажет им, что Лига Наций — не что иное, как новое оружие в руках их врагов.

Пока еще оружие это только выковывается, пока оно служит лишь для идейной связи между мировыми разбойниками.

Но и духовное оружие может стать весьма опасной реальной силой, и было бы большою ошибкою считать Лигу Наций невинной фантазией. Особенно упорная борьба предстоит рабочим малых народов, им особенно энергично придется протестовать против присоединения их эксплуататоров-капиталистов к Лиге Наци. Это присоединение втянет их во все будущие империалистические и контр-революционные войны и заставит их служить международному капиталу.

С. Ю. РЕТГЕРС.

ПОЛЬША И МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

„Польский вопрос" в буржуазной и пролетарской революции.

Было время, когда стремление польского народа к свержению чуждого ига считалось революционным фактором в европейских освободительных войнах. И это действительно было так. В период борьбы революционной Франции с коалицией монархий, „восстание" Костюшки (1792 г.) парализовало на время силы Пруссии, Австрии и России. В 1830 году польское восстание спасло Европу от вмешательства царской армии. Между тем, оба движения носили дворянский характер, вовсе не знаменуя собою революционного восстания польского народа. Правда, в 1847 году польские эмигранты, главным образом, из среды дворянства, участвовали в освободительной борьбе во Франции, Венгрии, Италии и Германии, но в самой Польше дело не шло дальше попыток поднять народное возмущение.

В 1863 году, благодаря позорному владычеству царских ставленников, в Польше вспыхнуло последнее национальное восстание. Но оно произошло как раз в эпоху мрачной реакции в Европе; повстанцы истекли кровью в неравной борьбе. Есть что-то символическое в том, что это неудавшееся национальное восстание дало внешний толчок к образованию первого Интернационала. Известно, что Маркс и Энгельс воспользовались созванным в Лондоне для выражения сочувствия польскому восстанию совещанием английских и французских рабочих и революционных групп других стран для провозглашения идеи боевого международного союза рабочих, как единственного средства их победы над своими классовыми угнетателями.

В самом деле, прошло время, когда национальные движения служили революционным фактором. Стремление немцев к национальному об'единению, имевшее в 1848 году революционное значение, вылилось в 1870 году в реакционное движение, как показала коварно спровоцированная война с Францией. Национальное об'единение Италии точно также было следствием „государственно-охранительной" политики. В обоих случаях дело не было доведено до конца, так как архи-реакционное здание Габсбургской монархии вполне уцелело, удержав за собою части как немецкого, так и итальянского народов. Последняя четверть 19-го столетия принесла балканским народам освобождение от турецкого ига, но это освобождение было результатом борьбы за наследство „больного человека" между европейскими державами, заинтересованными в том, чтобы национальный вопрос на Балканах не был решен окончательно, так что Балканский полуостров продолжал быть адским котлом, бурление которого порождало постоянные кровопролития.

Таким образом, проблема „национального государства", являющегося в сущности чисто буржуазным идеалом, не была разрешена в период возростания господства буржуазии. Целый ряд „вопросов", — как „ирландский вопрос", „балканский вопрос", „польский вопрос" — остался неразрешенным. Все эти вопросы продолжали существовать в скрытом состоянии, и не ими было вызвано столкновение мировых держав, ввергшее капиталистический мир в кровавую бойню в 1914 году. Но эти неразрешенные вопросы, как злые призраки, снова выползли на свет, в момент ликвидации империалистической войны, и снова мы видим все тот же реакционный лик их. В Англии революционное движение тормозится „ирландским вопросом". Исключительно лишь национальное ослепление превращает румынских крестьян в палачей венгерской революции. А Польша, освободительные тенденции которой вызывали некогда восторг всех революционных умов Европы, играет теперь роль „европейского жандарма". Последнее обстоятельство является особенно горьким разочарованием для всех, кто не освободился еще от последних остатков буржуазного идеализма. (Таких людей не мало и среди мнимых марксистов). Между тем, это разочарование — прямое следствие недостаточного знакомства с истинным положением дел в Польше. Мы, польские марксисты, втечение целых тридцати лет не уставали разоблачать иллюзию об исключительной яко бы, не в пример прочим, революционности польского национализма.

Истина такова: пока имели место буржуазные революции, польские освободительные стремления были действительно революционным фактором. Но с тех пор, как социальное развитие сделало мыслимыми исключительно взрывы классовой борьбы пролетариев против буржуазии,—а эти взрывы не миновали и Польши, — „польский вопрос" приобрел совершенно иной характер. Польская буржуазия ищет себе союзников в лагере реакции, и только пролетариат в Польше стоит на стороне революции. Но пролетарская революция стремится к уничтожению классового государства, и польский пролетариат не может мечтать о создании польского классового государства; его борьба должна быть направлена на создание новой общественной формы, — социалистической федерации пролетариев Европы.

Это приводит к следующему противоречию: вождями польского восстания 1830 г. были ультра-реакционные польские шляхтичи, нисколько не собиравшиеся даровать буржуазное равноправие польскому крестьянству, и тем не менее указанное восстание было революционным актом, спасшим, как уже сказано, Европу от вмешательства царской России. Ныне же мы видим как „честные демократы", борющиеся за независимое польское государство, ищут помощи у контр-революционеров, соглашаясь за это взять на себя роль „охранителей Европы от большевизма".

Социальные отношения в польских странах до мировой войны.

А. Русская Польша.

Чтобы читатель, незнакомый с польскими условиями, мог лучше понять развертывающиеся сейчас в Польше события, необходимо набросать краткий очерк развития трех частей Польши за последнее время.

Мы начинаем с той части, которая была под русским владычеством.

После усмирения восстания 1863 года, царское правительство провело аграрную реформу, сделавшую крестьянина собственником обрабатываемого им участка земли. Эта реформа часто ошибочно называется „освобождением от крепостной зависимости“. Это неверно, так как официально крепостное право в этой части Польши было отменено еще Наполеоном (во время существования „Герцогства Варшавского“). Но это „освобождение“ кончилось тем, что крестьяне потеряли всякое право на обрабатываемую ими землю. На практике аграрные отношения в этой части Польши в период 1808—1864 гг. сводились к тому, что крестьяне арендовали помещичью землю, платя за нее не наличными деньгами, а отработками на помещичьих землях. На бумаге они были свободны, но эта свобода вела к тому, что помещик мог во всякое время прогнать крестьянина со двора. Это и случалось довольно часто, и если польским помещикам не удалось тогда же окончательно пролетаризовать крестьянство, то виною тому был исключительно недостаток у них денежных средств. Крестьяне продолжали владеть рабочим скотом; в 1864 г. они стали собственниками и тех земель, которые они арендовали до тех пор. Помещики были вынуждены прибегнуть к наемному труду для обработки своих земель.

Это вызвало капитализацию сельского хозяйства. Но в то же время уничтожение таможенных преград, отделявших до 1849 года Польшу от России, породило расцвет польской промышленности. По мере развития железнодорожной сети в России, Россия оказывалась довольно емким рынком для сбыта продуктов промышленности, в особенности шерстяных товаров, между тем как в распоряжении польской промышленности находилась дешевая рабочая сила и, что особенно важно, дешевый кредит и техническая помощь со стороны Германии. Торговые сношения между Россией и Польшей становились с каждым годом все оживленнее: Польша получала из России во все увеличивающихся размерах сырье: лен, коноплю, шерсть, кожу, меха, лес, скот, сало, давая ей взамен, кроме продуктов текстильной промышленности, также железные изделия, машины и орудия. Сеть торговых сношений становилась все гуще и гуще.

Начиная с 1880 года, Западная Россия получала из Польши в большом количестве уголь; с другой стороны, развившаяся промышленность Донецкого бассейна стала снабжать польские заводы железной рудой высокого качества. Новым этапом на пути развития русско-польских сношений явилось привлечение лодзинских фабрикантов к эксплуатации хлопковых плантаций в Средней Азии и усиленный ввоз в Польшу бакинской нефти. Особенно способствовало общности торговых интересов обоих стран то обстоятельство, что Польша стала отправлять в Россию избыток своих инженеров. В результате этого процесса, польская промышленность к началу XX столетия оказалась спаянной с русской промышленностью общими трестами и синдикатами. Именно это явление имела в виду Роза Люксембург, говоря об „органическом слиянии“ Польши с Россией, хотя противники марксизма сознательно старались совершенно исказить истинный смысл этого „слияния“. Речь шла просто об установлении следующего факта: между тем, как до 1863 года господство царизма над Польшей было чисто механическим, опиравшимся исключительно на грубую силу, исключавшим возможность сколько-нибудь тесной связи между обоими странами, позднейшее развитие хозяйственного взаимодействия вело к все более тесному, „органическому“ слиянию их. Само собой понятно, что это порождало также известные социальные последствия. Для польской промышленной буржуазии это отождествление ее интересов с интересами русской буржуазии означало полнейшее заражение ее идеями русского империализма. Конечно, между русскими и польскими фабрикантами возникали трения. По отношению, напр., к таможенной политике или к железнодорожным тарифам, их интересы часто расходились, и польские промышленники и купцы нередко жаловались на затруднительность сбыта их товаров в России, а московские фабриканты яростно вопили о губительном влиянии лодзинских цен на русскую промышленность... По существу, это был „семейный спор“, какой нередко можно наблюдать в любом государстве между различными группами буржуазии. Зато польские буржуа не менее русских были заинтересованы в усилении царской империи, ибо всякое усиление последней означало расширение поля деятельности капитализма, а стало быть, и увеличение прибыли. Когда в Думе и Государственном Совете господа Дмовский, Грабский и К° выступали сторонниками русского империализма, это было далеко не лицемерие, как утверждали Пуришкевич и компания; ими в значительной степени руководило сознание общности интересов буржуазии России и Польши. Но больше всего польских и русских капиталистов об'единяли их непосредственные классовые интересы в борьбе с пролетариатом. Чем сильнее становилось рабочее движение, тем искреннее становилась преданность польской буржуазии царизму, и тем страстнее становилось ее влечение к „твердому порядку“, как спасению от „переворота“.

Дворянство оставалось гораздо дольше в оппозиции к царизму. Помимо политических традиций — почти каждая дворянская семья пострадала во время восстаний — здесь действовали еще экономические причины. После 1863 г. царское правительство сознательно покровительствовало крестьянству за счет дворянства. При наделении крестьян землею возникли многочисленные „сервитуты“ (крестьянские общины имели право пользования „господскими“ лесами и пастбищами), приводившие к частым трениям между помещичьими приказчиками и крестьянскими общинами. При этом поставленные правительством крестьянские комиссары получили прямое приказание раздувать

всякие конфликты, натравливать крестьян на помещиков и привлекать их на сторону правительства. Однако, эта царская демагогия продолжалась недолго, и дворянство очень скоро, благодаря своему экономическому перевесу, снискало себе поддержку русского чиновничества, и в частности — упомянутых комиссаров.

Потомки повстанцев 1792, 1830 и 1863 г.г. чувствовали себя превосходно под защитой русского царизма. Особенно нелицемерной стала преданность польских панов русскому царизму с тех пор, как Николай II, во время своего первого посещения Польши после коронации, сделал крестьянам торжественное внушение о неприкосновенности панской земли. Царизм охранял панов от крестьян — этого для польских помещиков было достаточно для того, чтобы отказаться от свободолюбивых мечтаний. Конечно, нельзя отрицать того факта, что среди представителей названных господствующих групп были тысячи лиц, патриотическое сознание которых глубоко страдало от гонений на все польское со стороны царского правительства. Это, однако, нисколько не умаляет значения того главного факта, что польские капиталисты и помещики, как класс, нимало не были заинтересованы в борьбе за освобождение от чужого ига. И поэтому не могло быть и речи о серьезной оппозиции чужому государству, не говоря уже о национальном восстании против него. Господствующий класс Польши великолепно приспособился к русскому владычеству.

Все, на что он был способен, это — робкие попытки отвлечь (посредством политических маневров) царское правительство от его политики беззастенчивых национальных преследований. Понятно, что все эти попытки были обречены на неудачу. Представители польского „общества" могли сколько угодно распинаться в „лояльности польского народа", они могли плесть какие угодно хитрые интриги для приобретения влияния при петербургском дворе — это ничуть не заставляло царский механизм отклониться от его политики „обрусения инородцев". Признание за поляками права на национально-культурное развитие было бы для бюрократии и православного духовенства равносильно признанию права на существование за всеми инородцами. И действительно, гнусная политика угнетений продолжала свирепствовать втечение девяностых годов прошлого столетия вплоть до самой революции 1905 года.

Этот режим был исключительно тяжел для среднего сословия, в особенности для интеллигенции. Она страдала уже чисто материально: в Польше не было места для поляков ни в качестве чиновников ни в качестве учителей или офицеров; польский ученый и писатель задыхался в этой атмосфере полицейских придирок. Кроме того, этот умственно более развитой общественный слой, разумеется, живее всех других чувствовал национальный гнет и рабство. В его среде постоянно шевелилось нечто вроде политической оппозиции. Но, как и всюду, эта мелкая буржуазия являлась простым отражением господствующих классов, а поэтому не могло быть и речи о принципиальной борьбе с ее стороны против „лояльной политики": она продолжала колебаться между шовинистическою ненавистью к „московитам" и поддержкой „политики соглашения" с ними. Тем не менее, патриотизм этих слоев имел известное значение для сохранения польской культуры, особенно до тех пор, пока в Польше существовало либеральное движение. Однако, по мере обострения классовой борьбы, этот либерализм все более сходил на нет, уступая свое место неприкрашенной реакции. В двадцатом веке патриотизм вылился в форму самого вульгарного национализма со всеми соответствующими признаками: отрицанием демократии, антисемитизмом и ярой ненавистью к социалистам.

Что касается крестьянства, то в русской Польше оно оставалось политически совершенно индифферентным. Демагогия царского правительства особого успеха, конечно, не имела. Крестьянин не очень то верил в сказки о русском царе, как своем освободителе, так как было слишком очевидно, что помещик и русский чиновник действуют в трогательном единении, когда идет речь об обирании народа. Национальный гнет был для крестьянина, конечно, довольно чувствителен, но, в конце концов, никакая сила в мире не могла отнять у него его родной язык и веру отцов. С обрусением школы он боролся тем, что тайно обучал своих детей польской грамоте. Сильно угнетали его лишь хозяйничанье чиновников, гнет налогов и воинская повинность. Но о готовности крестьянской массы к упорной борьбе за свержение чужого господства не могло быть и речи.

Обратимся теперь к пролетариату. Польский рабочий имел все основания ненавидеть царский произвол. Железная рука этого произвола сдерживала его каждый раз, когда он пытался отстоять свои классовые интересы. Именно это и сделало его социалистом. Но в момент, когда польский пролетариат созрел для самостоятельной политики, социализм стал законченной системой, в основание которой легла идея международной солидарности, и при тогдашних условиях для варшавского, лодзинского или домбровского рабочего было осязательно ясно, что ему следует думать не о создании нового классового государства, а о разрушении существующего классового государства, и в первую голову, угнетавшего его государства, возглавляемого русским царем. Столь же очевидно было и то, что в этой борьбе польский капиталист является его смертельным врагом, а русский рабочий — желанным союзником. Городской рабочий чувствовал национальный гнет на каждом шагу, но борьба против обрусительной политики была для него лишь эпизодом в борьбе со всей системой политического угнетения вообще. Итак, наиболее активный класс польского народа не мог выставить на своем знамени лозунг национальной борьбы в рамках существующих государственных отношений.

Безнадежность всякой попытки национального восстания, подобного восстаниям 1830 и 1863 г.г., стала особенно очевидной во время русской революции 1905 года. В 1905 году не было проявлено ни одной серьезной попытки к отделению Польши от России, но силы с самого начала стали группироваться самым естественным образом: господствующий класс поддерживал правительство по всей линии, стремясь к сохранению „существующего порядка" в то время, как польский пролетариат боролся плечом к плечу с русскими рабочими против царского правительства и капиталистов, во

имя завоевания власти и установления пролетарской диктатуры. Побочным результатом этой борьбы явились известные уступки в отношении польского языка в школе и администрации. Уже по одному тому, что польский рабочий не может отказаться от своей национальности, всякое сделанное им завоевание служит на благо всей польской культуре вообще.

Б. Галиция.

Галиции суждено было принимать участие в процессе разложения Габсбургской монархии. Богатая естественными сокровищами, страна эта (она владеет углем в т. н. Краковском бассейне, который до сих пор не разрабатывается; величкинские соляные промыслы принадлежат к богатейшим в Европе; в ней много нефтяных источников, калийных солей; почва здесь местами превосходная, а хребты Карпатов изобилуют легко доступными источниками электрической энергии) находится в настоящее время в состоянии крайней хозяйственной беспомощности. О промышленности здесь почти говорить не приходится, и причина этого та, что господствующая в Австрии немецкая буржуазия долгое время сознательно держала Галицию на положении „гинтерланда", предназначенного для сбыта продуктов верхне-австрийской и богемской промышленности. Отчасти, конечно, развитие тормозилось географическим положением. Галиция представляет собою продолговатую полосу земли, отделенную на юге неприступными карпатскими горами от Венгрии и Австрийских земель и загражденную на севере таможенным барьером от России. Третьей причиной промышленной отсталости Галиции была „охранительная" политика Габсбургов, направленная к покровительству как австрийским, так и галицийским помещикам; а это повело к полному владычеству в стране их хищнической политики, делавшей невозможным какое бы то ни было хозяйственное развитие. С введением, после проигранной в 1867 году войны с Пруссией, конституционных учреждений, „земли монархии" получили самоуправление, и господствовавшая до тех пор политика национальных преследований была оставлена. Администрация стала польской.

В школе, в суде, в общественной жизни господствует польский язык. Краков, со своим старинным великолепием, сделался Меккой польских патриотов. Здесь находился польский университет, в театрах ставились патриотические польские пьесы. Разгулу патриотической вакханалии был дан полный простор. Однако, спасавшиеся здесь от национальных преследований варшавские патриоты вскоре убедились в том, что их галицийские братья чтили прежде всего черно-желтое габсбургское знамя, и только за ним уже шло их „собственное" патриотическое знамя. Это и понятно: повелителями в стране были польские аристократы, связавшие свои судьбы с судьбами монархии, т. е. с судьбами династии Габсбургов. Среднее сословие состояло преимущественно из чиновников, а остальные слои населения, при слабом развитии торговли и промышленности, находились в полной зависимости от аристократии и помещиков. Этим и об'ясняется продолжавшееся целые десятилетия господство так называемых „государственных" слоев, т. е. ультрареакционной партии, видевшей все благо в преданности Габсбургам и внесшей разврат во все области общественной жизни.

Только в самое последнее время, с появлением признаков культурно-политической жизни среди крестьянства и с началом некоторого промышленного развития, стали возникать, наконец, буржуазно-оппозиционные течения против клерикально-аристократического режима, представители которых из партийно-политических соображений вели пропаганду национально-патриотических идей, будучи, однако, далеки от мысли выставить на своем знамени лозунг независимости.

Видное место в галицийской политике занимала национальная распря между поляками и галичанами; дело в том, что восточная часть страны сплошь заселена крестьянским населением, родственным русским украинцам („галичане"), в то время как крупные помещики и преобладающая часть городского населения—поляки.

В этом-то карасином пруде—„польской социал-демократической партии Галиции" суждено было играть роль щуки.

При ничтожной численности фабричных рабочих, партии этой приходилось искать себе сторонников, главным образом, среди ремесленников, железнодорожных служащих, торговых приказчиков и тому подобного элемента с неизжитой еще мелко-буржуазной психологией.

Благодаря политическим талантам своего вождя Дашинского, прекрасно сумевшего использовать своеобразные австро-галицийские условия, партия приобрела в 90-х годах много приверженцев. Это происходило, понятно, не без ущерба для классовой чистоты ее: галицийская социал-демократия являлась по-просту партией крайней оппозиции, к которой примыкали все элементы, недовольные существующим положением.

Такой состав партии, в которую входил ничтожный процент пролетариев, делает понятным тот успех, который выпал здесь на долю „польской социалистической партии" (P. P. S.). Программа последней была выработана польскими эмигрантами, преимущественно, членами партии „Пролетариат", и представляла собою смесь националистических и социалистических идей. Главная идея партии заключалась в том, что польскому народу необходимо прежде всего сбросить с себя чужое иго, чтобы проложить себе дорогу к социализму. При этом в программе не говорилось ни слова о том, насколько осуществимо вооруженное восстание польского пролетариата против трех величайших военных держав, притом без всякой поддержки со стороны собственной буржуазии. В конце концов все строилось на расчете о столкновении между этими державами. Усвоив эту программу, галицийская партия очутилась в двусмысленном положении; „для публики" она и в прессе и в парламенте нападала на австрийский милитаризм, но в душе она страстно желала войны Австрии против России. Теперь можно с точностью установить, что члены этой партии, с Пилсудским во главе, уже давно находились в самых тесных сношениях с австрийским генеральным штабом, принимая ближайшее участие во всех приготовлениях к войне, в особенности по части шпионажа.

В. Прусская Польша.

Польские области, подчиненные Пруссии, распадаются на две резко обособленные части: на Верхнюю Силезию, с одной стороны, и на провинции Познань и Западную Пруссию—с другой. Первая область уже с XIV столетия не входила в состав польского государства и подпала под прусское владычество еще во время семилетней войны; Познань и Восточная Пруссия окончательно перешли к Пруссии только после Венского конгресса. Обе последние провинции представляют собою земледельческие области, почти без всякой промышленности, между тем, как Верхняя Силезия, это—высокоразвитый промышленный округ с колоссальным производством угля и железа.

Для того, чтобы правильно оценить социально-политическую жизнь Познани и Западной Пруссии, необходимо помнить, что эти окраинно-западные области Польши подвергались сильной немецкой колонизации еще в период самостоятельного существования Польши. Сословный строй польской республики предоставлял широкое самоуправление городам, и это послужило на пользу осевшим в них немцам, которых привело сюда „стремление на Восток". (Drang nach Osten). Здесь господствовало поэтому, „магдебургское право", т. е. польские города, независимо от верховной власти, имели свои собственные суды по германскому праву, их цехи были устроены по образцу немецких, обиходным языком был немецкий, а в сношениях с польскими властями они пользовались латынью. Таким образом многие города,—Данциг, Торн, Бромберг,—были в сущности немецкими колониями. В других городах немецкие колонисты составляли лишь часть населения, но и в них этот немецкий элемент был очень силен.

Получив в свои руки эти провинции, прусское правительство, при поддержке немецкого населения, принялось за окончательную их германизацию. Польский язык был окончательно изгнан из школы, из администрации, и, наконец, запрещено было употребление польского языка даже на общественных собраниях. Придирчивость по отношению к польскому населению принимала часто чудовищные и смешные формы: в конституционном королевстве Пруссии было запрещено пение польских национальных песен и преследовали ношение национальных отличий, польские города были окрещены немецкими именами (так например, старинный Иновроцлав был переименован в Гогензальц. Забрижельн был во время войны перекрещен в Гинденбург). Это были лишь булавочные уколы, постоянно раздражавшие национальное самолюбие; далеко не так безобидны были насилия, глубоко задевавшие самые основы социальной жизни. Так, в 1886 году, десятки тысяч польских жителей были изгнаны из этих провинций на том лишь основании, что, будучи выходцами из русской и галицийской Польши, они не были прусскими подданными. В то же время началась насильственная колонизация обоих провинций. Правительство скупало земли польских помещиков и наделяло ими немецких крестьян. Когда оказалось, что скупка путем полюбовных сделок идет не очень успешно, было приступлено к экспроприации. Польские собственники обязаны были уступать свои земли немцам по требованию немецких властей. Попытки оправдать это принуждение ссылкой на то, что, ведь, в конце концов экспроприация была направлена исключительно против крупных польских помещиков, являются не более как лицемерием (этим часто грешили так называемые социал-демократы). Ибо, во-первых, при этом дроблении поместий польские рабочие систематически изгонялись из имений и лишались средств к существованию; во-вторых, эта политика отнимала у польского крестьянина возможность приобретать землю; в третьих, правительство часто прибегало к принудительному отчуждению земли и у польских крестьян, а не только у одних помещиков. Еще более вопиющим актом насилия был так называемый „закон о поселенцах". Чтобы воспрепятствовать помещикам передачу свободных участков земли польским крестьянам, был издан закон, по которому для постройки жилища, даже на собственной земле, требовалось разрешение властей, а власти систематически отказывали польским крестьянам в таких разрешениях. Нетрудно себе представить, до какой степени эта вероломная политика озлобляла поляков. Но прусское правительство ничего не выиграло от этой политики. Напротив, можно с уверенностью сказать, что в настоящее время эти провинции являются более польскими, чем они были полвека тому назад. Польская деревня как была, так и осталась польской—несколько тысяч насильно вселившихся немецких колонистов ничего в ней не изменили; мало того, с течением времени, рассеянные в польских областях немецкие колонии постепенно ополячились, причем этот процесс все ускорялся по мере того, как исчезала культурная одичалость колонистов. Но особенно сильно шла полонизация городов втечение последних десятилетий, несмотря на все старания правительства воспрепятствовать этому. Об'яснить это явление не трудно: здесь, как и повсюду в Европе, городское население быстро возростало вследствие „притягательной силы городов". Но приток новых кадров городского населения шел, главным образом из деревни, и, следовательно, кадры эти состояли в значительной части из поляков. Таким образом, осевшее немецкое городское население постепенно вытеснялось польскими пришельцами, и в городах возникла польская мелкая буржуазия.

Между польским и немецким мещанством неизбежна должна была начаться конкуренция, „борьба за кусок хлеба", еще более обострившая национальную рознь.

Хозяйственное развитие обоих провинций определялось хозяйственным развитием всей Германии. Быстрое промышленное развитие Германии порождало все возрастающий спрос на сельско-хозяйственные продукты для городов и промышленных округов, и обе провинции стали поставщиками хлеба, картофеля и скота. Поэтому мы и встречаем в них интенсивное сельское хозяйство, как у помещиков, так и у крестьян. Развитие отраслей промышленности, имеющих целью обработку продуктов сельского хозяйства,—сахарных, винокуренных заводов, крахмальных фабрик,—также способствовало интенсификации сельского хозяйства. Главные выгоды этого развития выпадали, конечно, на долю крупных помещиков, но и крестьяне извле-

кали пользу из нового положения вещей, и нет сомнения, что крестьяне рассматриваемых областей пользуются бо̀льшим благосостоянием, чем их единоплеменники в других польских областях. Вместе с тем, и здесь, как и в городах, возникла своеобразная форма национальной борьбы на экономической основе. Польский мещанин боролся с немецким. Польский крестьянин, всегда испытывавший острый земельный голод, старался использовать колонизаторскую политику правительства для приобретения земли. „Увеличение национального польского достояния" стало лозунгом дня, и каждый крупный или мелкий спекулянт гордился своей наживой, как величайшим патриотическим подвигом. „Национальная энергия" выражалась в основании польских банков, польских кредитных обществ, производительных товариществ, союзов для разведения скота и т. д. Само собой понятно, что это нисколько не мешало ни польскому эксплуататору угнетать своего рабочего, ни польскому спекулянту при случае обобрать до нитки своего дорогого соплеменника.

В такой атмосфере, разумеется, не было места для авантюристской национальной политики, для идеологии освободительной борьбы. Польские депутаты в германском рейхстаге и в прусском ландтаге поддерживали во всех экономических вопросах реакционное юнкерство, неизменно голосовали за морские и военные кредиты, и только время от времени позволяли себе, в виде некоторой роскоши, заявлять торжественные протесты против позорной германизаторской политики. Рабочее движение было развито очень слабо, ввиду отсутствия сколько-нибудь значительно крупной промышленности. Все возникавшие социал-демократические и профессиональные организации примыкали к соответствующим немецким организациям. Между тем, национальная рознь служила серьезным препятствием для социалистической пропаганды, и в годы, предшествовавшие войне, большим влиянием пользовался националистический и, по существу, контр-революционный „польский ремесленный союз", с которым немецкие „свободные", якобы, социал-демократические профессиональные союзы заключили договор.

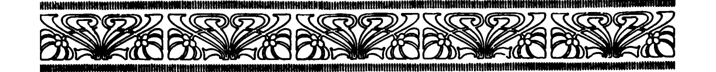
Совершенно иначе обстояло дело в Верхней Силезии. Крестьянство здесь сплошь состоит из поляков, между тем, как помещики—почти исключительно немцы: можно сказать, что Верхняя Силезия является областью господства крупных немецких латифундий par exellence. Мелкая городская буржуазия с течением времени совершенно германизировалась. Начиная с середины 19-го века, в Верхней Силезии развилась мощная крупная промышленность, опирающаяся на богатые залежи угля, железа и цинка. Гигантские промышленные предприятия сосредоточены в руках немецких капиталистов (преимущественно это те же владельцы латифундий). Почти все занятые в этой промышленности рабочие по национальности—поляки, если не считать незначительного числа высоко квалифицированных рабочих, привлекаемых сюда из других промышленных округов германской империи. Благодаря этому, национальный вопрос принимает здесь совершенно другой облик: обедневшее польское крестьянство, многочисленный польский сельский пролетариат и развитой польский промышленный пролетариат противостоят здесь немецким юнкерам и капиталистам. Национальные противоречия искажают здесь классовую борьбу в том смысле, что темный польский рабочий легко смешивает эксплуататора с немцем вообще.

Любопытно, что втечение двух-трех десятилетий и в Верхней Силезии произошла некоторая полонизация мелкой буржуазии. Огромный приток польских рабочих в промышленные центры создал для торговцев и ремесленников постоянный круг польских покупателей. Польский рабочий, едва владеющий десятком немецких слов, охотнее идет к тому продавцу, который может с ним говорить по-польски, а это в свою очередь заставляет мелкого буржуа разыгрывать роль польского патриота.

Рабочее движение в этой области, вопреки ожиданиям, развивалось не особенно быстро. Известно, с каким трудом шахтеры и горнозаводские рабочие поддаются организации—об этом говорит практика Англии, Франции, западной Германии и Америки. В Верхней Силезии особенно значительно число неквалифицированных рудокопов. (Это об'ясняется тем, что здесь уголь удобно расположен толстыми пластами, и поэтому каждый рудокоп-специалист нуждается в большем числе помощников-чернорабочих, чем в других районах), являющихся весьма неустойчивым элементом, постоянно притекающим из деревень и легко переходящим на другую работу. Во всяком случае, социал-демократическая и профессиональная пропаганда пустили корни и здесь. Неблагоприятное влияние оказывало только соперничество между социал-патриотической П. П. С. и „Польским Ремесленным Союзом", тем не менее, в виду наличности высоко развитого промышленного пролетариата, в Верхней Силезии незадолго до войны можно было отметить наростание революционной волны.

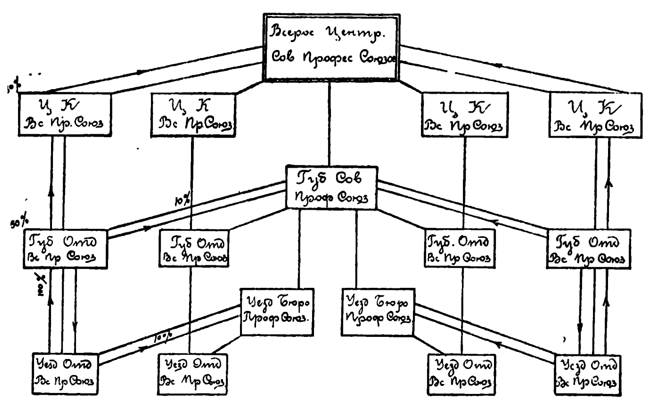
В следующей статье мы рассмотрим, как разилась война в каждой из этих областей.

Ю. МАРХЛЕВСКИЙ (Карский).

ОЧЕРКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ *).

(*Продолжение*).

Приложение III. Схема российского профессионального движения настоящего времени.

Таким образом, российское профессиональное движение достигает основного условия, необходимого для единства действий и экономии сил: **единства построения всех профессиональных организаций, при одинаковости задач и функций аналогичных союзных органов.**

Параллельно с углублением профессионального движения, не прекращался его рост в ширину. Несмотря на всю тяжесть бремени, выпавшего на долю российских пролетариев, ведущих героическую борьбу не только со своими собственными свергнутыми хищниками, но и со всем мировым блоком империалистов, поддерживаемых соглашательскими элементами западно-европейского социализма, в лице Жуо, Гендерсона, Гомперса, Легина и Ко., несмотря на всю тяжесть экономического положения, порожденного беспрерывными военными набегами, инсценируемыми Антантой, и блокадой, проводимой ею, — количество трудящихся, организованных в профессиональные союзы, продолжало неуклонно расти.

Из сравнения данных III Конф. (июль 17 г.), I Всеросс. С'езда (янв. 18 г.) и II Всеросс. С'езда (янв. 19 г.) о количестве членов профессиональных союзов мы видим:

III Конференция	—1.475.429 ч. **)
I С'езд	—2.638.812 „
II С'езд	—3.422.000 „ ***)

Таким образом, несмотря на уменьшение территории и на значительное сокращение производства, вызванное недостатком сырья и топлива, цифры показывают неуклонительный рост количества членов.

Если эти цифры, может быть, и не абсолютно верны ****), то, во всяком случае, они безусловно правильно отражают размах движения, и отношение между ними безусловно соответствует истине: проводя обратную поверку их, по сравнительно неполным сведениям, касающимся 27 губерний, мы получаем то же соотношение. Но в данный момент, когда прислужники Антанты из стана лидеров западно-европейского профессионального движения заявляют, что при Советской власти профессио-

*) См. „К. И.“ № 5.

**) С Украйной, Сибирью, Кавказом и Уралом.

***) Без Украйны, Сибири, Кавказа и Урала.

****) Цифры заимствованы из данных мандатных комиссий III Конф., I С'езда и II С'езда. См. „Протоколы III Конф.“ „Стенографический отчет о II С'езде“ изд. Всер. Центр Сов. Проф. Союзов. Протоколы II С'езда готовятся к печати.

мальное движение ослабело и захирело, особенно важно хотя бы в общих чертах показать состояние нашего профессионального движения за последнее полугодие, по сравнению с предыдущими годами. Мы приводим ниже таблицу количества союзов и организованных в них рабочих и служащих по 27 губерниям (по данным организационно статистического отдела Всер. Центр. Сов. Професс. Союзов), как лучшее доказательство вздорности подобных заявлений, которые преследуют одну лишь вполне определенную цель:—дискредитировать в глазах западно-европейских рабочих советскую власть и тем облегчить Клемансо, Ллойд Джорджу и Ко. дело удушения рабочей республики.

В нашу таблицу (табл. № 4) не включено значительное число мелких союзов, не входящих в местные советы професс. союзов и не имеющих своих всероссийских об'единений.

Кроме того, в нее не вошли два крупнейших транспортных союза: работников водного транспорта и железнодорожников, так как эти союзы, благодаря своему линейному или ленточному строению, не были подвергнуты обследованию через местные профсоветы.

Таблица № 4.

Таблица профессиональных союзов с 1917 по 1919 г.

Губернии.	I половина 1917 г.		II половина 1917 г.		I половина 1918 г.		II половина 1918 г.		I половина 1919 г.	
	Число союзов.	Количество членов.	Число союзов.	Количество членов.	Число союзов.	Количество членов.	Число союзов.	Количество членов.	Число союзов.	Количество членов.
1) Петроградская	свед.	нет.	47	500.000	49	447.772	25	403.347	33	340.118
2) Московская	38	177.585	56	410.823	55	375.439	54	449.895	29	607.083*)
3) Иваново-Вознесенская	1	207	10	37.110	23	88.413	43	155.445	51	157.882
4) Тульская	3	650	5	2.875	9	4.846	24	26.428	41	39.061
5) Воронежская	3	3.151	9	8.674	19	15.348	35	27.166	67	35.907
6) Калужская	—	—	—	—	11	3.870	14	13.932	33	23.693
7) Харьковская	3	5.150	6	27.148	14	52.713	15	49.359	28	54 593
8) Курская	1	323	7	2.416	29	14.800	35	18.073	45	21.097
9) Владимирская	4	5.066	14	22.610	42	121.914	53	136.819	59	143.209
10) Тамбовская	26	18.825	28	21.386	52	31.796	74	36.450	195	81.301
11) Саратовская	24	52.749	36	62.856	50	69.794	67	89.878	136	26.669
12) Орловская	18	18.514	23	20.933	32	21.315	48	31.684	76	157.594
13) Смоленская	15	7.189	21	7.873	39	10.759	56	19.080	67	24.627
14) Симбирская	20	5.844	28	10.227	44	16.108	63	16.845	66	19.862
15) Тверская	11	21.002	20	36.448	43	39.337	71	60.563	84	75.982
16) Рязанская	8	1.050	15	18.264	25	20.643	27	21.207	50	32.203
17) Ярославская	31	37.222	36	42.312	50	69.525	65	79.360	68	78.210
18) Киевская	27	61.738	28	63.012	30	65.277	30	64.229	41	81.816
19) Костромская	16	16.488	18	20.202	26	27.012	29	28.645	32	26.319
20) Нижегородская	26	54.999	30	65.108	33	74.555	38	82.794	40	99.294
21) Самарская	7	34.147	8	34.173	9	29.810	10	34.012	39	43.519
22) Новгородская	7	1.649	9	5.330	9	5.429	11	5.850	15	7.448
23) Вятская	11	13.308	15	13.635	21	18.303	23	19.346	35	28.775
24) Воло одская	3	527	4	697	6	787	8	1.186	17	2.859
25) Минская	2	1.944	2	1.944	2	1.944	4	3.138	8	5.866
26) Каза ская	9	25.903	10	27.792	11	30.642	12	43.308	13	41.742
27) Пермская	8	52.258	8	52.922	9	56.038	10	57.014	14	61.894
	319	589.188	408	1.326.946	721	1.416.856	817	1.614.012	1 346	1.934.604

*) Сюда входит железнодор. и водники в губернском масштабе, но отсутствуют данные по целому ряду уездов и о многих союзах, ибо цифра дана общая, получаемая через губернские отделы союзов.

Прибавляя к этой общей цифре—1.934.604—460.000 членов Всеросс. Союза железнодорожников Великороссии и 180.000 членов Всеросс. Союза Водного Транспорта Великороссии, не считая Урала и части Украйны, мы имеем 2.384.784, причем число это отнюдь не охватывает всех организованных в проф. союзы рабочих и служащих всей Советской России.

Настоящие данные весьма неполны, ибо:

1) в данной таблице собраны материалы лишь по 27 губ.

2) о значительной части уездов сведений не имеется;

3) нет также сведений о значительном числе мелких, локальных союзов.

Вполне понятно, что в обстановке гражданской войны, когда ряд отдельных местностей и целых округов постоянно переходит из рук в руки,

дать полную и безусловно верную картину движения — абсолютно невозможно. Весьма вероятно также, что наряду с неполнотой общей картины и громадными пробелами, в ней существуют и преувеличения, об'ясняющиеся небрежной регистрацией, но это в равной степени относится к цифрам всех трех годов—17-го, 18-го и 19-го. Таким образом, цифры эти, взятые в их взаимном отношении, дают правильное представление не только о росте движения но и о его направлении.

Что касается количества трудящихся, организованных во Всероссийские Союзы, то мы имеем более полные данные, приводимые в следующей таблице:

Таблица № 5.

Название Профсоюза.	Число членов.	Области.
1. Служащих в аптеках	18.000	Великор., Черниг. и Киевск. губ.
2. „Цеквод"	180.000	Великор., Украин.
3. Цекпрофсож.	450.000	Великороссия.
4. Кожевенников	125.000	
5. Раб. Кредитного дела	70.000	Великор. и Укр.
6. Металлистов	380.000	Великор.
7. Печатников	60.000	Великорос. и Укр.
8. Раб. писчебумажного произв.	18.000	Великор.
9. Пищевиков	60.000	Великорос.
10. „Всемедикосантруд"	150.000	Великор. и Укр.
11. Раб. швейной промышленности.	63.948	Великор.
12. Народной связи	140.000	Великор. и Укр.
13. Трудящихся в сах. промышленности	15.000 45.000	Великорос. и Украйна.
14. Стекольщ. и фарфора	24.000	
15. Строител. рабочих	74.988	Великор. и Укр.
16. Текстильщиков	400.000	Великор. и Клинцы.
17. Служащих в Советск. учрежд.	277.937	Великор. и Укр.
18. Химиков	110.000	Великор. и Киев.
19. Цементщиков	18.000	Великор.
20. Горнорабочих	13.000	
21. Деревообделочников.	50.000	Великор. и Укр.
22. Народного питания	39.422	„ „
23. Всепрофинанс.	25.672	„ „
24. Пожарников	18.000	„ „
25. Табачников	24.000	Великорос.
26. Работн. Искусств	50.000	„
27. Работников земли	100.000	„
28. Парикмахеров	6.011	Великор., Екатеринослав и Киев.
29. Домовых служащих	82.297	Великор. и Укр.
30. Работн. Просвещения и Соц. Культуры	60.000	
	3.148.275	

Эта таблица составлена по данным И. Ком. Всер. Союза Проф. Союзов и по сведениям мандатных комиссий Всероссийских с'ездов отдельных союзов.

Сопоставляя данные таблиц 4-ой и 5-ой, мы видим, что общий итог последней таблицы превышает итог таблицы по 27 губерниям на 763.491. Это об'ясняется отчасти тем, что сведения, приводимые в 5-ой таблице новее и охватывают бóльшую территорию, отчасти же и тем, что в них входят данные о новых союзах, возникших во вторую половину 1919 г. Во всяком случае, цифры эти важны для нас не по своему абсолютному значению, а лишь относительно, — поскольку они выражают общее направление движения, ход его организационного развития.

Просматривая таблицу по губерниям, мы видим, что прирост в количестве членов и союзов падает главным образом на провинцию. Напротив того, движение в столицах задерживается в своем развитии и даже показывает убыль членов (Петроград). Прирост в Москве об'ясняется развитием организационной деятельности в Московской губернии и вовлечением в орбиту профессионального движения новых элементов.

Но то, что верно для Москвы, безусловно верно и для всей Республики в целом. Прирост числа членов и увеличение количества союзов, несмотря на общий хозяйственный кризис (результат войны и блокады), гибельно отразившийся на основных отраслях промышленности (текстильной, металлической, химической и т. д.), и на разрушение такого крупного промышленного центра, как Петроград,—свидетельствует, о чрезвычайной жизнеспособности нашего движения, о его прочности и об энергичной деятельности союзов.

Общий экономический сдвиг промышленности, ее перемещение поближе к производящим хлеб и сырье губерниям, и сопутствующее ему перемещение пролетариата из промышленных голодных центров в хлебородные губернии,—все это отразилось на нашем движении в форме относительного (а иногда и абсолютного) падения числа членов в крупных промышленных центрах и увеличении роста движения в провинции. Отлив большого числа рабочих из наиболее пострадавших отраслей промышленности в армию, в деревню и на государственную работу, компенсируется вовлечением в организации новых, доселе неорганизованных пролетарских слоев. Профессиональное движение, ранее сосредоточенное в крупнейших городах, по мере своего развития распространяется на более отсталые уголки, постепенно переходя через губернские города в самые отдаленные уезды.

Промышленный пролетариат хорошо учел исторические уроки, преподанные ему нашей, полной страдания и героизма, революцией. Он научился понимать и ценить значение своих организаций и, попадая в глухую провинцию, работником ли продовольственных отрядов, с винтовкой ли красноармейца или в поисках за более сытой жизнью,— он приносит с собой привычку к организованности и общественной жизни и при первой же возможности начинает работу по организации союзов. Несмотря на процесс слияния родственных союзов, построенных по профессиям, в более мощные организации, основанные на принципе строения по производству, и несмотря на то, что процесс этот сам по себе ведет к сокращению количества союзов, мы наблюдаем, особенно в провинции как раз обратное явление, а именно—непрестанное увеличение не только количества членов, но и количества союзов.

Это об'ясняется дальнейшим развитием организаций уже сложившихся Всероссийских об'единений: разбросанные доселе группы членов организуются теперь в ячейки, ячейки связываются в подотделы и в отделения, и таким образом организуются новые отделы Всероссийского Союза.

Поэтому указанное в таблице число союзов в настоящее время предоставляет собою — почти целиком, за ничтожными исключениями—общее количество филиалов Всероссийских Профессиональных Союзов. Итак, мы переживаем теперь новый период организованного развития нашего профессионального движения — период распространения отделов центральных организаций, или филиалов.

Пройдя стадию стихийного, локального строительства, процесс, через областное строительство и организацию центров, пришел к поворотной точке и принял обратный характер, а именно — началось построение частей-отделов от общего центра.

Но если, несмотря на хозяйственный кризис и общее сокращение производства, все же наблюдается и географическое распространение движения и вовлечение в него новых, ранее неорганизованных слоев; если, наряду с централизацией движения, мы видим также постоянный рост количества филиальных отделов и отделений центральных организаций, что свидетельствует о неуклонном приросте общего количества организованных членов,— то можно с уверенностью сказать, что это доказывает не только устойчивость и жизнеспособность самого движения, но равным образом и то, что развитие движения происходит в благоприятной для него обстановке. Если принять во внимание, что мы живем в период непрерывной гражданской войны и все время подвергаемся набегам и захватам территории со стороны и своих и чужестранных хищников, в лице пресловутой Антанты, что профессиональные союзы непрерывно продолжают выделять из своей среды тысячи и десятки тысяч новых работников для военной, продовольственной и других отраслей общегосударственной работы, — то для всякого станет ясно, что Советская власть действительно — рабочая власть, что строй Советской Республики дает необ'ятный простор самодеятельности пролетарских экономических организаций, что при этом строе профессиональные союзы рабочих принимают бо̀льшее участие в управлении страной и имеют бо̀льшее влияние на правительственные органы, чем организации буржуазии и дворянства в буржуазных монархиях и республиках.

Картина развития нашего профессионального движения в организационной его части была бы неполна, если бы мы в кратких чертах не обрисовали историю Всеросс. Центр. Совета Професс. Союзов.

Первый В. Ц. С. П. С., избранный на III Всеросс. Конф. в конце мая 1917 года и просуществовавший шесть месяцев, не мог развить организационной деятельности и оправдать возлагаемых на него надежд. Этому препятствовали как неясность его роли и неопределенность пределов полномочий, данных ему Конференцией, так и тот почти паритет между правым и левым крылом, который создался в исполнительном органе Совета (в Исп Комит. было: правых 5, левых—4; в Президиуме: правых—3, левых—2); кроме того, виною этому было и самое строение Совета по принципу представительства с мест, результатом чего явилась рассеянность членов Совета по всей России и невозможность, в силу этого, правильного функционирования пленума Совета. Сами члены Совета, проживая и работая за сотни и тысячи верст от центра, уходили с головой в местную работу и совершенно отрывались от исполнительных органов его, будучи не в силах не только контролировать деятельность этих органов, но зачастую даже поддерживать с ними связь.

Задачи В. Ц. С. П. С., как их определила III Конференция, сводились к „поддержанию связей“ с профессиональными организациями, „установлению“ связей с союзами иных стран, к „содействию... профессиональному об'единению“ путем „инструктирования“ их, посредством „издания примерных уставов“ и т. п., а также — и к представительству профессиональных союзов по отношению к различным государственным и общественным органам.

Давая В. Ц. С. П. С. право представительства интересов профессионального движения, Конференция вместе с тем не давала ему права активно направлять профессиональное движение, а без этого права представительство теряло всякую силу, превращаясь в простой декорум.

I Всероссийский С'езд внес весьма незначительные изменения в устав В. Ц. С. П. С., не коснувшись вопроса о его роли и его задачах, но он коренным образом изменил его строение, введя постоянное представительство от Центр. Комитета Всеросс. Союзов на основе пропорциональности, и тем самым создал в лице В. Ц. С. П. С. авторитетный для всех профессиональных организаций пролетарский союзный парламент.

Это изменение в строении, в процессе интенсивной организационной работы и в период бурной революционной жизни, настолько усилило авторитет В. Ц. С. П. С., что постепенно превратило его из „содействующего“ и „инструктирующего“ органа в орган фактического руководства российским профессиональным движением.

Усилению авторитета В. Ц. С П. С. особенно способствовало государственное нормирование заработной платы и условий труда, при котором на В. Ц. С. П. С. выпала роль верховного регулирующего органа. Укрепление связи В. Ц. С. П. С. с Народным Комиссариатом Труда, во главе которого стали избранные В. Ц. С. П. С. товарищи, построившие весь план своей работы на совместной деятельности с професс. союзами, также значительно усилило авторитет и влияние союзов вообще, и В. Ц. С. П. С. — в особенности. Конечно, эта близость задач Комиссариата Труда и В. Ц. С. П. С и одинаковость методов их осуществления—через посредство союзных аппаратов—на первых шагах создала известный параллелизм и смешение сфер компетенции, возникли даже некоторые трения, но уже к марту 1918 года, т. е. через три месяца после с'езда, экстренно созванная в Москве, в связи с Брестским миром и эвакуацией Петрограда, IV Конференция проф. союзов разрешила вопрос о взаимоотношениях между Комисс. Труда и проф. союзами. Позднее, в нашей следующей статье, говоря о взаимоотношениях между союзами и органами советской власти, мы остановимся подробнее на этом вопросе, а здесь ограничимся лишь указанием на то, что конференция, признав Комисс. Труда государственным органом, „выполняющим волю экономически организованного пролетариата“, и установив обязательность для Комисс. Труда всех решений руководящих общепрофессиональных

органов (с'ездов, конференций, В. Ц. С. П. С.), тем самым не только признала В. Ц. С. П. С. руководящим учреждением, выражающим интересы и желания всего экономически организованного пролетариата, но вместе с тем создала также и предпосылки, об'ективно дающие ему возможность стать таким органом.

К II С'езду Професс. Союзов, это превращение В. Ц. С. П. С. в руководящий орган стало уже совершившимся фактом, так что С'езду оставалось лишь формулировать и санкционировать фактически установившиеся отношения. Пункты 2 и 3 устава, принятого II Вс. С'ездом, гласили:

2. Высшим, руководящим органом Всероссийского Профессионального Об'единения является Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов, действующий на основании постановлений с'ездов и конференций и ответственный за свою деятельность перед Всеросс. С'ездом Проф. Союзов.

3. Все постановления Всер. С'ездов, Конференций, а равно и В. Ц. С. П. Союзов обязательны, как для всех союзов, входящих в Общероссийское Профессиональное Об'единение, так равно и для каждого члена союза. Нарушение постановлений и неподчинение таковым влечет за собою исключение из семьи пролетарских союзов.

Пункты эти окончательно завершили централизацию российского проф. движения, организационно связав его в единое целое, руководимое, в важнейших вопросах, единым центром и об'единенное единой волей.

Подводя итоги организационной деятельности профессиональных союзов, можно с уверенностью сказать, что высших форм своего развития профессиональное движение достигает лишь после I С'езда Проф. Союзов, в 1918—19 гг., т. е. в период господства советской власти. Октябрьский переворот резко изменил характер нашего профессионального движения, поставив перед ними новые задачи, открыв перед ним новые перспективы. Меняются методы работы и размах ее. Союзы привлекаются к участию в экономическо-политической диктатуре трудящихся. Вместе с советской властью они ведут мужественную борьбу с голодом, разрухой и вместе с тем — кровавую войну на всех фронтах с иностранными и отечественными хищниками. Сложные исторические задачи в обстановке бурно кипящей революционной жизни прерывают иногда непосредственную деятельность союзов, отвлекая их внимание на разрешение того или иного общественного вопроса, являющегося в данный момент основным и главным для диктатора-пролетариата и его республики, но дело строительства экономических организаций, их концентрации и укрепления не прерывалось ни на одну минуту, ибо власть трудящихся, опираясь, в лице их Советов, на самодеятельность организованных масс, осуществляется через дружное сотрудничество советов и союзов.

М. ТОМСКИЙ.

(Председатель Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов).

(*Продолжение следует*).

Следующую статью мы посвятим идеологии нового профессионального движения.

М. Т.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ.

В конце моей прошлой статьи в № 4 журнала „III-й Интернационал" я обещал посвятить следующую очередную статью вопросам внешкольного дела, но так как к предстоящим октябрьским торжествам Внешкольный Отдел как раз приводит в известность все стороны моей работы, то я и предпочитаю отложить отчет до 7-го номера с тем, чтобы использовать совершенно точные цифровые данные.

Сейчас же я думаю познакомить товарищей по III-му Интернационалу с другим, весьма серьезным явлением в области советского народного просвещения.

В одной из своих статей я указывал, что, несмотря на весьма дружественное с самых первых дней отношение Народного Комиссариата по Просвещению к учительству, со стороны последнего мы встретили весьма решительный и полный ненависти отпор. Правда, уже с первых дней было ясно, что центром такого отпора является Всероссийский Учительский Союз, во главе которого сплошь стояли учителя средней школы, главным образом, эсеровского и лево-эсеровского толка.

Что касается массы учительства, которая составляла весь союз, насчитывавший до 50 тыс. членов, и тем более массы, стоявшей совсем за пределами этого союза (до 300 тыс. учителей), то, приближаясь к уровню народного учителя, элементы эти колебались, не умели разобраться в вопросе, и чем выше стояли они в учебной иерархии, тем более определенно злобствовали и сопротивлялись.

Втечение долгого времени мы терпели существование Всероссийского Учительского Союза, дабы не проявлять в таком деле, как школьное, насилия, которое, быть может, было излишним.

Но дальнейшее развитие настроения учительства привело нас к иному выводу. Всеросийский Учительский Союз, явно приняв характер политического центра, как пробкой закупорил зарождавшиеся добрые отношения учителей к революционной школе и в то же время стал быстро терять симпатии и в низах, откуда к нам, через посредство всякого рода с'ездов и резолюций, неслись все более и более горячие и все более и более многочисленные свидетельства симпатии.

Вот почему в 1918 г., в конце года, мы решили, наконец, распустить Всероссийский Учительский Союз и заменить его профессиональным союзом иного типа.

Какого?—Здесь возникли разногласия. Само учительство, в особенности учительство верхушечное, имело намерение основать широкий профессиональный союз, который был бы вторым изданием Всероссийского Учительского, с другой стороны, некоторые учителя-коммунисты, а также некоторые представители Народного Комиссариата хотели устроить союз крайне узкий, замкнутый, с ярко коммунистической окраской.

С этой точки зрения даже существовавший уже политический Союз Учителей Интернационалистов казался слишком широким.

После основательного обсуждения этих вопросов на конференции представителей губернских отделов и в коммунистической фракции С'езда Учителей Интернационалистов—возобладала средняя линия. Первоначально предполагалось создать весьма широкий учительский союз, с тем, однако, чтобы организующим ядром отделений этого союза на местах были всегда коммунисты или люди, определенно доказавшие свое сочувствие партии. Затем, должен был производиться известный отбор, т. е. в члены союза могли вступать учителя только по рекомендации. При этом предполагалось не делать порога входной двери слишком высоким и создать многотысячную организацию.

Профессиональный союз, конечно, должен принадлежать к общей семье рабочих профессиональных союзов. При соприкосновении с Всероссийским Советом Профессиональных Союзов наш первоначальный план потерпел изменения. Всероссийский Совет стал на ту точку зрения, что учителя должны быть организованы на основе того же устава (за исключением некоторых детальных и формальных изменений), на основе которого зиждутся все рабочие профессиональные союзы.

Как известно, профессиональные союзы в Советской России считаются организациями внепартийными. Вместе с тем, однако, в уставе есть параграф, подчеркивающий, что членами профессиональных союзов могут быть лишь рабочие, признающие диктатуру пролетариата необходимым средством осуществления социалистического строя.

Товарищи рабочие указывали нам на то, что признания этого параграфа со стороны учителя вполне достаточно, чтобы считать его достойным сотрудником революционной работы над школой.

Рабочие профессионалисты были даже против того названия, которые мы выдвинули: Профессиональный Союз Работников Просвещения и Социалистической Культуры.

Слово „социалистической", как слово политическое, они хотели выбросить. В конце концов, однако, они согласились, что удержать это слово в данном сочетании полезно.

Первый с'езд нового профессионального союза, имевший место в июле с. г., выбрал центральный комитет, состоящий сплошь из коммунистов, и показал вообще довольно высокую организованность революционного учительства.

В самом деле, на этом с'езде коммунисты составляли большинство, а меньшинство шло настолько в ногу с коммунистами, что ни разу

не замечалось никаких разногласий между обоими этими элементами.

Союз оказался сразу чрезвычайно сильным: в него вступило 70 тыс. членов. В настоящее время их, вероятно, более 80 тысяч, так как союз довольно быстро растет и расширяется.

Народный Комиссариат по Просвещению признает за Союзом большие возможности и считает, что именно с учительством, организованным таким образом, наладится самая дружная работа. Между тем, без соглашения руководителей школьного дела с работниками школы радикальная реформа на деле становится мало возможной. По всей вероятности в самом ближайшем будущем Наркомпрос признает право за профессиональными союзами иметь легализованных представителей с решающим голосом, как в центральных, так и в местных коллегиях.

Отмечу еще, что в Союзе в колоссальной мере преобладают народные учителя и учителя школы первой ступени. Они преобладают не только постольку, поскольку их вообще больше, но и в процентном отношении, по сравнению с действительной пропорцией между этими учителями и учителями бывшей средней школы.

Количество профессоров в Профессиональном Союзе еще меньше.

В Союз входят, однако, не только работники школьные, но и работники дошкольного и внешкольного дела, а равным образом всякого рода школьные служителя. Тенденция Наркомпроса такова, чтобы школьные служителя, так называемый низший персонал, — швейцары, дворники, кухарки и т. д, также получали бы известную педагогическую подготовку, ибо лица, стоящие близко к воспитательному делу и к детям, должны непременно иметь известные знания для того, чтобы не совершать грубых бестактностей и не нарушать общего хода педагогического дела.

Симпатии среди учителей по отношению к реформе школы отчетливо поднялись. Это знаменуется сообщенными мною здесь фактами. Это подчеркивается также огромным количеством писем и запросов, которые мы в последнее время получаем.

Целый ряд выдающихся педагогов, стоявших в прежнее время в скептическом раздумьи поодаль от живой работы, в настоящее время проявляют большую активность и идут с нами в ногу.

Правда, одновременно с этим в некоторых советских кругах высказывается нетерпение по поводу медленности перерождения школы второй ступени. Это нетерпение выражается в иных случаях стремлением оказать на учительство дополнительное давление, стремлением вообще обострить воздействие Правительства и пролетариата на школьный персонал (главным образом в Петрограде), или наоборот, — резким понижением наших требований к этому персоналу и стремлением примириться с отсталым учительством (эти тенденции заметны в Москве).

Но само собой разумеется, что Наркомпрос не допустит колебаний ни в ту, ни в другую сторону, будучи уверен в том, что путь, на который он встал, не может, конечно, привести сразу к вполне удовлетворяющим результатам, ибо задача слишком грандиозна, но что путь этот безусловно верный. Так, идя по нему, мы уже констатируем такой огромный успех, как факт быстрой организации союза, в полтора раза превышающего старый Всероссийский Учительский Союз и стоящего неизмеримо выше его по своему активному настроению.

А. ЛУНАЧАРСКИЙ.

Кремль, 3-х-19 г.

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ В РОССИИ.

В истории потребительской кооперации в России надо различать три периода: кооперацию при царизме, — в эпоху буржуазной революции и — при советской власти.

I.

Кооперация зародилась в России в конце 60-х годов и к началу войны представляла собой уже довольно значительную силу. К 1 января 1914 г. число потребительских обществ доходило до 10-ти тысяч, членов было около 1.400.000, оборот кооперативных товариществ и их об'единений за 1913 год достиг 250 000.000 руб.

Но несмотря на такое большое количество потребительских обществ, кооперация охватывала лишь незначительную часть населения России (меньше одного процента) и представляла собой об'единение наиболее обеспеченных групп, как городской средней буржуазии, так и рабочего класса и крестьянства.

Соответственно такому составу, кооперация стояла в стороне от политической жизни. Большинство руководителей кооперации были людьми оппозиционно настроенными по отношению к царской власти. Ведь, самодержавие не терпело никакой свободной, самодеятельной организации, хотя бы и не таившей в себе ничего революционного и социалистического, и умело восстановлять против себя даже кооператоров — мирных представителей либеральных и право-социалистических групп.

Но борцами кооператоры быть не могли и не были. Правда, в период между первой революцией и войной в фабрично-заводских потребительских обществах, — представлявших собой в начале обычные заводские лавки, так называемые „зависимые потребительские общества", находившиеся в полной зависимости от хозяев фабрик и заводов, — начали образовываться группы членов из более сознательных и революционных рабочих, пытавшихся создать независимую от буржуазии рабочую кооперацию, но группы эти были еще очень малочислены, и поэтому выступление их на кооперативных с'ездах не оказывало никакого влияния на общий характер кооперации.

Она продолжала оставаться однородной организацией, буржуазной кооперацией, лучшими своими представителями имевшей культурников и либералов.

За время войны кооперация сильно выросла в количественном отношении. Начавшийся товарный голод и сильное спекулятивное повышение цен толкали обывателя к об'единению в кооперативы для того, чтобы таким образом хоть немного защитить себя от эксплуатации со стороны частного торгового капитала.

К концу войны, к 1 января 1918 г. число потребительских обществ увеличилось до 25 тысяч, больше чем во всех остальных странах мира, вместе взятых, или на 150%, число членов возросло приблизительно до 9.000.000, оборот за 1917 год достиг суммы от 6-ти до 7-ми миллиардов.

Рост кооперации не сопровождался ее социальным изменением. Она оставалась попрежнему буржуазной, и если выступления провинциальных кооперативных с'ездов (общероссийских не было) со времени февральской революции становились политически ярче и радикальнее, то это об'яснялось недовольством, охватившим мирные обывательские круги, и общим положением, за время войны, мелкой и средней буржуазии, остро чувствовавшей гнет царской войны и еще не видевшей нового врага, еще не выступившего пока из подполья — пролетариата.

II.

Положение резко изменилось после февральской революции.

Пролетариат, в лице большевистской партии, резко противопоставил выдвинутому буржуазией Временному Правительству свою революционную тактику и коммунистическую программу.

Началась непримиримая борьба.

Ни одна общественная организация не могла оставаться нейтральной в этой борьбе, рано или поздно каждая такая организация должна была стать на ту или другую сторону. Пришлось это сделать и кооперации. И, конечно, для руководителей кооперации тогдашнего состава выбор был ясен. Они стали на сторону правительства Керенского и даже явились самой правой группой в ряду тех сил, на которые опирался Керенский.

Это выявилось на Чрезвычайных Всероссийских С'ездах Кооперации 11—13 сентября и 4—6 октября 1917 года. Первый С'езд был специально созван перед Демократическим Совещанием, происходившем в Петрограде во второй половине сентября 1917 г. Он сплотил буржуазные верхи кооперации и уполномочил их выступать на Демократическом Совещании в качестве непримиримых противников пролетарской партии и, не останавливаясь ни перед чем, требовать сохранения коалиционной антисоветской власти.

После того, как на Демократическом Совещании кооператорам вместе с меньшевиками и эс-эрами удалось провести сохранение власти Керенского и создание предпарламента, они собрались еще раз, чтобы в полном единении провести избирательную кампанию в Учредительное Собрание, в котором они хотели играть такую же роль, какую они играли на только что закончившемся Совещании.

Не только обще-гражданская кооперация явилась оплотом борьбы против коммунистов, — 1-й с'езд рабочей кооперации, происходивший в августе 1917 г., также прошел под гегемонией меньшевиков и также противопоставлял независимую кооперацию всякой государственной власти, в том числе и возможной советской.

III.

Октябрьская революция поставила у власти партию пролетариата, против которой кооператоры вели такую яростную борьбу.

Какие теперь должны были создаться отношения? Мы, коммунисты, независимо от того, как мы представляем себе организацию распределения в развитом коммунистическом обществе, понимали, что социалистическое строительство берет за основу те формы, которые были созданы предшествовавшим капиталистическим развитием.

В области производства мы не уничтожаем, ведь, фабрики и заводы и крупные промышленные об'единения, а только делаем их общей собственностью и изменяем форму управления ими. Точно также и в области распределения мы должны были строить наши распределительные аппараты на основе аппаратов бывшей частной торговли или же использовать сильную уже потребительскую кооперацию.

В политике нельзя руководиться чувством, и поэтому, несмотря на враждебные отношения, установившиеся между нами и верхами кооперации, мы сразу решили для себя вопрос в смысле предпочтения кооперативного аппарата частно-торговому. Иначе поступили кооператоры. Они не хотели примириться с фактом рабочей революции. Они надеялись, что торжество большевиков будет непродолжительным, ждали со дня на день нашего падения, способствовали, сколько могли, промышленной и продовольственной разрухе и ни в какие переговоры с властью не вступали. Нам ничего другого не оставалось делать, как наряду с кооперативной и частной торговлей налаживать свой собственный распределительный аппарат и устраивать советские продовольственные лавки. Но, делая это, мы в то же время зорко следили за тем, не одумаются ли кооператоры, не пойдут ли они, наконец, на переговоры, и этот момент наступил тогда, когда все, в том числе и кооператоры, убедились, что время, оставшееся до падения советской власти, исчисляется во всяком случае не днями и даже не неделями, а, по крайней мере, месяцами.

Первое соглашение советской власти с кооперацией состоялось в апреле 1918 г. Для нас было важно, чтобы кооперация перестала быть свободным об'единением сравнительно немногих, добровольно вступающих в нее членов. Мы стремились к тому, чтобы она охватила все население Советской России и тем сделала бы ненужным существование других распределительных органов. Второе задание, которое мы ставили кооперации, и заключалось в том, чтобы она проводила в жизнь основные положения нашей продовольственной политики. Но и то и другое для кооператоров было неприемлемо Поэтому декрет от 12 апреля и представляет собой компромисс. Вместо обязательного вступления всего населения в состав единого в каждой местности кооператива, устанавливается лишь тот принцип, что кооперативы должны обслуживать не только своих членов, но и все население. Разделение на членов—хозяев кооперативов, и не членов—посторонних —сохранилось. Декрет устанавливает лишь облегчение для вступления (взнос для малоимущих понижается до 50 коп) и вводит премии для тех кооперативов, которым удастся об'единить в своих рядах, в качестве членов, все население их района. Чтобы усилить кооперативы в борьбе с частной торговлей, последняя облагается 5% налогом с суммы оборота. Кооперативы от этого налога свободны. Так как в правлениях, как кооперативов I-ой степени, так и кооперативных об'единений, находилось не мало торговцев и ответственных служащих частных торговых предприятий и вследствие этого кооперация находилась под сильным влиянием буржуазных партий, то декрет воспрещает избирать в правления кооперативов таких лиц.

Декрет подчеркивает, что все узаконения Советской власти, касающиеся заготовки и распределения продуктов первой необходимости, обязательны не только для советских органов и частных торговцев, но и для кооперативных организаций (это уступка власти со стороны кооператоров). Но зато декрет устанавливает представительство кооперации в общегражданских и районных органах снабжения. Между тем, подобного же права органам Советской власти по отношению к кооперации, декрет не предоставляет.

Таким образом, и после 12 апреля 1918 г. кооперация продолжает оставаться независимым аппаратом, параллельным государственным органом, противопоставляющим себя им и вступившим лишь во временные договорные отношения с властью. И чрезвычайно характерно то, что этот договор, дающий нам лишь малую долю того, к чему мы в области кооперации стремились, представлялся не только для обще-гражданской, чисто буржуазной кооперации, но и для так называемой рабочей кооперации максимумом возможных уступок.

В таком именно смысле совершенно определенно высказался 2 ой Чрезвычайный Всероссийский С'езд рабочей кооперации (начало апреля 1918 г.).

Следующим актом Советской власти по отношению к кооперации явился декрет от 8-го августа 1918 г. о товарообмене.

Этот декрет возлагает на кооперацию задачу снабжения крестьянского населения, сдавшего излишек своего хлеба государственной власти в лице ее продовольственных органов, предметами городской промышленности. Конечно, кооперация на первых порах с этой задачей не могла справиться. Не могла, отчасти, вследствие громадности задачи, а также в значительной степени еще и потому, что руководителям кооперации был чужд классовый принцип, положенный в основу декрета о товарообмене.

Мелкие буржуа, кооператоры никак не могли примириться с тем, что мануфактуру, железо, спички и т. п. нужно распределять между крестьянами не пропорционально тому, сколько кто из них сдал хлеба, а сообразно с их нуждой, давая больше беднякам, хотя бы и вовсе не сдававшим хлеба, и ничего не давая сдавшему много хлеба кулаку, имеющему достаточные запасы припрятанных раньше городских продуктов.

Но во всяком случае кооператоры доставили городские товары в деревню и, хотя с отступлением от декрета, эти товары распределили и тем сделали нужную для Советской России работу.

Масса, составляющая низы кооперации, оказывает давление на свои верхи, делая их более

уступчивыми, и 2-го ноября оказалось уже возможным сделать решительный шаг вперед в смысле сближения с кооперацией.

Правда, в декрете еще нет обязательного кооперирования всего населения, но декрет обязывает каждого потребителя быть приписанным к одному из распределительных пунктов, советскому и кооперативному, а если принять во внимание, что в огромном большинстве населенных мест сельской России никаких советских лавок не было и нет, то этот пункт декрета обозначает, что огромное большинство населения должно обязательно войти в кооперативы.

В декрете имеется ряд пунктов, обеспечивающих возможность дальнейшего широкого развития кооперации. Это—пункты о том, что кооперативные склады и лавки включаются в общую сеть распределительных пунктов, что Народный Комиссариат по Продовольствию снабжает эти лавки и склады товарами и продовольствием наравне с советскими лавками и, наконец, что кооперативные лавки и склады ни национализации, ни муниципализации не подлежат, а те, которые вопреки духу и букве прежних декретов были подвергнуты муниципализации до издания этого декрета,—восстанавливаются.

Несмотря на то, что все перечисленные выше декреты расширяли сферу деятельности кооперации и превращали ее в крупную необходимую отрасль социалистического строительства, кооперативные верхи не могли примириться с новым направлением кооперативной работы и, внешне сохраняя полную лойяльность, продолжали оказывать пассивное сопротивление начинаниям власти. Тогда, по призыву коммунистической партии, рабочие начали завоевание кооперации изнутри. Ряд активных работников-организаторов на местах вошел в кооперативную работу (сначала, по линии наименьшего сопротивления, в рабочую кооперацию), завоевал при ближайших перевыборах большинство рабочих кооперативных крупных центров и на третьем С'езде рабочей кооперации (декабрь 1918 г.) нанес решительное поражение царившим до того времени в рабочей кооперации меньшевикам. Идейный центр рабочей кооперации, Всероссийский Совет Рабочей Кооперации, стал коммунистическим.

С этого времени мы могли производить организацию кооперации, действуя на нее с двух сторон, сверху, путем декретов вводя в кооперативы городскую и деревенскую трудовую массу, и изнутри, через посредство рабочих кооперативов, которые, входя в состав местных обще-кооперативных об'единений и в состав Центросоюза, вели в этих общих организациях политику, намечаемую Советом Рабочей Кооперации.

Высший Совет Народного Хозяйства, который в то время руководил кооперацией, издал постановление, очищающее руководящие органы кооперации от всех классово-враждебных рабочим и трудовым крестьянам элементов.

Кроме тех ограничений, которые были декретированы еще 12 апреля, введено новое постановление, которое лишает активного и пассивного избирательного права в кооперативах всех тех, кто пользуется наемным трудом в целях извлечения прибыли, тех, чьим основным источником существования является нетрудовой доход или нетрудовое имущество, всех бывших торговцев, если со времени ликвидации ими торговли прошло не менее трех лет, священнослужителей, если они не зарекомендовали себя прежде, как искренно преданные делу кооперации работники, монашествующих, бывших полицейских и т. д.

Следующим шагом в Советском кооперативном законодательстве явился декрет от 20 марта 1918 г. о потребительских коммунах.

Приводим полностью вступительную часть этого декрета:

„Трудность продовольственного положения требует экстренных мер для спасения страны от голода и строжайшей экономии сил и средств.

В области распределения необходимо поэтому создание единого распределительного аппарата. Это тем более настоятельно и неотложно, что все распределительные органы (главным образом, распадающиеся на три группы: продовольственные органы, рабочая кооперация и обще-гражданские кооперативы) получают большинство продуктов из одного источника, а трения между этими группами стали уже на практике непереносной помехой для дела.

Об'единение существующих распределительных органов должно быть совершено так, чтобы главный аппарат правильного массового распределения, именно кооперация, как единственный аппарат, созданный и проверенный многолетним развитием при капитализме и практическим опытом, был не разрушен и не отброшен, а положен в основу нового, сохранен, развит и усовершенствован."

Из этой цитаты видно, что моментом, ускорившим издание этого декрета, послужил острый продовольственный кризис и стремление ввести максимальную организованность и экономию сил в дело распределения, чтобы можно было тем больше работников бросить на дело заготовки и доставки хлеба.

Но самый декрет является лишь дальнейшим развитием того, что содержалось уже в первых декретах, и вполне соответствует программным заявлением нашей партии, как они окончательно зафиксированы в принятой в том же месяце на Восьмом С'езде партийной программы.

В основу всех органов распределения декрет кладет не аппарат частной торговли и не советские лавки, а кооперацию.

Ей передается не только самое дело распределения, но и те аппараты (лавки, склады, пекарни), которые были созданы местными Продкомами. Для того, чтобы кооперативные верхи не могли использовать получаемую ими громадную силу для борьбы с Советской властью, чтобы передача им всего распределительного дела повела к его улучшению, лучшему снабжению продовольствием рабочих и голодающих крестьян северных губерний, а также к правильному распределению городских товаров между трудящимися, чтобы кооператоры не делали попыток путем расстройства переданного им снабжения вызвать недовольство масс и направить его против власти, необходимо было одновременно изменить также характер старой кооперации. Для этого декрет включает в число членов единого остающегося в каждом городе, в каждом сельском районе кооператива все население, не исключая самых бедных слоев и отменяя какие бы то ни

было членские взносы, служившие прежде для многих препятствием к вступлению в кооперативы. На тот же период времени, пока выборы новых правлений, которые будут отражать взгляды широких трудовых масс, идущих в значительном своем большинстве за нашей партией, не произведены, в состав временных правлений в кооперативных организациях вводятся на правах членов представители продовольственных органов, которые должны контролировать и направлять работу коопераций. Такие представители Центральной Советской Власти и об'единенной рабочей кооперации введены также в руководящий центр кооперации—Центросоюз.

В настоящее время по всей России происходит подготовка к выборам в кооперативные руководящие органы и через два, два с половиной месяца реорганизация русской кооперации будет закончена.

IV.

Наши противники и в России и особенно заграницей обвиняли и обвиняют Советскую Россию, и в первую голову нас, коммунистов, в том, что мы разрушаем кооперацию. В кооперативной печати говорят даже о гонениях на кооперацию.

Для того, чтобы доказать, насколько эти обвинения являются низкой клеветой, опровергнутой самой жизнью, я сошлюсь на несколько цифр. Выше уже было указано, что к 1 января 1918 г. число потребительских обществ в России равнялось двадцати пяти тысячам, к сентябрю 1919 года, всего через полтора года, число потребительских обществ достигло (по неточным сведения) пятидесяти тысяч, число пайщиков, хотя декрет об обязательном кооперировании всего населения в жизнь еще не проведен, достигает семнадцати, восемнадцати миллионов, т. е. также увеличилось вдвое за время существования советской власти.

Еще сильнее возрос оборот кооперации. Я не имею в своем распоряжении цифр за 1919 год и ограничусь поэтому сравнением цифр 1917 и 1918 г.г. За 1917 год оборот кооперации в рублях составил 6—7 миллиардов, на 1918 г. эта цифра достигает 12—15 миллиардов рублей.

Еще разительнее цифры, относящиеся к заготовительной деятельности Центросоюза, притом же эти цифры гораздо более точны и полны. За 1917 год Центросоюз пропустил через свои руки шесть тысяч вагонов различных товаров, а в 1918 году эта цифра поднялась до тридцати двух тысяч вагонов. Это увеличение более чем в пять раз об'ясняется тем, что Центросоюз являлся одним из главных контрагентов Советских продовольственных органов.

Не гонения, и тем более не уничтожение выпали на долю кооперации, а пышный невиданный ни при царе, ни при Керенском расцвет.

Конечно, все эти факты не могли помешать незначительной части кооператоров, — во главе с меньшевиками, правыми эсерами и еще более умеренными социалистами типа Прокоповича и Кусковой, — открыть против декрета 20-го марта поход, но отклика в широких массах потребителей их злобная агитация не встретила.

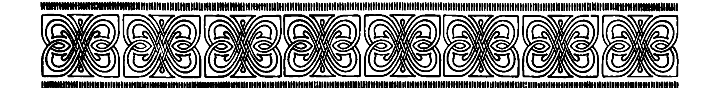
Хозяином в кооперации начал себя чувствовать не прежний привиллегированный член, внесший когда-то свой пай и привыкший получать от „своего“ кооператива больше продуктов, чем другие, а массовый рабочий, массовый крестьянин. Каждый из массовых рабочих и крестьян не может создать для себя привиллегированного положения. Им не от кого отгораживаться. Им приходится думать не о том, как бы урвать лучший кусок, что возможно для привиллегированного меньшинства, а о том, как улучшить положение всех.

Для этого нового хозяина кооперации, пролетария коммуниста и крестьянина, борющегося вместе с рабочим против общего внутреннего и внешнего врага, руководящий дух советской политики понятен и близок, и поэтому борьба прежних руководителей не нашла себе отклика и заглохла.

Таким образом, из враждебного нам об'единения по преимуществу буржуазных групп населения, пережив период временного нейтралитета, кооперация превращается на наших глазах, и в значительной степени уже превратилась, в организацию Советскую, разделяющую наши взгляды, видящую врагов и друзей там, где мы их видим, и вместе с нами делающую повседневное дело строительства нового общества.

Так должно было случиться и так случилось, потому что массовая организация трудящихся не может долго оставаться вне общего потока пролетарской борьбы.

Н. КРЕСТИНСКИЙ.

САМОДЕРЖАВИЕ ПРОЛЕТАРИАТА НА ФАБРИКЕ.

Хотя вот уже втечение почти столетия атмосфера в Европе и Америке пропитана идеями свободы, конституции, республики, самодержавия народа, все еще есть область, где о свободе и самодержавии народа никто не смел и помышлять, где о конституции нельзя было и заикнуться, где царило полное самодержавие господина и повелителя. Это та область, о которой Маркс еще пол столетия тому назад писал: — „скрытые от постороннего глаза места... где посетитель встречает на пороге надпись: „вход посторонним воспрещается". Это — фабрики, заводы, рудники, вообще места, где чудесно самовозрастает капитал, потребляя рабочую силу. Здесь святая святых капитализма".

Ревниво охраняя свои августейшие права, капиталисты долго не соглашались на конституционное вмешательство даже со стороны приказчика капитала,—капиталистического правительства, справедливо опасавшегося, что при той страстности, с которой г.г. капиталисты предавались культу самовозрастания капитала, бедная жертва этой страсти, потребляемая в процессе производства рабочая сила, может слишком преждевременно износиться, а с ее исчезновением, подобным исчезновению курицы, несущей золотые яйца, исчезнет и самая возможность чудесного самовозрастания капитала.

Именно это сопротивление и было причиной того, что фабричное законодательство всюду вводилось с таким трудом и нигде не было осуществлено полностью.

При этом надо иметь в виду, что своему капиталистическому правительству г.г. капиталисты, все же кое-что позволяли; если же какая-нибудь рабочая организация — хотя бы то был самый смирный из и без того уже оскопленных тред-юнионов — робко подимала вопрос о самой что ни на есть куцой фабричной конституции, капитал выходил из себя от ярости и негодования по поводу этого дерзкого покушения на его „естественые права", по поводу этого оскорбления величества. В этом вопросе он и слышать не хотел о каких бы то ни было уступках.

Когда самозабвение капитала, с невиданным дотоле экстазом предавшегося делу своего самовозрастания во время мировой катастрофы 1914—1917 г.г., привело к тому, что в цепи капиталистической эксплуатации, зверски впившейся в живое тело земного шара, треснуло ее самое слабое звено — Россия, — колеблющаяся капиталистическая власть русского коалиционного временного правительства, восемь месяцев танцовавшая на раскаленной зыбучей почве пролетарской революции, всеми силами старалась отстоять неприкосновенность святая святых капитализма. На лозунг рабочего контроля, выражавший притязание неокрепшего еще в своем стремлении к власти пролетариата на введение фабричной конституции, которая предоставила бы ему, в сущности, только право надзора, коалиционное правительство социалистов, ставших защитниками капитализма, и капиталистов, ставших мнимыми друзьями социализма, ответило яростной атакой на рабочий класс, провокационной кампанией против большевиков, как партии передовой части пролетариата. Самый лозунг рабочего контроля был выдвинут, как орудие самозащиты пролетариата; ибо г.г. капиталисты расчитывали задушить „костлявой рукой голода", как выразился один из их вождей, г. Рябушинский, все яснее выявляющуюся волю пролетариата к захвату власти и с этой целью принимали все меры к тому, чтобы добиться остановки предприятий путем искусственного, преднамеренно созданного недостатка сырья, топлива, непроизводства ремонта, израсходования оборотных средств и пр. Но чем насущнее становилась для пролетариата необходимость рабочего контроля, который не допустил бы саботажа в производстве, рьяно практиковавшегося капиталистами в скрытой форме локаута, тем упорнее защищал капитал свое самодержавие на фабрике.

И только, когда с грохотом резорвалось треснувшее звено, когда пролетариат России овладел политической властью, — был разрублен гордиев узел саботажа и было сломлено самодержавие капитала на фабрике. Но победивший пролетариат не мог ограничиться скромным требованием конституции на фабрике: сама практика жизни убедительно показала, что капиталист не хочет и не может быть конституционным монархом, что он, вопреки всем своим уверениям, всегда замышляет государственную измену, т. е. продолжение саботажа, что он вовсе не склонен предоставить рабочим возможность научиться у него искусству управления предприятием (как на это расчитывали наивные сторонники рабочего контроля после октябрьского переворота), что он, охотно одурачивавший других, не намерен позволить одурачить себя. И, вместо конституции, на фабрике водворилось самодержавие народа, не рабочий контроль, а рабочее управление.

Этот переход от самодержавия капитала к самодержавию пролетариата на фабрике, представляющий грандиознейший исторический факт, ибо этот переход, собственно говоря, и составляет все содержание социальной революции пролетариата, не мог, конечно, произойти в один день, по мановению волшебной палочки - путем декрета пролетарской советской власти, но он в главных чертах был осуществлен втечение одного года, причем осуществление это было возможно — лишь потому, что в такой отсталой капиталистической стране, как Россия, существовала все же в высокой степени концентрированная и централизованная крупнокапиталистическая промышленность, возглавляемая центральным аппаратом немногих крупных банков

И хотя из состава правлений предприятий (и их об'единений) лишь шаг за шагом втечение этого года вытеснялись единичные представители капиталистов и наполовину явные, а то и тайные слуги капитала из числа преданной ему капиталистической администрации, хотя состав этот, в большинстве случаев, лишь мало по малу стал чисто рабочим, тем не менее с самого же начала даже там, где формально существовал только рабочий контроль, это было не что иное, как рабочее управление.

Еще до революции, в России существовали многочисленные синдикаты, и значительная часть промышленности была об'единена банками; разумеется, не только на отдельных фабриках и заводах, но и (еще раньше) в синдикатах и (раньше всего) в банках самодержавие капитала сменилось самодержавием пролетариата, а процесс концентрации промышленности достиг при этом невиданных нигде в мире размаха и глубины.

Чтобы оценить результаты народно-хозяйственной деятельности взявшего в свои руки власть российского пролетариата, необходимо прежде всего ознакомиться с необычайно тяжелыми условиями его работы. Условия эти, действительно, были исключительно тяжелы.

Первая трудность лежала в самом характере революции. Промышленность, как и народное хозяйство вообще, может существовать и развиваться только тогда, когда она планомерно организована, имеет правильно построенное управление, иными словами, когда в ней установлены определенные производственные отношения. Пока реорганизуется управление, постепенно превращаясь из капиталистического в рабочее, пролетарское,—вся производственная деятельность переживает период заминки, которая, мало-по-малу ослабевая, продолжается до тех пор, пока новое рабочее управление не освоится, как следует, с делом.

Вторая трудность вызывалась отсталостью России, как капиталистической страны. Хотя концентрированная крупно-капиталистическая промышленность играла безусловно доминирующую роль в народном хозяйстве России, но вследствие недостаточного развития капитализма подавляющее большинство населения состояло из крестьянства, в значительной части своей полупролетаризованного и пауперизованного; крестьянство это поддерживало пролетариат в его борьбе за власть, расчитывая захватить в свои руки всю землю и вырвать с корнем феодально-крепостнические отношения. Эта крестьянская масса, в которой по временам просыпается пролетарский или сословно-революционный инстинкт, по временам инстинкт мелкого собственника, агрария и торгаша, вместе с весьма похожей на нее и социально родственной ей массой городского мещанства (мелких ремесленников и торговцев), своими колебаниями и анархически-собственнической психологией, не мирящейся с духом коммунизма, необычайно затрудняет осуществление коммунистической организации народного хозяйства, а, следовательно, и всю народно-хозяйственную деятельность пролетарской Советской власти.

Третья трудность заключается в мировом характере революции русского пролетариата. Будучи сама результатом мировой катастрофы — войны между гигантами империализма, наша революция грозит зажечь пламя пролетарской социальной революции во всем мире и превратить империалистскую мировую войну в войну классовую. Вследствие этого пролетарская республика Советов все время подвергалась то непосредственному нападению империалистских держав (Германии, в 1918 г., Англии, Франции и др. в 1919 г.), то нападению организуемых и снабжаемых теми-же империалистскими державами иностранных (чехословаки, сербы, греки) и отечественных (Колчак, Деникин, Лианозов, Чайковский и пр.) наемников. Благодаря этой поддержке империалистских хищников, гражданская война затягивается, разгромленная пролетариатом российская буржуазия получает возможность снова и снова организоваться для борьбы за восстановление священного права эксплуатации пролетариата. Благодаря этому, находящееся в руках рабочего управления производство Советской России отрезано от источников топлива, (уголь: Донецкий бассейн был оккупирован немцами, теперь Деникиным; нефть: Баку было оккупировано немцами, затем англичанами), сырья (хлопок: Туркестан был отрезан чехо словаками, потом Колчаком; руда: Кривой Рог был занят немцами, теперь Деникиным; Урал—чехо-словаками, потом Колчаком), продовольствия (Украйна и Северный Кавказ, занятые сначала немцами, потом Деникиным; Поволжье, Урал и Сибирь, занятые чехо-словаками, потом Колчаком). Наконец, блокада хотя и необ'явленная официально, но проводимая с неуклонной строгостью империалистическими державами Согласия, отрезывает пролетарскую советскую республику от тех источников, которые могли бы снабдить ее предметами оборудования, крайне износившегося за время войны и безусловно необходимого как для промышленности, так и для сельского хозяйства.

Несмотря на такие, исключительно тяжелые условия существования, рабочее управление народным хозяйством в отсталой, опустошенной и все более опустошаемой стране, оцепленной железным кольцом блокады, продолжает с молотом в одной руке и с винтовкой в другой, вот уже втечение почти двух лет отстаивать достижения мировой социальной революции, идя во главе всего мирового пролетариата и не сдавая своих позиций всемогущему, как многим казалось и еще и теперь кажется, противнику.

Эту колоссальную, никем непредвиденную силу сопротивления пролетарская республика черпает из присущего ей стремления сохранить во что бы то ни стало живую рабочую силу от разрушения. Человеческая рабочая сила есть одна из основных производительных сил общества. Капитал вообще—и каждый капиталист в отдельности — вел по отношению к живой рабочей силе хозяйство, которое нельзя назвать иначе, как хищническим. Из всех общественных производительных сил одна только рабочая сила принадлежала не капиталу, а пролетарию. Капиталистам принадлежало лишь „право“ пользования ею, основанное на необходимости для пролетария продавать право пользования своей рабочей силой тому, кто в состоянии заплатить за нее; поэтому капиталисты не были непосредственно заинтересованы в воспроизводстве ее. В результате рабочая сила

постоянно подвергалась разрушению: в обычное время этому способствовала чрезмерная продолжительность рабочего дня и большая интенсивность труда, в периоды промышленного под'ема (и войны) рабочая сила (так же, как и оборудование) подвергалась изнашиванию вследствие усиленной, лихорадочно-напряженной работы; во время кризисов на рабочей силе гибельно отражался голод или недоедание, вызванные безработицей и понижением заработной платы.

Только рабочее управление впервые стало сознательно исповедывать и проводить в жизнь политику сохранения рабочей силы, как необходимое условие непрерывной производственной деятельности общества, только оно осуществило наконец программу-минимум социал-демократии в политической области.

Мало того, рабочая власть, во имя сохранения пролетариата, не только предоставляет пролетариям в несколько (от 2-х до 4-х) раз бо́льший паек, чем нетрудящимся представителям буржуазии, но в случае необходимости даже отбирает предметы потребления, в том числе и жилища, у буржуазии и передает их пролетариям. То, что враги рабочей власти называют потребительским коммунизмом, есть, таким образом, не что иное, как политика сохранения основной общественной производительной силы—пролетариата.

Ярким показателем успеха рабочего управления является, между прочим, рост Красной армии. Мы подчеркиваем здесь лишь одну сторону этого грандиозного исторического подвига российского пролетариата, а именно—снабжение Красной армии. Против нее выступает противник, в руках которого находятся источники продовольствия, сырья, топлива, о снабжении которого заботится весь мировой капитализм, и тем не менее Красная армия оказывается снабженной не хуже, а зачастую даже лучше, чем армии противника.

Этот результат мог быть достигнут только благодаря целесообразной концентрации усилий, сосредоточенных на выполнении наиболее важных задач, т. е. благодаря организованности и планомерному ведению народного хозяйства. В этой области Россия за время рабочей власти сделала громадный шаг вперед. В настоящее время нет уже почти ни одной отрасли народного хозяйства, и в частности промышленности, которая не была бы централизована в руках особого рабочего органа, знающего все рессурсы и возможности своих предприятий и управляющего ими через рабочие управления.

У нас организована теперь не только крупная, но в значительной мере и мелкая промышленность, организовано отчасти также и земледелие. Далее, производится громадная статистическая работа по учету всех производительных сил страны. Таким образом, не только начата постройка фундамента для будущего коммунистического общества, но для настоящего момента достигнута уже возможность планомерной концентрации усилий на выполнении особенно насущных задач.

Кроме того, эта организация народного хозяйства позволяет рабочему управлению бороться с упадком производительных сил, начавшимся еще во время войны, и борьба эта дает положительные результаты, несмотря на вызванную войной разруху и на все упомянутые выше, почти непреодолимые затруднения. Одним из методов борьбы с падением производительных сил является концентрация производства: закрытие мелких, технически нерационально поставленных, к тому же зачастую антисанитарных, предприятий и сосредоточение всего производства в крупных предприятиях; этот метод с успехом применяется Советской властью почти во всех отраслях промышленности. Другой метод, это — перенесение предприятий в экономически более благоприятные условия: поближе к источникам силы, топлива, сырья; в этом отношении следует, прежде всего, отметить перенесение ряда предприятий из Петрограда, питавшегося преимущественно заграничным углем и южно-русским сырьем, в центр России и на Урал.

Громадная работа проделана также по приспособлению производства к новым, резко изменившимся условиям: переход громадного количества предприятий на дровяное отопление, переход к различным суррогатам и т. п.

На многих фабриках и заводах рамки производства сужены, в том смысле, что изготовляемые фабрикаты и продукты сведены к немногим основным типам; это влечет за собой увеличение производительности труда. Затем приняты меры, затрудняющие возможность фальсификации, и обращено особое внимание на приспособление качества продукта к потребностям широкой массы населения.

Во многих отраслях народного хозяйства достигнута централизация снабжения, организована государственная заготовка сырья.

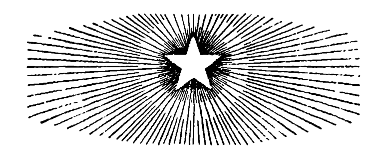
Продолжается, хотя и в сокращенных размерах, но зато по более рациональному плану — строительство; здесь мы особенно имеем в виду постройку под'ездных путей, почти не производившуюся до сих пор. Строятся также большие электрические станции для отопления торфом и для использования водной силы. Организуются новые, до сих пор не существовавшие в России производства, часто незначительные по своим размерам, но весьма необходимые для народного хозяйства страны.

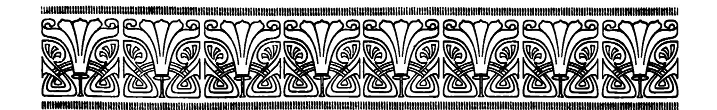
Наконец, идет грандиозная подготовка будущего. Ведь, будущее принадлежит нам, победоносному пролетариату. Произведены грандиозного размаха геологические изыскания в значительной части России; изыскания эти уже дали богатые результаты и в будущем обещают дать еще больше. Разработаны проекты колоссальных работ: работ по орошению Туркестана для расширения хлопководства, по постройке электрических станций для электрофикации страны, проекты каналов и железных дорог, производятся, наконец, научно-технические опыты применения ряда важнейших изобретений и множество других подготовительных работ.

В пролетариате дремлют огромные производительные силы. Помимо того, что его управление несет с собой планомерную организацию общественного труда, уничтожение непроизводительных растрат его, неизбежных при неорганизованности и анархии капиталистического общества, и поднятие производительности всего общественного труда до максимума, достигнутого отдельными, лучшими предприятиями, рабочее управление, означающее синтез организации производства и организации

рабочего класса, враждебно противостоящих друг другу при капитализме, вводит еще один, новый фактор: энтузиазм, с необычайной ясностью проявившийся в коммунистических субботниках, т. е. добровольной бесплатной работе рабочих-коммунистов по субботам после трудового дня; эта работа, выполняемая не из-за денег, а исключительно из чувства воодушевления перед великой пролетарской революцией, освобождающей человечество и выводящей его из капиталистического мира грязи, крови и слез в светлый мир труда, оказывается в 3, 4, 5 раз производительнее обычной. Энтузиазм вспыхнет еще более ярким пламенем, когда, пока еще одинокий, ушедший далеко вперед российский отряд мирового пролетариата увидит, что на помощь к нему подоспели другие отряды, и тогда весь мировой пролетариат, сомкнув ряды, общим усилием окончательно разорвет на куски лопнувшую уже в одном месте цепь капиталистического рабства и провозгласит самодержавие мирового пролетариата — мирового коммунизма.

Л. КРИЦМАН.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА В ЭПОХУ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА.

К двухлетнему юбилею Советской власти я задумал написать небольшую брошюру на тему, указанную в заглавии. Но в сутолоке повседневной работы мне не удалось до сих пор пойти дальше предварительной подготовки отдельных частей. Поэтому я решил сделать опыт краткого, конспективного изложения самых существенных, на мой взгляд, мыслей по данному вопросу. Разумеется, конспективный характер изложения несет с собой много неудобств и минусов. Но, может быть, для небольшой журнальной статьи окажется тем не менее достижимой скромная цель: дать постановку вопроса и канву для обсуждения его коммунистами разных стран.

1.

Теоретически не подлежит сомнению, что между капитализмом и коммунизмом лежит известный переходный период. Он не может не соединять в себе черты или свойства обоих этих укладов общественного хозяйства. Этот переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом, или, иными словами, между побежденным, но не уничтоженным, капитализмом и родившимся, но совсем еще слабым, коммунизмом.

Не только для марксиста, но для всякого образованного человека, знакомого так или иначе с теорией развития, необходимость целой исторической эпохи, которая отличается этими чертами переходного периода, должна быть ясна сама собою. И, однако, все разсуждения о переходе к социализму, которые мы слышим от современных представителей мелкобуржуазной демократии (а таковыми являются, вопреки своему, якобы социалистическому ярлычку, все представители II-го Интернационала, включая таких людей, как Макдональд и Жан Лонгэ, Каутский и Фридрих Адлер) отличаются полным забвением этой самоочевидной истины. Мелкобуржуазным демократам свойственно отвращение к классовой борьбе, мечтания о том, как бы обойтись без нее, стремление сгладить и примирить, притупить острые углы. Поэтому такие демократы либо отмахиваются от всякого признания целой исторической полосы перехода от капитализма к коммунизму, либо своей задачей считают выдумку планов примирения обоих борющихся сил, вместо того, чтобы руководить борьбой одной из этих сил.

2.

В России диктатура пролетариата неизбежно должна отличаться некоторыми особенностями по сравнению с передовыми странами, вследствие очень большой отсталости и мелкобуржуазности нашей страны. Но основные силы — и основные формы общественного хозяйства — в России те же, что и в любой капиталистической стране, так что особенности эти во всяком случае не могут касаться самого главного.

Эти основные формы общественного хозяйства: капитализм, мелкое товарное производство, коммунизм. Эти основные силы: буржуазия, мелкая буржуазия (особенно крестьянство), пролетариат.

Экономика России в эпоху диктатуры пролетариата представляет из себя борьбу первых шагов коммунистически об'единенного — в едином масштабе громадного производства, — труда с мелким товарным производством и с сохранившимся, а равно и возрождающимся на его базе, капитализмом.

Труд об'единен в России коммунистически постольку, поскольку, во-1-х, отменена частная собственность на средства производства, и поскольку, во-2-х, пролетарская государственная власть организует в общенациональном масштабе крупное производство на государственной земле и в государственных предприятиях, распределяет рабочие силы между разными отраслями хозяйства и предприятиями, распределяет массовые количества принадлежащих государству продуктов потребления между трудящимися.

Мы говорим о „первых шагах" коммунизма в России (как говорит это и наша партийная программа, принятая в марте 1919 г.), ибо все эти условия осуществлены у нас лишь частью, или иными словами: — осуществление этих условий находится лишь в начальной стадии. Сразу, одним революционным ударом, сделано то, что вообще можно сделать сразу: например, в первый же день диктатуры пролетариата, 26.X.1917 (8.XI.1917), отменена частная собственность на землю, без вознаграждения крупных собственников, экспроприированы крупные собственники земли. В несколько месяцев экспроприированы, тоже без вознаграждения, почти все крупные капиталисты, владельцы фабрик, заводов, акционерных предприятий, банков, жел. дорог и так далее. Государственная организация крупного производства в промышленности, переход от „рабочего контроля" к „рабочему управлению" фабриками, заводами, жел. дорогами, — это, в основных и главнейших чертах, уже осуществлено, но по отношению к земледелию это только-только начато („советские хозяйства", крупные хозяйства, организованные рабочим государством на государственной земле). Равным образом только только начата организация различных форм товариществ мелких земледельцев, как переход от

мелкого товарного земледелия, к коммунистическому *). То же самое надо сказать про государственную организацию распределения продуктов взамен частной торговли, т. е. государственную заготовку и доставку хлеба в города, промышленных продуктов в деревню. Ниже будут приведены имеющиеся по этому вопросу статистические данные.

Крестьянское хозяйство продолжает оставаться мелким товарным производством. Здесь мы имеем чрезвычайно широкую и имеющую очень глубокие, очень прочные корни, базу капитализма. На этой базе капитализм сохраняется и возрождается вновь—в самой ожесточенной борьбе с коммунизмом. Формы этой борьбы: — мешечничество и спекуляция, направленные против государственной заготовки хлеба (а равно и других продуктов), — вообще против государственного распределения продуктов.

3.

Чтобы иллюстрировать эти абстрактные теоретические положения, приведем конкретные данные.

Государственная заготовка хлеба в России, по данным Компрода (Народного Комиссариата Продовольствия) с 1 авг. 1917 г. по 1 авг. 1918 г. дала около 30 милл. пудов. За следующий год— около 110 милл. пудов. За первые три месяца следующей (1919—1920) кампании—заготовки, видимо, достигают цифры около 45 милл. пудов против 37 милл. пудов за те же месяцы (август - сентябрь) 1918 г.

Эти цифры ясно говорят о медленном, но неуклонном улучшении дел, в смысле победы коммунизма над капитализмом. Это улучшение достигается, несмотря на неслыханные в мире трудности, причиняемые гражданской войной, которую русские и заграничные капиталисты организуют, напрягая все силы могущественнейших держав мира.

Поэтому, как бы ни лгали, ни клеветали буржуа всех стран и их прямые и прикрытые пособники („социалисты“ II-го Интернационала), остается несомненным: с точки зрения основной экономической проблемы диктатуре пролетариата у нас обеспечена победа, победа коммунизма над капитализмом. Буржуазия всего мира именно потому бешенствует и неистовствует против большевизма, организует военные нашествия, заговоры и прочее против большевиков, что она превосходно понимает неизбежность нашей победы в перестройке общественного хозяйства, если нас не задавить военной силой. А задавить нас таким образом ей не удастся.

Насколько именно мы уже победили капитализм в тот краткий срок, который был нам дан, и при тех невиданных в мире трудностях, при которых пришлось действовать, видно из следующих итоговых цифр. Центр. Стат. Управление только что приготовило для печати данные о производстве и потреблении хлебов не по всей Советской России, а по 26 губерниям ее.

*) Число советских хозяйств и „земледельческих коммун“ в Советской России определяется приблизительно в 3536 и 1961; число земледельческих артелей в 3696. Наше Центр. Стат. Управление производит в настоящее время точную перепись всех советских хозяйств и коммун. Итоги начнут поступать в ноябре 1919 года.

Итоги получились такие:

26 губерний Сов. России		Население (миллионы)	Производство хлеба (без семян и без кормов) (милл. пуд.)	Доставлено хлеба. Компродом (милл. пуд.)	Доставлено хлеба. Мешечниками (милл. пуд.)	Все количество хлеба, коим располагало население (милл. (пуд.).	Потребление хлеба на душу (пудов)
Производящие губернии. .	городе	4,4	—	20,9	20,6	41,5	9,5
	села	28,6	625,4	—	—	481,8	16,9
Потребляющие губернии . .	города	5,9	—	20,0	20,0	40,0	6,8
	села	13,8	114,0	12,1	27,8	151,4	11,0
Всего (26 губерний)		52,7	739,4	53,0	68,4	711,7	13,6

Итак, приблизительно половину хлеба городам дает Компрод, другую половину мешечники. Точное обследование питания городских рабочих в 1918 году дало именно эту пропорцию. При этом за хлеб, доставленный государством, рабочий платит в десять раз меньше, чем мешечникам. Спекулятивная цена хлеба вдесятеро выше государственной цены. Так говорит точное изучение рабочих бюджетов.

4.

Приведенные данные, если хорошенько вдуматься в них, дают точный материал, рисующий все основные черты современной экономики России.

Трудящиеся освобождены от вековых угнетателей и эксплуататоров,—помещиков и капиталистов. Этот шаг вперед действительной свободы и действительного равенства, шаг,—по величине его, по размерам, по быстроте невиданный в мире,—не учитывается сторонниками буржуазии (в том числе мелко буржуазными демократами), которые говорят о свободе и равенстве в смысле парламентарной буржуазной демократии, облыжно об'являя ее „демократией“ вообще или „чистой демократией“ (Каутский).

Но трудящиеся учитывают именно действительное равенство, действительную свободу (свободу от помещиков и от капиталистов) и потому так прочно стоят за Советскую власть.

В крестьянской стране первыми выиграли, больше всего выиграли, сразу выиграли от диктатуры пролетариата крестьяне вообще. Крестьянин голодал в России при помещиках и капиталистах. Крестьянин никогда еще, втечение долгих веков нашей истории, не имел возможности работать на себя: он голодал, отдавая сотни миллионов пудов хлеба капиталистам, в города и за границу. Впервые при диктатуре пролетариата крестьянин работал на себя и питался лучше горожанина. Впервые крестьянин увидал свободу на деле: свободу есть свой хлеб, свободу от голода. Равенство при распределении земли, установилось, как известно, максимальное: в громадном большинстве случаев крестьяне делят землю „по едокам“.

Социализм есть уничтожение классов.

Чтобы уничтожить классы, надо, во-первых, свергнуть помещиков и капиталистов. Эту часть задачи мы выполнили, но это только часть и при том не самая трудная. Чтобы уничтожить классы, надо, во-вторых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать всех работниками. Этого нельзя сделать сразу. Это — задача несравненно более трудная и в силу необходимости длительная. Это — задача, которую нельзя решить свержением какого бы то ни было класса. Ее можно

решить только организационной перестройкой всего общественного хозяйства, переходом от единичного, обособленного, мелкого товарного хозяйства к общественному крупному хозяйству. Такой переход по необходимости чрезвычайно длителен. Такой переход можно только замедлить и затруднить торопливыми и неосторожными административными и законодательными мерами. Ускорить этот переход можно только такой помощью крестьянину, которая бы давала ему возможность в громадных размерах улучшить всю земледельческую технику, преобразовать ее в корне.

Чтобы решить вторую, труднейшую часть задачи, пролетариат, победивший буржуазию, должен неуклонно вести следующую основную линию своей политики по отношению к крестьянству: пролетариат должен разделять, разграничивать крестьянина трудящегося от крестьянина собственника, — крестьянина работника от крестьянина торгаша, — крестьянина труженика от крестьянина спекулянта.

В этом разграничении вся суть социализма.

И неудивительно, что социалисты на словах, мелко-буржуазные демократы на деле (Мартовы и Черновы, Каутские и Ко) этой сути социализма не понимают.

Разграничение, указанное здесь, очень трудно, ибо в живой жизни все свойства „крестьянина", как они ни различны, как они ни противоречивы, слиты в одно целое. Но все же разграничение возможно и не только возможно, но оно неизбежно вытекает из условий крестьянского хозяйства и крестьянской жизни. Крестьянина трудящегося веками угнетали помещики, капиталисты, торгаши, спекулянты и их государства, включая самые демократические буржуазные республики. Крестьянин трудящийся воспитал в себе ненависть и вражду к этим угнетателям и эксплуататорам втечение веков, а это „воспитание", данное жизнью, заставляет крестьянина искать союза с рабочим против капиталиста, против спекулянта, против торгаша. А в то же самое время экономическая обстановка товарного хозяйства неизбежно делает крестьянина (не всегда, но в громадном большинстве случаев) торгашом и спекулянтом.

Приведенные нами выше статистические данные показывают наглядно разницу между крестьянином трудящимся и крестьянином спекулянтом. Вот этот крестьянин, который дал в 1918—19 году голодным рабочим городов 40 миллионов пудов хлеба по твердым, государственным ценам, в руки государственных органов, несмотря на все недостатки этих органов, прекрасно сознаваемые рабочим правительством, но неустранимые в первый период перехода к социализму, вот этот крестьянин есть крестьянин трудящийся, полноправный товарищ социалиста-рабочего, надежнейший союзник его, родной брат в борьбе против ига капитала. А вот тот крестьянин, который продал из под полы 40 миллионов пудов хлеба по цене вдесятеро более высокой, чем государственная, используя нужду и голод городского рабочего, надувая государство, усиливая и порождая всюду обман, грабеж, мошеннические проделки, вот тот крестьянин есть спекулянт, союзник капиталиста, есть классовый враг рабочего, есть эксплуататор. Ибо иметь излишки хлеба, собранного с общегосударственной земли при помощи орудий, в создание которых вложен так или иначе труд не только крестьянина, но и рабочего, иметь излишки хлеба и спекулировать ими, значит быть эксплуататором голодного рабочего.

Вы — нарушители свободы, равенства, демократии, — кричат нам со всех сторон, указывая на неравенство рабочего и крестьянина в нашей конституции, на разгон Учредилки, на насильственное отобрание излишков хлеба и т. п. Мы отвечаем: не было в мире государства, которое бы так много сделало для устранения того фактического неравенства, той фактической несвободы, от которых веками страдал крестьянин труженик. Но с крестьянином спекулянтом мы никогда не признаем равенства, как не признаем „равенства" эксплуататора с эксплуатируемым, сытого с голодным, „свободы" первого грабить второго. И с теми образованными людьми, которые не хотят понять этой разницы, мы будем обращаться как с белогвардейцами, хотя бы эти люди назывались демократами, социалистами, интернационалистами, Каутскими, Черновыми, Мартовыми.

5.

Социализм есть уничтожение классов. Диктатура пролетариата сделала для этого уничтожения все, что могла. Но сразу уничтожить классы нельзя.

И классы остались и останутся втечение эпохи диктатуры пролетариата. Диктатура будет ненужна, когда исчезнут классы. Они не исчезнут без диктатуры пролетариата.

Классы остались, но каждый видоизменился в эпоху диктатуры пролетариата; изменилось и их взаимоотношение. Классовая борьба не исчезает при диктатуре пролетариата, а лишь принимает иные формы.

Пролетариат был при капитализме классом угнетенным, классом лишенным всякой собственности на средства производства, классом, который один только был непосредственно и всецело противоположен буржуазии и потому один только способен был быть революционным до конца. Пролетариат стал, свергнув буржуазию и завоевав политическую власть, господствующим классом: он держит в руках государственную власть, он распоряжается обобществленными уже средствами производства, он руководит колеблющимися, промежуточными элементами и классами, он подавляет возросшую энергию сопротивления эксплуататоров. Все это—особые задачи классовой борьбы, задачи, которых раньше пролетариат себе не ставил и не мог ставить.

Класс эксплуататоров, помещиков и капиталистов не исчез и не может сразу исчезнуть при диктатуре пролетариата. Эксплуататоры разбиты, но не уничтожены. У них осталась международная база, международный капитал, отделением коего они являются. У них остались частью некоторые средства производства, остались деньги, остались громадные общественные связи. Энергия сопротивления их возросла, именно вследствие их поражения, в сотни и в тысячи раз. „Искусство" государственного, военного, экономического управления дает им перевес очень и очень большой, так что их значение несравненно больше, чем доля

их в общем числе населения. Классовая борьба свергнутых эксплуататоров против победившего авангарда эксплуатируемых, т. е. против пролетариата, стала неизмеримо более ожесточенной. И это не может быть иначе, если говорить о революции, если не подменять этого понятия (как делают все герои II-го Интернационала) реформистскими иллюзиями.

Наконец, крестьянство, как и вся мелкая буржуазия вообще, занимает и при диктатуре пролетариата среднее, промежуточное положение: с одной стороны, это—довольно значительная (а в отсталой России громадная) масса трудящихся, соединяемая общим интересом трудящихся освободиться от помещика и капиталиста; с другой стороны, это—обособленные мелкие хозяева, собственники и торговцы. Такое экономическое положение неизбежно вызывает колебания между пролетариатом и буржуазией. А при обостренной борьбе между этими последними, при невероятно крутой ломке всех общественных отношений, при наибольшей привычке к старому, рутинному, неизменяемому со стороны именно крестьян и мелких буржуа вообще, естественно, что мы неизбежно будем наблюдать среди них переходы от одной стороны к другой, колебания, повороты, неуверенность и т. д.

По отношению к этому классу — или к этим общественным элементам — задача пролетариата состоит в руководстве, в борьбе за влияние на него. Вести за собой колеблющихся, неустойчивых— вот что должен делать пролетариат.

Если мы сопоставим вместе все основные силы или классы и их видоизмененное диктатурой пролетариата взаимоотношение, мы увидим, какой безграничной теоретической нелепостью, каким тупоумием является ходячее мелкобуржуазное представление о переходе к социализму „через демократию“ вообще, которое мы видим у всех представителей II Интернационала. Унаследованный от буржуазии предразсудок насчет безусловного, внеклассового содержания „демократии“ — вот основа этой ошибки. На самом же деле и демократия переходит в совершенно новую фазу при диктатуре пролетариата и классовая борьба поднимается на более высокую ступень, подчиняя себе все и всякие формы.

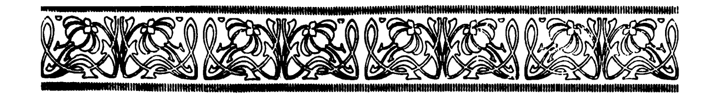
Общие фразы о свободе, равенстве, демократии на деле равносильны слепому повторению понятий, являющемуся слепком с отношений товарного производства. Посредством этих общих фраз решать конкретные задачи диктатуры пролетариата значит переходить, по всей линии, на теоретическую, принципиальную позицию буржуазии. С точки зрения пролетариата, вопрос становится только так: свобода от угнетения каким классом? равенство какого класса с каким? демократия на почве частной собственности или на базе борьбы за отмену частной собственности? и т. д.

Энгельс давно раз'яснил в „Анти-Дюринге“, что понятие равенства, будучи слепком с отношений товарного производства, превращается в предрассудок, если не понимать равенства в смысле уничтожения классов. Эту азбучную истину об отличии буржуазно-демократического и социалистического понятия равенства постоянно забывают. А если не забывать ее, то становится очевидным, что пролетариат, свергнувший буржуазию, делает этим самый решительный шаг к уничтожению классов и что для довершения этого пролетариат должен продолжать свою классовую борьбу, используя аппарат государственной власти и применяя различные приемы борьбы, влияния, воздействия по отношению к свергнутой буржуазии и по отношению к колеблющейся мелкой буржуазии.

Н. ЛЕНИН.

30 X—1919 г.

(Продолжение следует).

РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ ЭВОЛЮЦИЯ.

Мы — революционеры. Что это значит? Это значит: во-первых, что мы убеждены в том, что без революции невозможен переход от капиталистического к коммунистическому строю; во вторых, что мы готовы отдать делу пролетарской революции все наши материальные и духовные силы.

Но тут прежде всего возникает вопрос, вызвавший в связи с войной и особенно с порожденной ею революционной обстановкой глубокое расхождение во французских рабочих организациях, а именно,—что такое революция? Если бы подобный вопрос был поставлен в рабочих кругах до 1914 г., он вызвал бы только улыбку. Тогда все признавали, по крайней мере, молчаливо,—ибо никому не пришла бы в голову мысль заниматься рассуждениями по поводу этого слова, — что революция, это—незаконная, внезапная и непременно насильственная замена одного политического или экономического строя другим.

Были сторонники и противники революции, и если некоторые из нас и тогда, так же, как и в наши дни, поддерживали то заблуждение, будто избирательное право и право союзов и собраний, предоставляемые рабочим так называемыми демократиями, дают пролетариату достаточно сильное оружие в его борьбе с чудовищем капитализма за полное освобождение, то люди эти, по крайней мере, не об'являли себя революционерами, и поэтому не давали никаких поводов к недоразумениям.

Теперь все изменилось. Теперь нет реформистов, по крайней мере, во французской Всеобщей Конфедерации Труда, есть исключительно лишь революционеры Вожаки Конфедерации решительно об'являют себя революционерами, всецело признавая поставленные нами выше два требования революционности, которые они считают даже общепризнанными истинами. Остается лишь столковаться с ними относительно значения слова „революция".

„Есть ли это, говорит Жуо, катастрофический акт, означающий крушение старого строя, или, напротив, это длительный эволюционный процесс, который мало-по-малу охватывает весь этот строй, и который, постепенно разрушая существующий строй, вместе с тем в рамках его создает тот организм, который должен придти ему на смену? Вот что такое революция, для сознательных революционеров, и именно так всегда понимала ее Всеобщая Конфедерация Труда".

Возможно, хотя и несколько сомнительно, что Всеобщая Конфедерация Труда действительно всегда так понимала революцию и никогда не делала различия между ней и „длительным эволюционным процессом", исключающем всякий „катастрофический акт"; но, да простит мне Жуо, — на свете всегда были, есть и будут сознательные революционеры, которые придерживались, придерживаются и будут придерживаться совершенно иного взгляда на революцию, чем нынешний секретарь Всеобщей Конфедерации Труда.

Я уверен, что выскажу мнение целой группы лиц, заявив, что, если революция, очевидно, и не представляет собою один лишь катастрофический акт, которого так боится Жуо, если всякая законченная революция является целым циклом, ведущим к установлению нового строя, то, с другой стороны, не может быть революции без этого первоначального катастрофического периода, во время которого происходит разрушение обреченного на гибель строя путем более или менее насильственным, в зависимости от силы оказываемого сопротивления.

Мысль об этой медленной, мирной и законной революции, увенчанная формулой Прудона: „Мастерская заставит исчезнуть правительство", на первый взгляд весьма соблазнительна. В самом деле, — зачем напрягать силы для разрушения ветхого здания, угрожающего при своем падении похоронить под развалинами все общество, если можно, без всякого риска и труда, постепенно заменить все старые камни новыми? Зачем непременно немедленно же экспроприировать владельца этого здания, если отлично можно жить вместе с ним, а когда придет время, — без всякого труда уговорить его покинуть перестроенный на ново, удобный дом?

Все несчастие лишь в том, что мысль эта — обманчивый мираж, опасная утопия.

Развитие обществ, несомненно, представляет поразительную аналогию с явлениями размножения видов. Подобно человеческому зародышу, и общественный зародыш находит сперва в среде, породившей его, необходимые условия и вещества для своего развития.

Но для того, чтобы появилось на свет новое существо, беременность должна закончиться родами, т. е. насильственной революцией. Когда клеточки, живущие независимой активностью, развиваются в организме и притом за счет его, они должны покинуть его в определенный момент развития, ибо в противном случае они могут и сами умереть и стать причиной смерти всего организма. Что касается изменения общественных форм, то нам показывает опыт (это, между прочим, в высшей степени убедительно и ясно доказано К. Радеком в его брошюре: „От науки к действию"), что механическое учение о переходе капитализма к социализму является химерой, противоречащей материалистическому пониманию истории. Системы общественного устройства, предшествовавшие капитализму, исчезли раньше, чем окончательно сложились основы нового строя. Они пали, как только стали серьезным препятствием для элементов этого нового строя.

В наше время недостаточно противопоставить Марксу Прудона для того, чтобы подорвать значение этого исторического закона развития общества.

Очевидно, впрочем, что за вычетом абстрактной формулы Прудона „Мастерская заставит исчезнуть правительство", нео-революционизм Жуо является лишь буржуазно-демократической фразой, к которой просто пристегивается эта формула, причем разум отказывается понять, как эти две части могут уживаться вместе.

Вы отвергаете насилие — прекрасно! Мы сами, больше, чем кто-либо другой, ненавидим его, да и вообще ни один человек, достойный имени человека, не любит насилие ради насилия. Вы хотите, чтобы революция произошла без всяких катастрофических актов — отлично. Но нам хотелось бы иметь несколько более ясное представление о том процессе, в результате которого, „мастерская заменит правительство". Вполне искренно и спокойно я обращаюсь к Жуо с настоятельным призывом высказаться определеннее по этому вопросу, который он до сих пор оставляет в тени.

У нас ведь нет разногласий относительно цели, к которой мы стремимся.

Построить общество исключительно на производстве, это было мыслью К. Маркса. В настоящее время выразителем этой мысли является Ленин. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть речь, произнесенную им в Москве при открытии Высшего Совета Народного Хозяйства. Но эти два человека стоят безусловно выше Прудона и... Жуо; первый—потому, что он научным путем открыл условия победы пролетариата, а второй—тем, что он сумел определить момент практического осуществления социализма.

К. Маркс, гениально показав развитие капитализма, ведущее к революции (истинной) и к диктатуре пролетариата, заранее установил содержание целой страницы в истории человечества, и предвидение его оправдалось событиями.

Секретарь нашей Всеобщей Конфедерации Труда для развития мысли, слишком кратко изложенной им на последнем заседании Национального Комитета, должен был бы написать другую страницу, доказывающую, что страница, написанная Марксом, теперь уже не отвечает действительности.

Он должен был бы поведать нам, каким образом попытки сотрудничества классов, предпринимаемые с целью улучшения участи рабочего класса и до сих пор плачевно кончавшиеся неудачей, в будущем увенчаются успехом так, что этот класс найдет в них средство для своего полного освобождения.

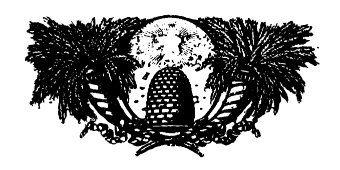
Каким образом пролетариат, принуждая буржуазию к все новым уступкам, превратит капиталистический строй в такой, при котором исчезнут все общественные классы и государство?

Как он представляет себе превращение капиталистической демократии и всех органов ее господства,—экономических, административных, парламентских, конституционных и внеконституционных, судов, органов прессы—в органы господства победоносного пролетариата?

Допустим, наконец, что все это возможно. Но в какой срок, хотя бы приблизительный, завершится эта волшебная и идиллическая метаморфоза, завершится так, что участники ее увидят, что они действительно совершили революцию?

На эти вопросы должен быть дан ответ, в противном случае это будет признанием, что люди, утверждающие, будто они считаются с действительностью, а мы витаем в облаках, и беспрестанно обвиняющие нас в низкой демагогии, сами не в состоянии разобраться в действительности и возвыситься до истинного понимания судеб пролетариата.

Ф. ЛОРИО.

ПИСЬМО ИЗ АМЕРИКИ.

Вы просили меня написать для читателей „Коммунистического Интернационала" о положении дел в Америке, и я с радостью исполняю эту просьбу.

Рабочее движение в Соединенных Штатах—как индустриальное так и политическое, — переживает сейчас самую критическую стадию своего развития. Широкие массы трудящихся начинают уже понимать, что прежние организационные формы устарели и что необходимо применение новых боевых средств в ожесточенной борьбе против капитализма, если рабочий класс хочет выйти победителем из этой борьбы и добиться освобождения. Рядовые члены Американской Федерации Труда (во главе которой уже много лет стоит Самуэль Гомперс, и сейчас занимающий пост председателя Федерации), начинают убеждаться в том, что основные принципы этой организации не только не отвечают нуждам рабочего класса, но с точки зрения экономических интересов положительно вредны.

С возникновением в 1905 году организации „Индустриальных Рабочих Мира", обозначаемой обыкновенно начальными буквами I. W. W., рабочие впервые почувствовали возможность достижения истинной „экономической свободы". Провозглашение I. W. W. принципа, что власть капиталистов и рабочий класс не имеют никаких общих интересов—открыло рабочим глаза на то, что старый лозунг A. F. L. (Амер. Федер. Труда)—„хорошая заработная плата за хорошую работу" — должен быть заменен новым: „упразднение системы заработной платы и всех сопряженных с нею зол". И теперь, после 15-ти летней агитационной работы I.W.W., внутри A. F. L. стал развиваться дух вражды по отношению к принципам и вождям этой организации, угрожая раздором между выражающими столь непримиримые принципы вождями обоих партий.

Американская Федерация Труда состояла, по официальным данным этой организации, к 1-му января 1919 года из 3.250,000 членов, между тем как I. W. W. насчитывала к тому же времени около 125,000 членов, по большей части неквалифицированных рабочих.

О боевом духе и отношении каждой из этих двух организаций к нуждам, желаниям и надеждам рабочего класса красноречивее всего говорит то обстоятельству, что после вступления Америки в мировую войну вожди I. W. W. (в числе 100 чел.) были на продолжительные сроки заключены в тюрьму, а вожди A. F. L. оказались желанными гостями на всех званых обедах, устраиваемых американским правительством и некоронованными королями капитала.

Для того, чтобы судить о дальнейшем развитии I. W. W., достаточно обратить внимание на то, что в момент ареста вождей организация состояла всего из 70.000, а после их ареста и до сего времени число членов возросло до 125.000, причем наблюдается постоянный приток новых членов.

Множество местных секций A. F. L. начинают теперь все настойчивее требовать перестройки организаций на революционно-индустриальной основе.

Эта перемена в настроении масс, проявляющаяся, как мы уже указали, в чисто индустриальной области, находит себе также выражение и в области политической, в изменении тактики партии социалистов. Относившаяся раньше совершенно пассивно ко всякого рода профессиональным организациям, Американская Социалистическая Партия вынуждена была теперь одобрить и признать революционный принцип индустриального строения союзов.

Это признание явилось отнюдь не результатом убеждения со стороны вождей партии социалистов: оно было прежде всего продиктовано им инстинктом самосохранения.

Вступление Соединенных Штатов в войну не мало способствовало разрушению старых группировок, существовавших в профессиональном и политическом рабочем движении. Во всех организациях началась идейная борьба за и против войны: вопрос этот стал самой животрепещущей злобой дня. Обсуждение этого вопроса, обнаружившее расхождение взглядов, внесло ясность я рабочее движение и имело своим последствием новую, правильную группировку сил, примкнувших к двум различным лагерям.

Социалистическая Партия на своем экстренно созванном с'езде резко высказалась против войны, заклеймив ее как величайшее преступление в истории человечества, и постановила призвать рабочих к массовому выступлению против войны; попытки такого массового выступления были сделаны лишь в некоторых отдельных местах, и в результате множество рабочих были заключены в тюрьму, между тем как вожди, об'явившие эту войну войне, спокойно вернулись после с'езда домой и по прежнему занялись своими повседневными делами, не предпринимая решительно ничего для организации рабочих и проведении в жизнь резолюции с'езда.

Американская Федерация Труда, в лице своих вождей (Сам. Гомперс и Ко), нисколько не задумываясь, примкнула к правительству и об'явила войну „крестовым походом в защиту свободы". Правда, необходимо отметить, что далеко не вся масса рядовых членов A. F. L. шла за вождями, но голоса революционно настроенного меньшинства были заглушены грохотом военных барабанов и усовершенствованными насильственными мерами правительства, в которое входили, между прочим, и некоторые из вождей Федерации. В результате рабочие были мобилизованы и для войны на фронте и для работы на заводах.

Со своей стороны, I. W. W., прекрасно понимая истинные цели войны, не стала тратить время на громкие фразы, а принялась за дело классовой организации рабочих, провозгласив классовую войну и стараясь укрепить в пролетарских рядах революционную дисциплину. Эта организация оказалась, таким образом, самой опасной для правительства и капитализма, и поэтому на нее обрушилась вся сила преследований. Все штабквартиры ее были разгромлены наемными бандитами правительства: книги для записей, литература, денежные средства и все прочее имущество были конфискованы и все вожди организации — так, по крайней мере, думало правительство — были посажены в тюрьму без всякого суда и следствия. Но как только они очутились за решеткой, немедленно же из рабочих масс выдвинулись новые руководители и мужчины и женщины,- которые с таким же уменьем взялись за ответственную работу, которую раньше вели аресто-

ванные товарищи, и — как я уже сказал организации продолжала развиваться, и число членов ее растет с тех пор с каждым днем.

Но вот, 7-го ноября 1917 г. в России произошла революция, и перед рабочими снова встал вопрос о том, с кем им идти. Теперь вопрос ставился так: признают ли они диктатуру пролетариата втечение переходного периода от капитализма к социализму? Непосредственные последователи Самуэля Гомперса в A. F. L., и он сам во главе их, об'явили, что Русская Революция есть захват власти меньшинством, что большевизм разрушает демократию (хотя г. Гомперс никогда не обмолвился ни словом о том, что он понимает под демократией, если не считать знаменитого принципа „хорошая плата за хорошую работу"). Такое отношение к пролетарской революции создало Гомперсу величайшую популярность среди „лучших" граждан страны: банкиров, спекулянтов и всевозможных эксплуататоров. Осуждение новой Русской Республики, высказанное такими людьми, как Гомперс, находило сочувственный отклик в массах втечение почти целого года, но затем мало-по-малу рядовые члены A. F. L. поняли, что в России совершается серьезная попытка установить власть, всецело отвечающую интересам рабочего класса.

Тогда некоторые местные союзы единодушно пред'явили следующее требование к правительству: „руки прочь от России!" Этот лозунг был подхвачен множеством других рабочих союзов, входивших в A. F. L., не потому, что члены их имели ясное представление о Советской России, а просто потому, что они, еще несколько лет тому назад, провозгласили в своих местных организациях право всех народов на самоопределение, и считали теперь, что принцип этот должен быть соблюден и по отношению к России. Вожди A. F. L., учитывая это настроение рядовых членов Федерации, пошли вслед за массами и робко заявили, что, по их мнению, правительство должно предоставить России самой решить свою судьбу.

I. W. W. была единственной рабочей организацией в Соединенных Штатах, с первого же дня революции вполне отчетливо понявшей значение пролетарского переворота в России; организация эта, немедленно же после октябрьского переворота, повела решительную классовую агитацию против войны, поставив себе целью, во первых, не допустить удушения Советской России, и, во вторых, организовать американских рабочих для свержения капитализма в Соединенных Штатах.

Необходимо, впрочем, отметить, что вся социалистическая партия, за исключением нескольких вождей, также энергично отстаивала интересы Советской России, причем в этом движении принимали участие и некоторые менее крупные политические организации, как, например, Социалистическая Рабочая Партия, Лига Социалистической Пропаганды и т. д.

Казалось бы, это единодушное противодействие, оказываемое индустриальными и политическими рабочими организациями вмешательству в дела Советской России, должно было раз навсегда положить конец этому вмешательству, по крайней мере, со стороны Соединенных Штатов, и действительно, я уверен, что, отчасти благодаря ему, прекратилась отправка американских войск в Россию. Но, с другой стороны, несмотря на все эти протесты, американское правительство до сих пор продолжает оказывать экономическую поддержку врагам Советской России, ведущим с нею войну. Для того, чтобы прекратить и эту интервенцию необходимы новые массовые выступления, в виде стачек и т. д. Этих выступлений можно ожидать в самом близком будущем.

Разногласие в Социалистической Партии, проявившееся в вполне определенной, конкретной форме при вмешательстве Соединенных Штатов в мировую войну, достигло своего кульминационного пункта, когда народился третий Интернационал, основанный в марте 1919 г. в Москве. Местные организации партии одна за другой стали принимать резолюции о признании III-го Интернационала и большевистской программы. Это, конечно, шло в разрез с программой партии и означало осуждение II Интернационала, к которому партия официально продолжала принадлежать. Так как партийная оппозиция, получившая название „левого крыла", все росла, то некоторые организации предложили Центральному Исполнительному Комитету созвать партийный с'езд для пересмотра программы и выработки новой тактики. Центральные органы партии обещали созвать этот с'езд в августе (что и было исполнено), но перед с'ездом, без сомнения опасаясь, что группа „левого крыла" овладеет всеми организациями — они исключили из партии Общерусскую Федерацию, венгерскую, итальянскую, латышскую и многие другие секции, так что к первому июня всего было исключено до 30.000 членов партии. Этот самовольный шаг со стороны центральных органов еще теснее сплотил революционные элементы, внес еще больше единства в их политические и индустриальные выступления. Многие из членов I. W. W., раньше с презрением относившиеся к так называемой политической деятельности, поняли теперь, глядя на пример Русской Революции и на выдвинутые ею новые формы революционной деятельности, вызвавшие раскол во II-м Интернационале, что, в конце концов, область политической деятельности вовсе не ограничивается одной подачей голоса в день выборов.

Многим стало ясно, что для достижения победы в борьбе за экономическое освобождение труда, рабочие должны комбинировать революционно-политические выступления с революционно-индустриальными.

После исключения революционного элемента из Социалистической Партии, явилась необходимость организации новой политической партии, которая об'единила бы все боевые революционные силы, и в июне, наконец, народилась Американская Коммунистическая Партия, присоединившаяся к III-му Интернационалу. За протекшее с тех пор время, партия успела уже сделать крупные успехи, как в смысле увеличения числа членов и укрепления организации, так и в деле развития революционной пропаганды.

Когда Америка вступила в войну, она и в промышленном и в политическом отношении готовилась к двухлетней кампании: сооружались новые заводы, усиливалась разработка копей для увеличения добычи угля, руды и т. п.; производительность росла с невероятной быстротой. Был провозглашен лозунг, что Америка должна не только содействовать спасению всего мира от угрозы „германского милитаризма", но в то же время она должна питать и одевать бо́льшую часть света.

Для американских капиталистов открылась возможность получать огромные барыши, и поэтому работу решено было ускорить, а количество изготовляемых изделий довести до такого уровня, чтобы можно было удовлетворить всякий спрос. Конечно, рабочих уверяли, что это необходимо в интересах всего человечества. По всей стране промышленность загудела, как пчелиный рой. Рабочих убеждали не бастовать, так как отечество в опасности, были введены репрессивные законы: социалистические и рабочие газеты были закрыты, убежденных противников войны стали привлекать к суду и приговаривать к многолетнему тюремному заключению, целые сотни лучших и самых беззаветных борцов за рабочее дело были посажены за тюремную решетку только потому, что они осмелились поднять голос против капитализма и порожденной им разрушительной войны. Так, в тюрьме томится В. Д. Гейвуд, главный секретарь I. W. W., приговоренный к 20-ти летнему заключению, и Евгений Дебс, старый борец, член Социалистической партии, осужденный на 10 лет. Америка решительно начала кампанию, имеющую целью „во всем мире обеспечить господство демократии" (слова президента Вильсона). 4.000.000 человек были мобилизованы, — из них 2.000.000 отправлены в Европу; Америка, как часовой, стала на страже „интересов человечества". Затем вспыхнула в России революция; русские революционеры своей пропагандой деморализовали германскую армию (тем вре-

АМЕРИКАНСКИЕ КОММУНИСТЫ

Джон Рид

Джим Ларкин

Макс Истман

Роза Пастор Стокс

менем президент Вильсон опубликовал свои знаменитые „14 пунктов"). Германское Правительство обратилось к союзникам с просьбой о перемирии. Кайзер отрекся от престола, и на горизонте показался мир.

Американские капиталисты так и не выполнили многих военных контрактов; теперь не зачем было спешить с их выполнением, так как неизвестно было, удастся ли сбыть изготовленные товары. Результатом этого было закрытие шахт и заводов и невозможность найти работу для демобилизованных солдат. В Америке сейчас 4.000.000, если не больше, безработных. Вот какова оказалась награда за участие Америки в „спасении мира." Класс капиталистов стал богаче, 100.000 рабочих убиты на войне; 300.000 изувечены, тысячи умерли от болезней, несколько тысяч томятся в тюрьмах, и 4 000.000 лишились работы.

Затем собралась в Париже мирная конференция в лице 5-ти старцев: Вильсона, Ллойд Джоржа, Клемансо, Орландо и Макино, которые, сидя при спущенных занавесах и запертых дверях, подсчитывают расходы и распределяют добычу. В первом из „14 пунктов" Вильсона это называлось „открытым соглашением при открытых дверях".

Польше, Латвии, Литве и Эстляндии предоставили автономию, с условием, что они помогут разрушить Советскую Россию. Английские, французские и американские солдаты были посланы им на помощь для удушения юной Рабочей Республики. Вильсон, в одном из своих высокопарных заявлений, сказал, что „они (вероятно, союзники, насколько я понимаю) не имеют никакого желания вмешиваться во внутренние дела России", но в тот же самый день, когда он произносил эти слова, солдаты американской армии, главнокомандующим которой он является, производили преступное и зверское нападение на солдат Российской Советской Республики. Наконец, и в Америке все громче стали раздаваться протесты против отправки солдат в Россию, которой Соединенные Штаты открыто никогда не об'являли войну. Президент и военный министр дали обещание, что войска будут отозваны, но прошло несколько месяцев, пока обещание это было исполнено.

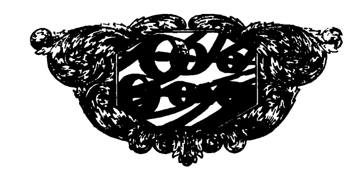
И теперь демобилизованные солдаты в Соединенных Штатах, так же, как и их товарищи,—безработные рабочие,—начинают понимать, из-за чего велась война и что такое капитализм.

По всей стране происходят массовые митинги, на которых выставляется требование полного изменения всего существующего строя. Митинги эти зачастую разгоняются полицией, но рабочие все решительнее добиваются того, чтобы их голос был услышан; втечение года имели место сотни забастовок; начинают возникать советы солдат, матросов и рабочих, все усиливается революционная пропаганда, и можно надеяться, что новой коммунистической партии удастся об'единить всех рабочих, как членов I. W. W, так и революционный элемент в партии A. F. L. и небольшие политические партии, в одну сплоченную группу для совместных действий против общего врага—капитализма и против врагов-предателей в самом рабочем движении.

Что принесет нам ближайшее будущее в Америке, этого сказать с уверенностью никто, конечно, не может, но та активная деятельность, которую проявляет революционная часть рабочего класса, позволяет, мне кажется, надеяться, что недалек тот день, когда американские рабочие свергнут своих притеснителей и установят свою диктатуру.

Россия подала пример всему миру, и теперь ответственность за судьбу Русской Революции лежит не только на русских рабочих, но и на рабочих всех других стран,—потому что только мировая революция даст рабочим всех стран возможность с полной уверенностью смотреть в будущее.

Джон УОЛТЕР.

ДОКУМЕНТЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ПРИВЕТ ИТАЛЬЯНСКИМ, ФРАНЦУЗСКИМ И НЕМЕЦКИМ КОММУНИСТАМ.

Необычайно скудны сведения, получаемые у нас из-за границы. Блокада империалистских зверей действует во всю, насилие могущественнейших держав мира обрушивается на нас ради восстановления власти эксплуататоров. И вся эта звериная злоба капиталистов России и всего мира прикрывается, разумеется, фразеологией о высоком значении „демократии". Лагерь эксплуататоров верен себе: он выдает буржуазную демократию за „демократию" вообще, и все филистеры, все мелкие буржуа подпевают этому лагерю, все вплоть до господ Фридриха Адлера, Карла Каутского и до большинства вождей „независимой" (т.-е. независящей от революционного пролетариата, но зависящей от мелкобуржуазных предразсудков) с.-д. партии Германии.

Но чем реже мы получаем в России вести из-за границы, тем с большей радостью наблюдаем мы гигантские повсеместные успехи коммунизма среди рабочих во всех странах мира, успехи разрыва этих масс с гнилыми и предательскими вождями, перешедшими, от Шейдемана до Каутского, на сторону буржуазии.

Об итальянской партии мы узнали только, что конгресс ее громадным большинством принял присоединение к III-му Интернационалу и программу диктатуры пролетариата. Таким образом, итальянская социалистическая партия присоединилась на деле к коммунизму, хотя и сохранила еще, к сожалению, старое название. Горячий привет итальянским рабочим и их партии.

О Франции мы знаем только, что в одном Париже есть уже две коммунистические газеты: „Интернационал" под редакцией Раймонда Перика и „Запрещенное Название" под редакцией Жоржа Анкетиля. К III-му Интернационалу примкнул уже ряд пролетарских организаций. Сочувствие рабочих масс безусловно на стороне коммунизма и советской власти.

О германских коммунистах мы узнали только то, что в ряде городов существует коммунистическая пресса. Газеты эти часто носят название „Красное Знамя". Берлинское „Красное Знамя" выходит нелегально, ведя геройскую борьбу с палачами Шейдеманами-Носке, лакействующими перед буржуазией своими делами, как лакействуют перед ней „независимые" словами и „идейной" (мелкобуржуазно-идейной) своей пропагандой.

Героическая борьба берлинской газеты коммунистов „Красное Знамя" вызывает полный восторг.

Наконец-то есть честные и искренние социалисты в Германии, оставшиеся твердыми и непреклонными, несмотря на все преследования, несмотря на подлые убийства лучших вождей. Наконец-то есть коммунисты рабочие в Германии, ведущие героическую борьбу, заслуживающую названия „революционной" на деле. Наконец-то из недр пролетариата выросла в Германии такая сила, для которой слова о „пролетарской революции" стали правдой.

Привет немецким коммунистам.

Шейдеманы и Каутские, Реннеры и Фридрихи Адлеры, как ни велико, может быть, различие между этими господами в смысле их личной честности, одинаково оказались мелкими буржуа, позорнейшими изменниками и предателями социализма, сторонниками буржуазии, ибо все они в 1912 году писали и подписывали Базельский манифест об имеющей наступить империалистской войне, все они говорили тогда о „пролетарской революции", и все они оказались на деле мелкобуржуазными демократами, рыцарями мещански-республиканских, буржуазно демократических иллюзий, пособниками контр-революционной буржуазии.

Бешеные преследования, которые обрушились на головы немецких коммунистов, закалили их. Если теперь они до известной степени разрознены, то это свидетельствует о широте и массовом характере их движения, о силе роста коммунизма из глубины рабочих масс. Разрозненность неизбежна для движения, которое так бешено преследуют контр-революционные буржуа и их слуги, Шейдеман-Носке, и которое вынуждено организоваться нелегально.

Естественно также, что движение, столь быстро растущее, терпящее такие отчаянные преследования, порождает довольно острые разногласия. В этом нет ничего страшного. Это болезнь роста.

Пусть Шейдеманы и Каутские злорадствуют в своих газетах „Форвертс" и „Фрейхейт" по поводу разногласий среди коммунистов. Этим героям

гнилого мещанства ничего больше не осталось, как прикрывать свою гнилость кивками по адресу коммунистов. Но если говорить о существе дела, то только слепые могут теперь еще не видеть правды. И правда эта состоит в том, что шейдемановцы и каутскианцы позорнейшим образом предали пролетарскую революцию в Германии, изменили ей, оказались фактически на стороне контр-революционной буржуазии. Гейнрих Лауфенберг в своей превосходной брошюре „Между первой и второй революцией" с замечательной силой, наглядностью, ясностью, убедительностью показал и доказал это. Разногласия внутри шейдемановцев и каутскианцев суть разногласия разлагающихся, умирающих партий, у которых остаются вожди без массы, генералы без армии. Масса покидает шейдемановцев и переходит к каутскианцам ради их левого крыла (это видно по любому отчету о массовом собрании), а это левое крыло соединяет безидейные трусливо-старые предразсудки мелкой буржуазии насчет парламентской демократии с коммунистическим признанием пролетарской революции, диктатуры пролетариата, советской власти.

Гнилые вожди „независимых" на словах признают все это, под давлением масс, а на деле остаются мелкобуржуазными демократами, „социалистами" типа Луи Блана и других дурачков 1848-го года, столь бесспощадно осмеянных и заклейменных Марксом.

Все эти разногласия действительно непримиримы. Между мещанами, которые, как и мещане 1848 года, молятся на буржуазную „демократию", не понимая ее буржуазного характера, и пролетарскими революционерами мира быть не может. Работать вместе они не могут. Гаазе и Каутский, Фридрих Адлер и Отто Бауер могут сколько угодно вертеться и исписывать горы бумаги, говорить бесконечные речи—им не отговориться от того факта, что они на деле обнаруживают полное непонимание диктатуры пролетариата и советской власти, что они на деле мещанские демократы, „социалисты" вроде Луи Блана и Ледрю Роллена, что они на деле в лучшем случае—игрушки в руках буржуазии, в худшем — даже прямые прислужники ее.

„Независимцы", каутскианцы, австрийские социал-демократы кажутся единой партией; на деле масса их членов партии не солидарна с вождями в основном, в самом главном, в наиболее существенном. Масса пойдет на пролетарскую революционную борьбу за советскую власть, как только наступит момент нового кризиса, а „вожди" останутся тогда, как и теперь, контр-революционерами. Сидеть между двух стульев не трудно на словах, и Гильфердинг в Германии, Фридрих Адлер в Австрии показывают высокие образчики этого благородного искусства.

Но в огне революционной борьбы люди, занятые примирением непримиримого, окажутся мыльными пузырями. Это показали все „социалистические" герои 1848-го года, это показали их родные братья—меньшевики и социалисты-революционеры в России 1917—1919 годов, это показывают все рыцари бернского или желтого II го Интернационала.

Разногласия среди коммунистов иного рода. Разницы коренной может не видеть только тот, кто не хочет видеть. Это -- разногласия среди представителей невероятно быстро выросшего массового движения. Это — разногласия на одной общей, прочной, как камень, основной базе: — на базе признания пролетарской революции, борьбы с буржуазно-демократическими иллюзиями и буржуазно-демократическим парламентаризмом, признания диктатуры пролетариата и советской власти.

На такой базе разногласия не страшны: это болезнь роста, а не старческая дряхлость. Разногласия такого рода переживал не раз и большевизм, переживал он и небольшие расколы из-за подобных разногласий, но в решительный момент, в момент завоевания власти и создания советской республики, большевизм оказался единым, он привлек к себе все лучшее из близких ему течений социалистической мысли, он об'единил вокруг себя весь авангард пролетариата и гигантское большинство трудящихся.

Так будет и с германскими коммунистами.

Шейдемановцы и каутскианцы ведут все еще разговоры о „демократии" вообще, они все еще живут в идеях 1848-го года, они — марксисты на словах, Луи Бланы на деле. Они толкуют о „большинстве", думая, что равенство избирательных бюллетеней означает равенство эксплуатируемого с эксплуататором, рабочего с капиталистом, бедняка с богачом, голодного с сытым.

У шейдемановцев и каутскианцев выходит так, будто — добренькие, честные, благородные, миролюбивые капиталисты никогда не применяли силы богатства, силы денег, власти капитала, гнета бюрократии, военной диктатуры, а решали дела истинно „по большинству".

Шейдемановцы и каутскианцы (частью по лицемерию, частью по крайней тупости, воспитанной десятилетиями реформистской работы) подкрашивают буржуазную демократию, буржуазный парламентаризм, буржуазную республику, изображая дело так, будто капиталисты решают государственные дела волей большинства, а не волей капитала, не средствами обмана, гнета, насилия богачей над бедняками.

Шейдемановцы и каутскианцы готовы „признать" пролетарскую революцию, но только так, чтобы сначала, при сохранении силы, власти, гнета, привилегий капитала и богатства, получилось голосование большинства (при буржуазном аппарате государственной власти, производящей выборы) „за революцию". Трудно представить всю бездну мещанского тупоумия, которое обнаруживается таким воззрением, — всю бездну мещанской доверчивости к капиталистам, к буржуазии, к генералам, к буржуазному аппарату государственной власти

На деле именно буржуазия всегда лицемерила, называя „демократией" формальное равенство, на деле же насилуя бедноту, трудящихся, мелких крестьян и рабочих бесконечным числом приемов обмана, гнета и т. д. Империалистская война (которую постыдно подкрашивали Шейдеманы и Каутские) вскрыла это для миллионов людей. Диктатура пролетариата есть единственное средство защиты трудящихся от гнета капитала, от насилия военной диктатуры буржуазии, от империалистских войн, диктатура пролетариата есть единственный шаг к равенству и демократии на деле, не на бумаге, а в жизни, не в политической фразе, а в экономической действительности.

Не поняв этого, Шейдеманы и Каутские оказались презренными изменниками социализма и защитниками идей буржуазии.

* * *

Каутскианская или „независимая" партия гибнет и неминуемо вскоре погибнет и разложится от разногласий между революционными в массе ее членами и контр-революционными „вождями".

Коммунистическая партия окрепнет и закалится, переживая как раз такие (по существу дела) разногласия, которые переживал и большевизм.

Разногласия среди германских коммунистов сводятся, насколько я могу судить, только к вопросу об „использовании легальных возможностей", (как говорили в 1910-1913 годах большевики), об использовании буржуазного парламента, реакционных профессиональных союзов, „закона о советах", изуродованных шейдемановцами и каутскианцами, об участии в подобных учреждениях, или о бойкоте их. Мы, русские большевики, пережили как раз такого рода разногласия в 1906 и в 1910—1912 годах. И мы ясно видим, что у многих молодых германских коммунистов сказывается просто недостаток революционного опыта. Если бы они пережили парочку буржуазных революций (1905-й и 1917-й г.г.), они бы не проповедывали так безусловно бойкота не впадали бы временами в ошибки синдикализма.

Это болезнь роста. Она пройдет с ростом движения, которое растет превосходно. И с этими очевидными ошибками надо бороться открыто, стараясь не преувеличивать разногласия, ибо всем должно быть ясно, что в недалеком будущем борьба за диктатуру пролетариата, за советскую власть устранит большую часть этих разногласий.

И с точки зрения марксистских теорий и с точки зрения опыта трех революций (1905, 1917,— февраль, 1917—октябрь) я считаю безусловно ошибочным отказ от участия в буржуазном парламенте, в реакционном (Легиновском, Гомперсовском и т. п.) проф. союзе, в реакционнейшем рабочем „совете", изуродованном шейдемановцами и т. п.

Иногда, в отдельном случае, в отдельной стране бойкот правилен, как был, например, правилен бойкот большевиками царской думы в 1904 году. Но те же большевики участвовали в гораздо более реакционной и прямо контр-революционной думе 1907 года. Большевики участвовали в выборах в буржуазное Учредительное Собрание в 1917 году, а в 1918 году мы его разогнали, к ужасу мещанских демократов, Каутских и прочихъ ренегатов социализма. Мы участвовали в реакционнейших проф. союзах, чисто меньшевистских, ничем (по контр-революционности) не уступающих Легиновским, подлейшим и реакционнейшим проф. союзам Германии. Мы даже теперь, два года спустя после завоевания государственной власти, не кончили еще борьбы с остатками меньшевистских (т. е. шейдемановских, каутскианских, гомперсовских и прочее) проф. союзов; настолько это длительный процесс. Настолько велико в отдельных местностях или в отдельных профессиях влияние мелко-буржуазных идей.

Мы были раньше меньшинством в Советах, меньшинством в проф. союзах, в кооперативах. Долгим трудом, долгой борьбой и до завоевания политической власти и после ее завоевания — мы приобрели большинство во всех рабочих организациях, потом и в не-рабочих, потом и в мелкокрестьянских.

Только негодяи или дурачки могут думать, что пролетариат сначала должен завоевать большинство при голосованиях, производимых под гнетом буржуазии, под гнетом наемного рабства, а потом должен завоевывать власть. Это — верх тупоумия или лицемерия, это — замена классовой борьбы и революции голосованиями при старом строе, при старой власти.

Пролетариат ведет свою классовую борьбу, не дожидаясь голосования до начала стачки, — хотя для полного успеха стачки нужно сочувствие большинства трудящихся (а следовательно, и большинства населения). Пролетариат ведет свою классовую борьбу, свергая буржуазию, не дожидаясь при этом никакого предварительного (и буржуазией производимого, под ее гнетом идущего) голосования, причем пролетариат прекрасно знает, что для успеха его революции, для успешного свержения буржуазии безусловно необходимо сочувствие большинства трудящихся (а следовательно и большинства населения).

Парламентские кретины и современные Луи Бланы „требуют" обязательно голосования и обязательно проводимого буржуазией голосования для определения этого сочувствия большинства трудящихся. Но это взгляд педантов, мертвецов или ловких обманщиков

Новая жизнь, история действительных революций показывает, что „сочувствие большинства" очень часто не может быть доказано никакими голосованиями (не говоря уже о голосованиях, производимых эксплуататорами при „равенстве" эксплуататора с эксплуатируемым). Очень часто сочувствие большинства трудящихся доказывается вообще не голосованиями, а ростом одной из партий, или ростом числа ее членов в Советах, или успехом отдельной, но почему либо приобревшей громадное значение, стачки, или успехом в гражданской войне, и. т. д. и. т. д.

История нашей революции показала, например, что сочувствие диктатуре пролетариата со стороны большинства трудящихся на необ'ятных пространствах Урала и Сибири было обнаружено не голосованиями, а опытом годичной власти царскаго генерала Колчака над Уралом и Сибирью. Притом власть Колчака также началась властью „коалиции" шейдеманцев и каутскианцев (по русски: „меньшевиков" и „социалистов-революционеров", сторонников Учредительного Собрания), как в Германии теперь г.г. Гаазе и Шейдеманы своей „коалицией" прокладывают дорогу власти фон-Гольца или Людендорфа и прикрывают, прикрашивают эту власть. В скобках замечу: коалиция Гаазе и Шейдемана в правительстве кончилась, но политическая коалиция этих предателей социализма осталась. Доказательство: книги Каутского, статьи Штампфера в „Форвертсе", статьи каутскианцев и шейдемановцев об их „об'единении" и т. д.

Пролетарская революция невозможна без сочувствия и поддержки огромного большинства трудящихся по отношению к своему авангарду: — к пролетариату. Но это сочувствие, эта поддержка не дается сразу, не решается голосованиями, а

завоевывается долгой, трудной, тяжелой классовой борьбой. Классовая борьба пролетариата за сочувствие, за поддержку большинства трудящихся не оканчиваается завоеванием политической власти пролетариатом. После завоевания власти эта борьба продолжается, только в иных формах. В русской революции обстоятельства сложились для пролетариата (в его борьбе за его диктатуру) исключительно благоприятно, ибо пролетарская революция произошла, когда весь народ был вооружен, и когда все крестьянство хотело свержения власти помещиков, все крестьянство возмущено было „каутскианской" политикой социал-предателей, меньшевиков и социалистов-революционеров.

Но даже в России, где в момент пролетарской революции дела сложились исключительно благоприятно, где сразу получилось выдающееся единение всего пролетариата, всей армии, всего крестьянства, даже в России борьба пролетариата, осуществляющего свою диктатуру, борьба пролетариата за сочувствие, за поддержку большинства трудящихся, заняла месяцы и годы. За два года эта борьба почти закончена, но не совсем еще кончена в пользу пролетариата Мы только в два года окончательно завоевали сочувствие и поддержку подавляющего большинства рабочих и трудящихся крестьян Великороссии, включая Урал и Сибирь, но не закончили еще завоевание сочувствия и поддержки большинства трудящихся крестьян (в отличие от крестьян эксплуататоров) Украины. Нас может задавить (и все же не задавит) военная мощь Антанты, но внутри России за нами теперь такое прочное сочувствие такого огромного большинства трудящихся, что мир не видал еще государства более демократического.

Если вдуматься в эту сложную, трудную, долгую, богатую чрезвычайным различием форм,—необыкновенным обилием резких изменений, переломов, переходов от одной формы борьбы к другой, историю борьбы пролетариата за власть, то ясной станет ошибка тех, кто хочет „запретить" участие в буржуазном парламенте, в реакционных профессиональных союзах, в царских или шейдемановских комитетах рабочих старост, или в заводских советах и т. д., и т. п. Эта ошибка вызвана революционной неопытностью искреннейших, убежденнейших героических революционеров из рабочего класса. Поэтому Карл Либкнехт и Роза Люксембург были тысячу раз правы, когда они в январе 1919 года видели эту ошибку, указывали на нее, но предпочитали остаться вместе с ошибающимися по не очень важному вопросу пролетарскими революционерами, чем с предателями социализма, шейдемановцами и каутскианцами, которые не ошиблись по вопросу об участии в буржуазном парламенте, но перестали быть социалистами, сделались мещанскими демократами, пособниками буржуазии.

Но все же ошибка остается ошибкою, ее надо критиковать, за ее исправление надо бороться.

Борьба с предателями социализма, шейдемановцами и каутскианцами, должна быть беспощадна, но она должна итти не по линии за участие или против участия в буржуазных парламентах, в реакционных профессиональных союзах и т. д. Это было бы безусловной ошибкой, и еще большей ошибкой было бы отступление от идей марксизма и от его практической линии (крепкая, централизованная политическая партия) к идеям и практике синдикализма. Надо стремиться к тому, чтобы партия участвовала и в буржуазном парламенте, и в реакционных профессиональных союзах, и в „заводских комитетах", шейдемановски урезанных и кастрированных, участвовала везде, где есть рабочие, где можно говорить с рабочими, влиять на рабочую массу. Надо во что бы то ни стало соединять нелегальную работу с легальной, систематически и неуклонно осуществляя строжайший контроль нелегальной партии, ее рабочих организаций, над легальной деятельностью. Это не легко, но „легких задач", легких средств борьбы у пролетариата вообще нет и быть не может.

Эту нелегкую задачу надо во что бы то ни стало решить. Наше отличие от шейдемановцев и каутскианцев не только в том (и не главным образом в том), что они не признают вооруженного восстания, а мы признаем. Главное, коренное отличие то, что они на всех поприщах работы (и в буржуазных парламентах, и в профессиональных союзах, и в кооперативах, и в журналистике и т д.)—ведут непоследовательную, оппортунистическую, или даже изменническую и предательскую политику.

Против социал-предателей, против реформизма и оппортунизма,—эту политическую линию можно и должно вести на всех без из'ятия поприщах борьбы. И тогда мы завоюем рабочую массу. А с рабочей массой авангард пролетариата, марксистская централизованная политическая партия верным путем доведет народ к победоносной диктатуре пролетариата, к пролетарской демократии на место буржуазной, к советской республике, к социалистическому строю

III Интернационал одержал ряд блестящих, невиданных побед в несколько месяцев. Быстрота его роста удивительна. Частые ошибки и болезни роста не страшны. Прямо и открыто критикуя их, мы добьемся того, что марксистски воспитанная рабочая масса всех культурных стран скоро прогонит от себя предавших социализм шейдемановцев и каутскианцев всех наций (а эти типы есть во всех нациях).

Победа коммунизма неизбежна. Победа будет за нами.

Н. ЛЕНИН.

Октябрь 1919 г

РЕЗОЛЮЦИЯ БОЛОНСКОГО С'ЕЗДА ИТАЛЬЯНСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Собравшийся в Болонье с'езд Социалистической Партии Италии признает, что программа, принятая на с'езде в Генуе, нуждается в пересмотре, ввиду происшедших со времени этого с'езда событий и международного положения, созданного мировым кризисом, наступившим после мировой войны.

С'езд заявляет, что русская **революция** — это самое радостное событие во всей истории пролетариата — требует безусловного содействия ее распространению во всех цивилизованных капиталистических странах; принимая во внимание, что до сих пор господствующий класс нигде и никогда не отказывался от своей власти, не будучи вынужден к тому силою, и что класс эксплуататоров прибегает к насилию для защиты своих привиллегий и для подавления попыток угнетенного класса к освобождению, с'езд выражает убеждение, что **пролетариат должен прибегнуть к насилию**, чтобы оказать сопротивление насилию буржуазии,—захватить власть и закрепить завоевания революции.

С'езд подчеркивает необходимость обратить особенное внимание на **духовную и техническую подготовку революции** Принимая во внимание настоящее политическое положение и предстоящую выборную кампанию, с'езд постановляет положить в основу предвыборной агитации **самое энергичное выдвигание вперед принципов коммунизма и расшатывание органов буржуазной власти.** В соответствии с изложенными соображениями партийный с'езд постановляет **изменить программу партии**, придав ей следующую формулировку:

Принимая во внимание, что при существующем общественном строе все человечество разделяется на два класса: на класс эксплуатируемых рабочих и на класс капиталистов, которые держат в своих руках все общественное богатство и монополизируют его;

что наемные рабочие обоего пола во всех профессиях и на всех поприщах, вследствие своей экономической зависимости, образуют пролетариат, который пребывает в состоянии нужды, бесправия и угнетения;

что существующие социально-экономические условия, поддерживаемые независтною для всех трудящихся политической системою, отражают в себе господство **монопольных обладателей** всех общественных и природных богатств над рабочим классом;

что рабочие могут добиться своего освобождения лишь путем **социализации средств производства** (рудников, заводов, перевозочных средств и пр.) и путем **перехода управления производством в руки общества;**

принимая во внимание, что капиталистическое общество и выросший из него империализм вызвали кровопролитные войны и в будущем будут вызывать их во все бóльшем масштабе;

что исключительно только социализм может дать человечеству гражданский и экономический мир;

что обнаруживающееся во всех культурных государствах разорение знаменует собою явное **банкротство**, угрожающее и победителям и побежденным;

что совершенно ясно обнаружившаяся **неспособность буржуазного класса** излечить вызванный им недуг указывает на начало революционной эры радикального преобразования общества, эры ведущей к низвержению господства капиталистов и к **завоеванию политической и экономической власти пролетариатом;**

что орудия буржуазного господства, угнетения и эксплуатации (государство, органы самоуправления и общественные учреждения) **никоим образом не могут быть преобразованы в органы, служащие делу освобождения пролетариата;**

что этим учреждениям **должны быть** противопоставлены новые пролетарские учреждения (советы рабочих депутатов, советы сельских рабочих, экономические советы и т. д.), которые сначала будут действовать при буржуазном строе, как органы насильственной освободительной борьбы с тем, чтобы потом стать **носителями** социально-экономического преобразования и основою нового **коммунистического порядка;**

что **насильственное завоевание политической власти** рабочими должно означать переход этой власти от буржуазии к пролетариату и начало переходного периода диктатуры пролетариата;

что при этой диктатуре должен быть ускорен исторический период социального преобразования при посредстве коммунизма и что вслед за тем вместе с исчезновением классов исчезнет и всякое классовое господство и тогда свободное развитие каждого отдельного человека станет условием свободного развития всех, **с'езд постановляет:**

1. перестроить организацию Социалистической Партии Италии в соответствии с вышеизложенными основными принципами;

2. **примкнуть к третьему Интернационалу, органу мирового пролетариата, являющемуся выразителем и поборником этих основных принципов;**

3. по отношению к профессиональным союзам, стоящим на почве классовой борьбы, напрягать все усилия к тому, чтобы они направляли всю свою деятельность к достижению полной победы вышеизложенных основных принципов.

ОСНОВАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В АМЕРИКЕ.

Речи, произнесенные т.т. Райтом и Зиновьевым на заседании Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов 24-го сентября 1919 г.

Речь тов. Райта.

Приветствую вас, товарищи, от имени недавно народившейся в Америке коммунистической большевистской партии. Два года тому назад вы начали здесь борьбу, которая потрясла весь буржуазный мир. Я прекрасно знаю те трудности, которые рабочим и крестьянам России приходится преодолевать, те лишения, которые вам приходится переносить, но, хотя я недолго пробыл в России, я имел достаточно случаев наблюдать то вдохновение, ту настойчивость, ту решимость бороться до конца, которыми проникнуты борющиеся трудовые массы России и, вернувшись на свою родину, я с полной уверенностью могу сказать нашим заокеанским товарищам, что, как бы трудна борьба здесь для вас ни была, все-таки мировая буржуазия не победит, не сломит русский пролетариат и крестьянство, что в конце концов восторжествует ваше движение. Я прекрасно знаю, что вы окружены со всех сторон врагами: и внутренней, доморощенной буржуазией и поддержкой, которую ей оказывает буржуазия других империалистических стран, включая и нашу хищную буржуазию Америки; но несмотря на все это, эта поддержка не будет продолжаться долго, ибо и в других странах рабочие массы пропитываются все больше и больше тем же самым революционным духом, коммунистическими идеями. Их давление заставляет правительства все более и более ослаблять поддержку, которую они оказывают контр-революционерам здесь в России, оно принудит их оставить вас в покое, дать вам возможность строить наш новый, социалистический мир, показать пролетариату и крестьянам всех стран тот путь, по которому мы в тесном единении друг с другом сможем итти к свободе и к царству труда.

Американские товарищи следят с напряженным интересом, с любовью и восторгом за борьбой, которая здесь происходит. Но они чувствуют, что недостаточно проявлять сочувствие и восторг, что необходимо, чтобы и мы там в Америке боролись за то, чтобы поскорее поднять знамя социальной революции, знамя коммунистического Интернационала. И у нас уже создаются организации, которые определенно становятся под это знамя. Одна из главных организаций, наиболее боевых, наиболее революционных — это союз Индустриальных Рабочих Мира. Эта организация с самого начала войны резко боролась против милитаризма, против поведения американского правительства в этой войне. И правительство, поэтому, раньше всего стало преследовать именно эту организацию. В начале 1917 года американское правительство вступило в войну, и различные революционные элементы социалистического движения и Индустриальные Рабочие Мира начали энергично бороться против милитаризма. Вильсоновское правительство, это правительство якобы свободной демократической Америки, сначала ограничивалось единичными актами насилия, но в конце концов решило совершенно разгромить эту организацию. И вот 5 июня 1918 г. правительство обрушилось на различные секции Индустриальных Рабочих Мира в один и тот же день, арестовало 96 вождей, отдало их под суд и, несмотря на то, что не имело против них никаких доказательств, никаких улик, они все были осуждены на долгие сроки заключения в крепости, на 5—10 лет, а наиболее видные вожди и на 20 лет. Не мало социалистов стало жертвой ненависти и мести американского буржуазного правительства. В настоящее время до 3.000 революционных пролетариев-социалистов, вождей и рядовых работников социалистического и революционного профессионального движения томятся в крепостях и в тюрьмах, в когтях у американского капитала. Несмотря на этот удар, нанесенный с целью разгрома организации Индустриальных Рабочих Мира, более молодые элементы, как только вожди были арестованы, немедленно же заняли их места. И организация не только не оказалась разгромленной, но в настоящее время она разрослась и окрепла; раньше эта сравнительно молодая организация насчитывала 75.000 членов, теперь число это возросло до 125.000, несмотря на все преследования. Социалистическая Рабочая Партия неуклонно продолжала держаться непримиримой опозиции по отношению к оппортунизму, соглашательству и социал-патриотизму. В Социалистической Партии происходил за последние годы сильный сдвиг влево. В особенности, громадный толчок в этом направлении был дан организацией в Москве в марте месяце 1919 г. III-го Интернационала. Когда знамя III го Интернационала было поднято, движение в Америке пошло под влиянием этого события еще быстрее вперед. Там выделились революционные элементы, которые некоторое время не откалывались от партии, но организовали левое крыло Социалистической Партии. Они требовали от Ц. К. партии (а Ц. К. был в руках соглашательских элементов, возглавляемых Бергером, Хилквитом и другими оппортунистами), чтобы он созвал с'езд Социалистической Партии, на котором партия заняла бы определенную позицию по вопросу о советской власти, о диктатуре пролетариата, о III Интернационале. Ц. К. не соглашался на это и все оттягивал созыв с'езда. В конце концов различные организации партии, местные группы и национальные секции — латышская, литовская, венгерская, итальянская и др., весьма многочисленные, — так как американский пролетариат, это смесь пролетариев различных национальностей — стали принимать резолюции в пользу Советской власти и III-го Коммунистического Интернационала. Тогда Ц. К. начал гильотинировать их, т. е. исключать из партии. Это заставило левое крыло Социалистической Партии собраться 20 июня этого года в Нью-Иорке и положить основание новой партии под названием Коммунистической Партии Америки, признающей советскую власть, диктатуру проле-

тариата и III-ий Интернационал; в партию эту вошли многие из наиболее энергичных элементов.

Среди неописуемых трудностей революционный пролетариат России ведет свою героическую борьбу, и не может быть сомнения в том, что, несмотря ни на что, мы победим, наше знамя в конце концов восторжествует не только в России, но и на всем земном шаре. Поддержка, которую оказывает буржуазия Америки и других стран Антанты Колчакам и Деникиным, все равно не поможет им. В Америке, Англии, Италии и Франции, как и в других странах, пролетариат быстро подвигается влево, через головы соглашательских вождей направляясь к тем позициям, которые уже занял героический передовой русский пролетариат. Революционные рабочие принуждают, таким образом, своих соглашательских вождей к более решительным шагам, к определенным выступлениям в защиту русской революции. Этот сдвиг пролетарских масс влево уже дошел до того, что даже такой заматерелый предатель рабочего дела, как Гомперс, анти-социалистический вождь Американской Федерации Труда, до сих пор шедший все время рука об руку с Вильсоном, выступает теперь против интервенции, против вмешательства Америки в русские дела. Я лично уверен в том, что под давлением широких масс Франции, Англии и Америки, которые все более проникаются духом III-го Интернационала, буржуазные правительства этих стран вынуждены будут оставить вас в покое, дать вам возможность здесь в России построить новый мир, построить царство труда. Я знаю, что вам приходится терпеть лишения, что у вас нет продовольствия, нет лекарств. Ознакомившись с вашим положением, с условиями и характером вашей борьбы, с поведением ваших пролетариев и крестьян, я пришел к тому убеждению, что ни один народ в мире, поставленный в такое положение, в каком находится вот уже почти два года русский городской и сельский пролетариат, не мог бы проявить такой настойчивости, такой самоотверженности и решимости победить во что бы то ни стало, как русский пролетариат. Этот пример не может не повлиять на другие народы, он безусловно усилит боевой дух и настойчивость пролетариата других стран.

Незадолго до моего от'езда из Америки я присутствовал в Вашингтоне на заседании парламента и обратил внимание на лица членов парламента. Среди них не было ни одного представителя рабочих. Всюду я видел сытые лица буржуев разных адвокатов, капиталистических политиков, наемных агентов буржуазии и крупных капиталистов Никогда не забуду и этой картины, которую вижу сегодня перед собой, когда меня окружают только лица рабочих и работниц Петрограда, представителей питерского пролетариата, и среди них не видно ни одного буржуазного лица. Мне ясно теперь, что вы в России не только обходитесь без царского правительства и без правительства эксплуататоров помещиков и капиталистов, но, мало того, — вы великолепно чувствуете себя без них, и я уверен, что вы стали на правильный путь, идя по которому русский революционный пролетариат и крестьянство, об'единившись с поспевающими к ним на помощь братьями из других стран, сбросят в близком будущем мировую буржуазию в вырытую ею самою историческую могилу

Но залог вашей победы заключается именно в том, что вы не возлагаете своих надежд на представителей каких-нибудь других классов; вы поняли всю сущность того принципа, что освобождение рабочего класса может и должно быть делом только самого рабочего класса, и до тех пор пока вы будете решительно придерживаться этого принципа, пока вы будете полагаться на силы своего класса и руководиться исключительно его интересами, никакие Колчаки,Деникины, Вильсоны, Клемансо и Ллойд Джорджи вас не победят. Идея классовой борьбы проникает все глубже, в самые низы трудовых масс в России. Не теряйте же надежды, товарищи! Как бы трудно ни было ваше положение, верьте в то — и это не пустые слова — что пролетарии всех стран, в том числе и рабочие Америки, вдохновляются вашим примером и идут по вашему пути. Правда, подкрепления подходят не так быстро, как это было бы желательно, но во всяком случае, движение развивается с чрезвычайной быстротой, и недалеко то время. когда русский пролетариат, борющийся за советское знамя, за коммунистический Интернационал, не только за свое собственное освобождение, но и за освобождение пролетариата всех стран от ига капитала, будет не одинок в этой борьбе, когда к нему на помощь, с оружием в руках, поспешат пролетарии Западной Европы и Америки. Близок день, когда мы все пойдем на штурм мировой буржуазии—и наше знамя, советское знамя III Интернационала победит окончательно и навсегда.

Речь тов. Зиновьева.

Товарищи, я должен сказать несколько слов прибывшему американскому товарищу, а через него всем американским нашим друзьям — не только в качестве председателя Петроградского Совета, но и в качестве председателя Исполнительного Комитета III Интернационала. Я прошу товарища передать от Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, что нарождение—пусть пока молодой, слабой—коммунистической партии в Америке весь III Интернационал расценивает, как величайшее событие мировой истории

Если когда-то известный немецкий демократ Якоби сказал, что нарождение маленького профессионального рабочего союза имеет большее культурно-историческое значение, чем великая битва при Садовой, то теперь с гораздо большим еще правом мы можем сказать, что нарождение хотя бы маленькой коммунистической организации в любой капиталистической стране имеет несравненно большее значение, чем все парадные спектакли и все комедии пресловутой, насквозь лживой Лиги Наций, которая уже втечение всего нескольких месяцев предстала пред всем миром, как Лига простых разбойников. А Америка, товарищи, не маленькая страна И коммунистическая партия в Америке уже сейчас не маленькая величина

Нарождение коммунистической партии в этой стране самого передового капитализма, - в стране, которая так разбогатела на войне, что не знает, куда девать свое золото, накопленное за время войны,—создание в Америке сорокатысячной коммунистической партии, растущей на наших глазах, есть предвестник того, что мировая пролетарская

революция охватывает не только нашу старую Европу, но что она уже сейчас перекидывается через океан и охватывает богатейшую страну капитализма. - Америку.

Мировая революция может быть прочна лишь тогда, когда она победит не только на европейском материке, но когда она захватит также и Америку. Нарождение американской коммунистической партии, ее рост это —первая ласточка, предвещающая нашу всемирную коммунистическую весну.

Разверните теперь любую европейскую газету. Какая там злоба дня? Злоба дня повсюду—III-й Коммунистический Интернационал. Я говорю это с величайшей гордостью, но нисколько не преувеличиваю факта. Любая передовица в буржуазной европейской газете говорит теперь о Коммунистическом Интернационале. Хроника газет пестрит тем же. Когда происходит голосование в маленькой захолустной Швейцарии о том, будет ли швейцарская партия принадлежать к III-му или II-му Интернационалу,—об этом летят радио по всему миру. Что такое Швейцария? Это—маленькая, мелкобуржуазная, демократическая республика. Но и там есть рабочий класс, который стоит за III-й Интернационал. Рабочие постановили там устроить голосование во всех организациях--в деревне и в городе—и теперь происходит подсчет голосов за II-ой или за III-ий Интернационал. И летят радио по всему миру. Все буржуазные газеты Европы и Америки, можно сказать, с замиранием сердца следят за тем, что скажут рабочие Швейцарии.

Товарищи, почему это так? Потому, что III-й Интернационал за $^1/_2$ года существования уже стал величайшей державой, гораздо более сильной, чем пресловутые сгнивающие на корню капиталистические державы, все вместе взятые. В III-й Интернационал вошли больше 25 партий, почти все крупные партии Европы. Опыт цифрового подсчета, который был сделан нами на днях, показал, что к Коммунистическому Интернационалу уже сейчас принадлежит больше миллиона организованных членов Прибавьте членов их семей, профессиональные союзы, которые стоят на той же платформе, и вы получите уже сейчас миллионы людей...

Больше того,. партии, которые до сих пор были враждебны нам, но которые сохранили в своих рядах людей, имеющих хоть искорку честности, как партия независимых в Германии, тоже поговаривают о присоединении к III Интернационалу. Партия независимых, к сожалению, еще терпит в своих рядах такого ренегата, как Каутский, но в ее рядах есть и люди, желающие бороться против буржуазии. Этих людей мы ведем в III-й Интернационал.

Да и может ли это быть иначе? Кто противник нам?—II-ой Интернационал, в котором нашли себе приют и почет убийцы Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Товарищи! Ясно, что все, что есть честного в рабочем классе, почтет за унижение, за позор принадлежать к тому Интернационалу, к которому принадлежат убийцы Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Вот почему вопрос о полном распаде этого гниющего жалкого II-го Интернационала есть вопрос короткого времени. В наш Интернационал входит все, что есть честного в мировом рабочем движении. Европейские рабочие,—поскольку они сохранили свои организации, поскольку их не перебили втечение 4-х лет империалистической войны, уже сейчас находятся в рамках 3-го Интернационала.

Мы ждали прихода американского рабочего. И он пришел. Когда теперь, под этим страшным гнетом, при осадном положении, не взирая на преследования, не взирая на то, что в Америке осуждают не меньше, чем на 10 лет каторги за принадлежность к коммунистической партии, — когда теперь, не взирая на все это, там создалась коммунистическая партия, присылающая к нам своего представителя, то это значит: — наше дело обеспечено, победа нам обеспечена в Америке.

Вы слышали речь тов. Райта по-английски. Многого вы не поняли в ней, из за незнания английского языка. Но два слова вы должны были понять. Эти слова: „большевик" и „Советы". Эти два слова теперь повторяются на всех языках, какие существуют в мире, и при звуках этих слов учащенно бьются сердца рабочих всего мира. Вот почему мы можем смело ожидать развивающейся там революции.

Еще одно слово было знакомо вам из речи товарища. Он употребил слово „Колчак". Это слово известно в Америке. Господа Вильсоны, Тафты, Рузвельты на все голоса кричат: „да здравствует Колчак!" Но в ответ им несется другой, поистине могучий клич: да здравствуют Советы, да здравствует большевизм! Товарищи, может ли быть сомнение хоть на одну минуту, кто кого заглушит? Конечно, не кучка банкиров своими криками „да здравствует Колчак" заглушит тот клич, который несется теперь со всех сторон, и который рожден 4-летней бойней.

Я посылаю от вашего имени и от имени Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала наш братский привет прежде всего тем 3000 наших товарищей, которые томятся в тюрьмах американской буржуазной республики. Мы говорим им: и у нас накануне революции тюрьмы были полны. Мы говорим им, что пример Америки учит рабочих всего мира.

Во всем мире нет более демократической республики, чем Америка. Нам в России подсовывают Учредилку. Но эта „Учредилка", ведь, есть в Америке. Все, что только мог придумать гений буржуазного общества по части буржуазных свобод, все это есть в Америке. Там есть и демократический парламент и все „свободы". Но эти свободы на деле означают голод для рабочих, разгул для шайки американских колчаковцев. Эти свободы не мешают тому, что в тюрьмах „свободной" республики сидят тысячи и тысячи рабочих. А у нас в советской России в тюрьмах сидят и будут сидеть только те, кто смеет посягать на свободу рабочего класса, на советскую власть, на коммунистическую революцию.

Пусть же растет коммунистическая партия в Америке, пусть растут силы III Интернационала! Да здравствует Американская Коммунистическая Партия, да здравствует наш великий Коммунистический Интернационал!

ИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

К ПРОЛЕТАРИЯМ ВСЕХ СТРАН.

Рабочие... Пролетарии...

На днях российский пролетариат будет праздновать двухлетнюю годовщину своей великой победы. Вот уже два года, как русские товарищи защищают наше общее дело с невиданным героизмом и мужеством. Вот уже два года Советская Республика Россия гудит набатным колоколом на весь мир, сзывая под красные знамена рабочих остальных стран.

Два года, окруженная со всех сторон врагами, блокируемая и союзниками, и немецкими предателями социализма, отбивается Советская Россия. Два года истекает она кровью. У нее русские генералы с помощью своих заграничных друзей отняли нефть и уголь. Ее лишили хлеба. В ее тело ежечасно и ежеминутно впиваются зубы международных разбойников. И всетаки, несмотря на все бедствия, твердо стоит на посту героический русский пролетариат. Все силы старого мира, все разбойники и палачи, все банкиры и социалпредатели соединили свои усилия против первой в мире пролетарской диктатуры: Вильсон и Деникин, Ллойд Джордж и римский папа, презренный Носке и Клемансо, фон-дер-Гольц и Падеревский, финские людоеды и румынские мошенники. И всетаки стоит у руля власти Российская Коммунистическая Партия,—наш славный передовой отряд.

В грязной травле против нее белогвардейцы всех стран соединяются вместе с господами Каутскими. Но рабочие знают цену их клевете. И повсюду, где только бьются честные революционные рабочие сердца, пролетарии идут под тем лозунгом, который два года тому назад выставили русские товарищи: **вся власть советам.**

Пролетарии...

Никогда еще не был натиск всесветной контрреволюции таким бешеным, как сейчас. Мировые разбойники напрягают последние силы, ведут азартную игру, ставят на карту все, чтобы задушить Россию и залить кровью рабочие кварталы. За то, что Россия первая подняла знамя Интернационала; за то, что она отдала фабрики и заводы рабочему классу; за то, что она поставила у власти рабочий класс; за то, что она отдала ему все богатства, какие еще не распродала и не расхитила империалистическая бойня; за то, что теперь рабочие—хозяева России, — за все это хотят убить на плахе русскую революцию господа империалисты.

Рабочие...

В великий день двухлетней годовщины поднимайте знамя вашего протеста против разбойничьего нападения на Россию. В день 7-го ноября пусть узнают Черчилль и Ллойд Джордж, что английские рабочие не допустят их провокаторской работы. В день 7-го ноября пусть знает палач Носке, что его махинации с Гольцем не суждено осуществиться. В день 7 го ноября пусть знает Клемансо, что не Клемансо будет казнить советскую республику, а что французский пролетариат покончит с Клемансо.

Товарищи... Пусть в день 7-го ноября демонстративной стачкой протеста выразит пролетариат свою волю...

Долой международных грабителей!

Долой блокаду России!

Долой интервенцию!

Долой союз европейско-американских бандитов с русскими монархистами!

Да здравствует братство пролетариев!

Да здравствуют международные Советы!

Председатель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала

Г. ЗИНОВЬЕВ.

ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ ЛЕВИНЭ.

От редакции. Коммунистический журнал „Интернационал", издававшийся в свое время Францем Мерингом и Розой Люксембург и закрытый полицией после выхода первого же номера, сн ва стал выходить с июня с. г. Из № 4 этого братского органа мы заимствуем приводимые здесь строки, посвященные памяти павшего в борьбе за коммунизм тов. Левинэ.

Опять мы стоим над свежей могилой. Каким отдаленным, бесконечно отдаленным кажется теперь то время, когда мы хоронили наших товарищей-борцов, павших первыми жертвами революции. Как далек, бесконечно далек теперь от нас тот тусклый ноябрьский день, в который мы провожали их до могилы. Они пали в открытом бою завидной смертью героев революции, пали без боли и страданий, как падают осенью листья с деревьев.

Но вот наступила зима. В эту зиму не белым снежным покровом оделась земля: снег окрасился в пурпур от пролитой человеческой крови.

Кровавые январьские дни, в которые сотни берлинских пролетариев были убиты из-за угла, в которые Карл Либкнехт и Роза Люксембург были убиты по приказу подлых трусов подлыми палачами... Смерть справляла свои дикие оргии по всей Германии, упиваясь пролетарской кровью в Бремене и в Брауншвейге, на Рейне и в Галле, в Силезии и в Центральной Германии: разнузданные, озверелые контр-революционные банды Носке покрыли позором всю Германию, с яростью уничтожая немецких рабочих.

И снова Берлин... На этот раз смертный жребий выпал не на долю сотен, как в мартовские дни, а на долю тысяч и десятков тысяч. „Вместе с виновными должны пострадать и невинные"! Этот принцип „великой" войны Носке провозгласил своим лозунгом в борьбе против германского пролетариата.

Тяжелые времена настали для германского рабочего класса. Он истекал кровью из тысячи нанесенных ему ран; казалось, что революция захлебнется в его крови.

Но как огонь вырывается языками пламени из под пепла, так революция все продолжала вспыхивать время от времени

Ибо пролетариат все продолжал учиться. Он на опыте узнал, что революция не делается одним молодецким наскоком, что революция это тяжелая, всеохватывающая борьба, грандиозная битва титанов; он начал понимать, что все спасение революции в сплоченности масс, воодушевленных идеей Советской Республики.

Эту истину о спасении революции провозгласил Евгений Левинэ, он провозгласил ее не в речах, не на словах — он запечатлел ее кровью своего сердца, пролитой за рабочее дело.

Когда в Мюнхене была признана идея Советов, он громко возвысил свой предостерегающий голос, указывая на то, что признание это не плод моральной победы масс, а лишь последняя уловка со стороны обанкротившихся вождей.

Он не побоялся насмешек и сарказмов, обрушившихся на него и со стороны этих вождей и со стороны одураченных ими масс.

И когда массы колебались, сбившись с дороги, он выступил вперед и указал им правильный путь, и, хотя он знал, что время для вступления на этот путь еще не настало и что тому, кто вступит на него, грозит верная смерть, он вступил на него, и умер смертью героя.

Военный прокурор посмел упрекнуть его в трусости; сам этот прокурор был одним из тех, что во время войны, сидя где-нибудь в штабе, в полной безопасности, посылали тысячи солдат на убой и за это потом удостоились железного креста за выказанную храбрость.

Правительство расстреляло его, „иностранца", то самое правительство, которое выпустило кровожадную свору негров на мюнхенских пролетариев.

Тело Евгения Левинэ им удалось схоронить в сырую землю.

Но идея, которая жила в нем и ради которой он жил, не умерла. Будящим набатом в ушах его друзей, внушающим ужас звуком трубы в ушах его палачей будут раздаваться его последние слова.

„Да здравствует мировая революция!"

К. В. И.

НИКОЛАЙ ТОЛМАЧЕВ.

На фронте смертью героя 28 мая этого года (в бою под деревней Красные Горы) погиб тов. Николай Толмачев. Только расстреляв все патроны, он отдал последнюю пулю себе, чтобы не сдаваться врагам.

Ему было всего 23 года. Юным студентом в 1913 году вступил он в ряды пролетарской партии. С тех пор он ни на минуту не покидал передовых позиций классовой борьбы. Он жил и рос в этой борьбе, отдавал ей все силы своей богатой натуры. Удивительно чутко умел он улавливать великий смысл этой борьбы и делать его близким тем, кому он говорил о ней, кого он звал на тернистый путь. Он был выходец из буржуазной семьи, но рабочим он был ближе, роднее многих своих. Его понимали с полуслова потому, что он говорил только то, что чувствовал, за что всегда готов был отдать свою жизнь без ропота, без упрека, без сожаления, — с радостным сознанием, что он отдает ее рабочему делу. В рабочем подпольи все хорошо знали тов. „Василия". Вечно бегал он с карманами битком набитыми прокламациями с явки на явку, с массовки на массовку. В 1916 году он уже был главным работником Исполнительной Коллегии Петербургского Комитета, — агитатором, организатором и редактором нелегального „Пролетарского Голоса". Война не застала его врасплох. Он был в числе немногих, которые сразу же пошли в рабочие массы с отрезвляющим, бодрым словом революционного призыва и протеста против войны.

Перед революцией и в бурные февральско-мартовские дни мой юный друг Коля весь с головой ушел в революционную стихию. На улице трещала ружейная стрельба, стрекотали пулеметы,— ломалось старое, улица звала, и Николай носился под ружейными выстрелами, как опьяненный новой радостью вольной жизни.

Революция победила монархию, но осталась буржуазия, — Коля опять стал пропадать по заводам, бегать по митингам и собраниям и собирать силы для новой борьбы.

21 апреля — провокационный вызов Милюкова. Передовые рабочие и солдаты требуют Советской власти. По улицам и площадям катится людская лавина: ряды рабочих, солдат: каждый завод со своей красной гвардией. Николай умудряется выступать чуть ли не через каждые пять минут...

После общепартийной апрельской конференции Коля едет на родной Урал. Там он уже работал — весной 1916 г. на Верхне-исетском заводе, под Екатеринбургом. Он совершает бесконечные паломничества по заводам, заброшенным в глуши. Везде — он свой. Ему верят. Знают, что он не изменит. Потом, — попадает в обывательский центр Пермь. Тут отчаянная борьба с соглашателями. Быстро он делается самым любимым оратором на солдатских митингах. Работает вместе с А. Г. Белобородовым в газете „Пролетарское Знамя". Октябрьская революция побеждает и в Перми. На короткое время Коля едет в Петроград, членом Учредилки от Урала. Снова возвращается — и сразу уходит комиссаром отряда в Оренбургские степи — на борьбу с контр-революционными бандами Дутова. Только что вернувшись с этого похода, он снова попадает на фронт — уже на войну с чехо словаками.

Тяжелая борьба. Урал истекает кровью. Коля — на фронте, Коля — на заводах: „Все силы на фронт!"... И пролетарские силы подтягиваются массами к фронту. Дни этой героической борьбы Уральских рабочих никогда не изгладятся из моей памяти. Эти дни — много месяцев! — я все время жил с Колей и научился его понимать.

Он часто говорил:

— Ты знаешь: мы не можем не победить!

— Победа наших врагов — смерть для всего человечества. В кровавой борьбе родится новое общество. Но оно рождается — крепкое и сильное, и оно победит смерть.

Армия росла, Коля проводил ее мобилизацию, работал, не покладая рук, над пересозданием партизанских отрядов в организованные, боевые полки. Он был всюду, где нужно было слово ободрения, твердая рука, непоколебимая воля.

Он поставил политическую работу в армии. Он работал в ее рядах, когда она отступала перед сильным врагом, но победа над Колчаком не далась бы так неожиданно скоро, если бы не было этой работы.

В марте он поехал на 8-й партийный с'езд представителем 3-й армии, оттуда Ц. К. отправил его в Петроград для агитационно-просветительной работы в Красной армии.

Недолго прожил он „на мирном положении" и с радостью бросился на фронт при первой вести об опасности Красному Петрограду.

Он умер, как честный солдат революции.

Красивая, дорогая пролетариату жизнь оборвалась в самом расцвете.

Его кровь стучит в наше сердце.

Его жизнь была непрерывной борьбой.

Его смерть — пламенный призыв к ней.

Г. САФАРОВ.

ЕВГЕНИЙ ЛЕВИНЭ-НИССЕН

П. ТОЛМАЧЕВ

АНГЛИЯ.

Борьба против интервенции.

Английское правительство издавна славилось своей благоразумной расчетливостью и демократической конституционностью: оно было честным приказчиком доверившей ему власть английской буржуазии.

Даже в начале „великой" империалистской войны, затеянной исключительно в интересах финансового капитала и магнатов тяжелой индустрии, английское правительство старалось еще, по возможности, экономить национальные силы и средства. Один из немецких адмиралов, у которых теперь отверзлись уста, адмирал фон-Шеер утверждает, например, что в первый период войны англичане свободно могли уничтожить весь германский флот, но они не захотели рисковать собственным флотом.

Однако, „аппетит приходит во время еды", и чем дальше развивалась мировая война, тем решительнее становилось английское правительство, все более освобождаясь от контроля даже того буржуазного „народа", волю которого выражает английский парламент.

С особенным бесстыдством это самодержавие английского министерства, творящего волю небольшой кучки крупных капиталистов, выразилось в его русской политике, и поэтому эта политика интервенции, вмешательства в русские дела, вызвала резкий протест со стороны буржуазных демократов Англии.

Среди застрельщиков в этой кампании против интервенции видное место занял орган английских радикалов „Daily Herald". Газета эта поместила целый ряд разоблачений о военных действиях англичан в Северной России. Так, в номере „Daily Herald" от 8-го сентября было напечатано письмо подполковника Шервуда-Келли, только что вернувшегося из Архангельска. Приводим это интересное письмо полностью.

Милостивый Государь, Господин Редактор!

Я только что вернулся из Северной России и считаю своим долгом довести до всеобщего сведения ряд фактов, до сих пор совершенно неизвестных в Англии.

Прежде всего, я должен заявить, что мною руководят не какие либо личные мотивы, а исключительно соображения общественного характера. Я отлично знаю, что мое выступление навлечет на меня служебные взыскания и неблагоприятно отразится на моей военной карьере, но я готов принять на себя все последствия этого шага, который диктует мне моя совесть и мой долг по отношению к родине.

Я поступил добровольцем в северно-русский вспомогательный отряд, будучи искренно уверен в том, что посылка этого отряда настоятельно необходима для того, чтобы можно было увести из России наши войска, доведенные до полного изнеможения ожесточенной борьбой в обстановке суровой полярной зимы.

Пространное официальное об'явление по поводу этой вспомогательной экспедиции внушило нам всем уверенность в том, что предполагается лишь решительно и окончательно ликвидировать военные операции на Севере России, и мы все очень гордились тем, что на нашу долю выпадет честь выполнения этой задачи. Мне было вверено командование 2-м батальоном Гемпширского полка, входившего в состав бригады генерала Грогана.

Как только я приехал в Архангельск — это было в конце мая — у меня с первого же дня создалось такое впечатление, что политика, проводимая в России нашими властями, не соответствует официальным заявлениям. Это впечатление усиливалось с каждым днем, и втечение июня и июля месяцев я, против собственной воли, вынужден был притти к следующим заключениям:

Войска вспомогательного корпуса, которые — как нас уверяли — предназначались исключительно для оборонительных целей, в действительности были использованы для наступательных операций в широком масштабе, на территории, уходившей далеко вглубь страны, причем операции эти составляли часть какого-то грандиозного военного плана, сущность которого от нас держали в тайне. Мой личный опыт убедил меня в том, что операции эти велись плохо и ни в военном и ни в каком другом смысле не могли способствовать оздоровлению английской политики по отношению к России. Они влекли за собой лишь бесцельные потери и причиняли страдания английским войскам, и без того уже принесшим неисчислимые жертвы во время великой войны.

Неожиданно для себя я увидел — теперь это известно всем и каждому в Англии, — что хваленая „лойяльная русская армия" в значительной своей части состоит из взятых в плен большевиков, переодетых в английскую военную форму, готовых каждую минуту восстать и представлявших для нас не меньшую опасность, чем открыто сражавшиеся против нас большевистские войска.

Правильность этого была самым трагическим образом доказана в июле, когда русские солдаты взбунтовались и перебили своих английских офицеров.

Далее я пришел к тому убеждению, что игрушечное правительство, посаженное нами в Архангельске, не пользуется ни доверием ни симпатией со стороны населения и, без поддержки английских штыков, не могло бы просуществовать и часа.

Вместе с тем, я увидел, что английские деньги текут здесь рекой и драгоценная жизнь английских солдат приносится в жертву ради оказания помощи этой никуда негодной армии и для поддержания этого никуда негодного правительства, и во мне созрело убеждение, что долг мой заключается не в том, чтобы способствовать этой ошибочной политике, а в том, чтобы разоблачить ее перед английским обществом.

Я прошу вас опубликовать это письмо, чтобы все в Англии узнали правду о положении дел в Архангельске и могли принять меры к исправлению наделанных ошибок.

Подп. Дж. Шервуд-Келли,
б. командир 2-го батальона
Гемпширского полка.

Разгадка тайного „грандиозного военного плана", о котором говорится в этом письме, не заставила себя ждать. В тот же день, когда было опубликовано приводимое выше письмо, парижский корреспондент „Westminster Gazette" сообщал о существовании тайного договора между Англией и „северо-западным русским правительством". По этому договору, подписанному в Ревеле английским генералом Гофом и Лианозовым, Англия обязывалась „всеми средствами поддерживать новое правительство в его борьбе против большевизма и в частности в его стремлениях, направленых к занятию Петрограда". За это „правительство" Лианозова соглашалось „признать особые интересы Англии на Балтийском море" и обещало „после падения Петрограда официально заявить о полном

отказе от преследования каких бы то ни было интересов в Персии".

Негодование английских радикалов по поводу этих разоблачений не знало границ. „Так вот за что должны погибать английские матросы в Балтийском море!" восклицал „Daily Herald". „Вот за что должны страдать матери и жены павших солдат!" „Ради позорной авантюристской войны с Советами м-р Черчилль легкомысленно приносит в жертву жизнь английских солдат, наши корабли и наши деньги!"

Вопрос о бесконтрольном и преступно-нелепом расходовании народных средств, ухлопываемых на русскую авантюру, особенно интересует английских радикалов. В письме в редакцию „Daily Herald", озаглавленном: „Прекратите войну с Россией!", некий А. Гаррисон, между прочим, пишет: „Правительство созналось недавно, что эта (интервенционистская) „политика" обошлась нам до сих пор в 70.000.000 ф. стерл. Но это передержка. В действительности, мы за все время с начала перемирия израсходовали на эту войну ок. 200.000.000 ф. стерл., т. е. ровно столько, сколько нам обошлась вся бурская война. Дело в том, что все малые народности, которые мы собираемся спасать, вооружая их для борьбы с большевиками, финансируются нами; затем в добавление к предположенному сначала санитарному кордону, мы основали северо-западную русскую „демократию", состоящую из латышей, литовцев, эстонцев, поляков, а также, очевидно, и некоторого количества немцев, — всех их мы вооружаем, кормим и снабжаем всем необходимым".

Останавливает на себе внимание английских демократов и этическая сторона вопроса об интервенции. Тот же А. Гаррисон пишет далее: „Эти вновь открытые народы — латыши, литовцы, эстонцы — требуют в награду за свое участие в борьбе с большевиками признания их независимости, но ни Деникин, которого мы поддерживаем, ни прочие русские империалисты и генералы не хотят и слышать об этой независимости. Таким образом, мы обманываем: 1) народы, которые мы финансируем; 2) русских, которым мы оказываем финансовую поддержку на юге; 3) казаков, которые думают, что мы хотим возродить великую Россию; 4) наш собственный народ, который под влиянием лживых росказней о жестокостях большевиков, верит в то, что этот крестовый поход служит какой-то высокой цели, достижение которой якобы необходимо для успеха борьбы за свободу всего человечества".

В одной из своих передовиц „Daily Herald" говорит: „Другие державы мало по малу совершенно прекратили военные действия против России. Одна только Англия продолжает напрягать все свои силы не только для уничтожения русских войск в открытом бою, поддерживая Колчака, Деникина, Юденича оружием, припасами, пушками и танками, не только расходуя миллионы фунтов стерлингов и сражаясь на суше и на море, — но также для того, чтобы морить голодом женщин и невинных детей посредством блокады. Во всей истории человечества не было более трусливого и чудовищно низкого преступления, преступления, которое было бы так дьявольски задумано и приводилось бы в исполнение с такой бесстыдной лживостью. Если английские рабочие примирятся с этим, ответственность падет и на них. Нам говорят, что большевики совершали зверства. Возможно. Но ведь зверства, совершаемые Маннергеймом, Деникиным и Колчаком, вопиют к небу. Поддерживать этих господ на том основании, что большевики совершают зверства,—лицемерие, граничащее с безумием". В другой статье газета пишет: „...Мы заставляем взятых в плен большевиков поступать в белую армию и сражаться против большевиков же, явно нарушая этим обычаи войны, и это кончается тем, что они устраивают восстания и убивают офицеров. Нам говорят об убийстве английских офицеров. Да, но их истинный убийца это наше правительство. Вся эта война на Севере России — сплошное убийство, и виновато в нем наше правительство... Да, вот какова политика нашего правительства! Империализм, борьба с социализмом... война, убийства, ложь. Неужели рабочие будут терпеливо сносить все это?"

Эти постоянно повторяющиеся призывы к рабочим доказывают, что радикалы отлично понимают, что единственная сила в обществе, могущая положить конец интервенции и империализму вообще, это рабочий класс. Мало того, они не закрывают глаз и на то, что средством для этого должно быть массовое выступление, „непосредственное действие" пролетариата.

В статье, посвященной предстоявшему тогда конгрессу тред-юнионов и вопросу о „непосредственном действии", „Daily Herald" писал: „... Противники непосредственного действия несомненно искренни. К ним принадлежат наиболее уважаемые вожди рабочего движения. Нам и в голову не может придти заподозреть чистоту их побуждений. Но мы позволим себе поставить им лишь один вопрос: допустим, что по всем важнейшим вопросам—о национализации, об организации производства и распределения, о прекращении иностранных войн—среди участников рабочего движения будет достигнуто полное единодушие, допустим далее, что нынешнее правительство—а в этом не может быть сомнения—окажется непоколебимым противником всех принятых по этим вопросам решений,—каким образом вы, не прибегая к непосредственному действию, проведете в жизнь эти решения?"

Призывая рабочих к массовым выступлениям, английские буржуазные демократы вместе с тем отнюдь не желают социалистической революции. Они хотят лишь заставить правительство отказаться от интервенции, принудить его к назначению новых выборов в парламент. Они надеются, что этот парламент даст стране новое „истинно демократическое" правительство, которое и т. д. Словом, они насквозь пропитаны мещанскими иллюзиями, но, по временам, и им, повидимому, вдруг становится ясно, что последовательный демократизм неизбежно ведет к коммунизму. Один из самых энергичных парламентских борцов против интервенции, „самый независимый человек в парламенте", как его называют радикальные газеты, полковник Дж. Веджвуд, когда речь его была прервана вопросом, почему, раз он так любит большевиков, он сам не присоединяется к ним, спокойно сказал: „Если дело дойдет до классовой войны, я буду на их стороне".

В рабочих массах движение протеста против интервенции началось уже давно, но для того, чтобы проследить развитие этого движения, необходимо различать два момента его: во первых, принципиальное отношение к интервенции и во вторых, тактическое отношение к ней, т.-е. вопрос о мерах борьбы с интервенционистской политикой правительства.

В принципиальном осуждении военного вмешательства в русские дела английске рабочие проявляют полное единодушие. Даже такой умеренный тред-юнионист, как Стюарт Бениинг, открывая 9-го сентября конгресс тред-юнионов в Глазго, в своей вступительной речи говорил: „Я надеялся, также как и все вы, что к этому нашему конгрессу всюду будет уже царить мир. К сожалению, эти надежды не оправдались, мало того—мы вовлечены в новую войну с Россией. Война эта в высшей степени непопулярна среди рабочих Англии, рабочие не раз уже выражали свои чувства по этому поводу, и если правительство и впредь не будет обращать внимание на это, то оно рискует тем, что дело примет весьма серьезный оборот".

Иначе обстояло дело с тактической стороной вопроса.

Вопрос о борьбе с интервенцией, как уже сообщалось в № 5 нашего журнала (стр. 758 „Англия"), был вместе с вопросом о непосредственном действии поставлен на голосование всех членов профессиональных союзов и рабочих организаций. Непосредственное действие, применение забастовки в политической борьбе, — это в настоящий момент основной вопрос всего рабочего движения в Англии. Признание этого средства борьбы будет означать коренной перелом движения, переход английского

рабочего класса от буржуазно-либеральной политики к революционной классовой борьбе. Это отлично понимают английские социал-предатели. Тов. А. М., автор упомянутой уже, помещенной в № 5 нашего журнала заметки, высказывал опасение в том, что эти „старые вожди" „сорвут забастовку, превратив ее в однодневную, демонстративную." Опасения эти оправдались в еще бо́льшей степени, чем ожидал т. А. М.: во-первых, социал-предатели сорвали самое голосование о борьбе с интервенцией и всеобщей забастовке, уговорив центральные комитеты Тройственного Союза прекратить голосование и отложить его до окончания глазговского конгресса тред-юнионов; затем, и перед конгрессом и на самом конгрессе они — особенно Гендерсон, Томас и Клайнс — повели усиленную агитацию против „применения экономических мер борьбы для достижения чисто политических целей", и, наконец, на конгрессе Томас Шоу, делегат союза текстильщиков, внес резолюцию, осуждающую политические забастовки. Резолюция была отвергнута большинством 2250 тыс. голосов против 2036 тыс. Однако, никакой резолюции противоположного характера не было принято конгрессом. Косвенным признанием принципа непосредственного действия было неутверждение отчета Парламентского Комитета. Против утверждения его было подано 2500 тыс. голосов, за — 1100 тыс. По русскому вопросу конгресс принял следующую резолюцию:

„Принимая во внимание общее желание всей страны и неоднократные заявления правительства во время последней избирательной кампании и до нее, — заявления, повторенные затем 22-го мая представителем правительства Бонаром Лоу при приеме им делегации от парламентского комитета тред-юнионов, конгресс поручает парламентскому комитету потребовать от правительства отмены закона о всеобщей воинской повинности и немедленного удаления английских войск из России. Если правительство этого не исполнит, то немедленно же должен быть созван специальный конгресс тред-юнионов для принятия решения о том, как следует поступить."

Таким образом, социал-предателям удалось отсрочить формальное признание необходимости применения революционных средств для борьбы с интервенцией.

Но прения, имевшие место на конгрессе в Глазго, вполне определенно показали, что большинство представителей английских организованных рабочих ясно понимает теперь, что с судьбой рабоче-крестьянской власти в России тесно связана судьба всего мирового пролетариата, и поэтому не может быть сомнения в том, что английский пролетариат не допустит удушения Советской России империалистами Антанты.

Ю.

Ирландия под английским игом.

Политика репрессий, применяемая капиталистическим и националистическим правительством Англии по отношению к несчастной Ирландии, не без основания сравнивается с приемами управления самодержавной России на окраинах и в покоренных областях. В Америке недавно был опубликован „Комитетом Ирландской Независимости" официальный отчет о положении дел на „Острове Зеленого Эрина". В отчете, составленном Франком П. Уолем и Э. Ф. Денном, приведены следующие факты, красноречиво свидетельствующие о режиме, поддерживаемом „демократической Англией".

Втечение последних месяцев не менее десяти граждан были убиты правительственными агентами. Виновники этих преступлений не понесли никакого наказания.

Сотни лиц, мужчин и женщин томятся в тюрьмах уже несколько месяцев, не имея понятия о том, в чем их обвиняют...

Пять человек умерло в тюрьме от побоев, нанесенных им тюремными надзирателями.

Гарантии свободы личности в Ирландии отменены. Непрерывно производятся обыски группами вооруженных людей, причем женщины и дети во время этих обысков зачастую подвергаются грубому и бесчеловечному обращению.

Дети лиц, заподозренных в республиканских симпатиях, насильно отбираются от родителей.

Пожилые почтенные женщины-ирландки совершенно беззаконно подвергаются аресту, высылаются или интернируются вместе с проститутками.

Принадлежащее республиканцам имущество расхищается, разворовывается, конфискуется. Некоторые республиканцы разорены окончательно.

Тысячи семейств лишились своих кормильцев, подвергнутых аресту или высылке, и принуждены жить подачками благотворительных обществ.

Множество ирландцев, мужчин и женщин, совершенно беззаконно, по одному лишь подозрению в сочувствии республиканскому движению, заключаются в тюрьму и высылаются, причем родные их иногда по целым месяцам не могут узнать, где они находятся.

Подробности режима, господствующего в английских тюрьмах, с трудом поддаются описанию. Питание нездоровое и недостаточное, сырость, теснота, холод в камерах такой, что стены зимой покрываются слоем льда. Побои, одиночное заключение, доводящее иногда арестантов до потери рассудка, лишение пищи и питья на несколько дней,— все это обычные явления...

Таковы прелести английского „порядка", господствующего в Ирландии. Карательные экспедиции, похищение детей, зверский режим „королевских темниц",—все эти ужасы средневековья восстановлены в наши дни джентльменами, стоящими во главе „самой демократической из всех стран мира"! Разумеется, эти преступления не могут долго оставаться безнаказанными. Эта политика репрессий, систематически проводимая уже втечение нескольких лет, привела к тому, что Ирландия сейчас находится в состоянии перманентной революции, и выходом из этого положения может быть или отказ английского правительства от этой политики — на что, впрочем, нет никаких оснований надеяться—или вооруженное восстание ирландского народа.

Отдельные вооруженные вспышки, устраиваемые ирландскими революционными националистами синн-фейнерами, говорит о том, что это восстание—дело ближайшего будущего. Беспорядки в Дерри (10—15 августа) и в Ульстере, уличные бои в Дендальке и Лисберне, нападение толпы на казармы в Теббене—по нашему мнению, весьма симптоматичны в этом смысле.

В. С.

ГЕРМАНИЯ.

Мировая война привела капитализм на край гибели. Одни и те же симптомы близкой смерти буржуазно-капиталистического строя обнаруживаются и в государствах победоносной Антанты и в странах, потерпевших поражение. Но нигде они не выступают с такой определенностью, как в Германии.

Государственное банкротство Германии неизбежно. Государственный долг достиг суммы в 200 миллиардов. На уплату одних процентов по этому долгу потребуется 10 миллиардов в год. Общая сумма ежегодных имперских расходов равняется 17½ миллиардов, а поступлений ожидается всего 7,6 миллиардов. Не хватает, таким образом, около 10 миллиардов. Ни к каким радикальным мерам, вроде аннулирования государственных долгов или конфискации частных имуществ, социал-предательское прави-

тельство Эберта прибегнуть не может. Его робкие намеки на то, что придется, пожалуй, обложить высоким налогом крупные состояния, привели к тому, что патентованные патриоты немецкого отечества, набившие себе карманы во время всемирной бойни, массами бросились прочь из этого горячо любимого отечества, увозя с собой награбленные капиталы. Это бегство капиталов, продолжающееся, несмотря на все запретительные меры, еще более усугубляет затрудненное финансовое положение правительства: во первых, от него ускользает, таким образом, наиболее крупный об'ект обложения; во вторых, усиленное предложение германской валюты за границей еще более понижает курс германской марки: к началу октября марка расценивалась на стокгольмской бирже по 16 эре, что составляет лишь 1/8 ее довоенной ценности. В этом отношении германская марка разделяет судьбу австрийской кроны, ценность которой упала до такой степени, что один пивоваренный завод в Швейцарии стал теперь, вместо этикетов, наклеивать на бутылки с пивом австрийские бумажки в 1 крону: этим достигается не только сенсационная реклама (завод называется „Корона“ — „Krone“), но и сбережение расходов, так как печатание одного этикета обходится в 10 сантимов, а австрийская крона стоит только 7½ сантимов.

Падение ценности денег об'ясняется, прежде всего, недостатком товаров. Между тем, в промышленности продолжает господствовать полнейшая разруха. Заводы и фабрики страдают от недостатка сырья и топлива. Для германской промышленности требуется 90 миллионов тонн угля в год, а Германия в настоящем году будет для этой цели располагать всего 13 миллионами тонн.

Это катастрофическое состояние народного хозяйства обрушивается всей своей тяжестью на плечи рабочего класса. Безработица и сейчас уже достигла колоссальных размеров: в одном Гамбурге более 60.000 безработных, а к зиме, по расчету буржуазных политико-экономов, число безработных во всей Германии должно дойти до 12—15 миллионов человек.

В разговоре с сотрудником копенгагенской газеты „Politiken“ некий Ю. Вест, „видный штутгартский политико-эконом и финансово-промышленный деятель“ в следующих словах охарактеризовал современное политическое положение Германии: „Наши правительства состоят из идеалистов, прошедших хорошую социальную школу, но страдающих близорукостью в практических вопросах политической экономии. Все эти вожди втечение десятков лет обещали рабочим, что они дадут им все, когда сами станут у власти. А теперь, когда они добились власти, они видят, что их идеальные планы экономически неосуществимы. Но теперь они не могут взять свои обещания назад, и нападки на них со стороны рабочих за то, что они не сдержали своих обещаний, с каждым днем становятся яростнее, недовольные рабочие все большими и большими массами переходят к спартаковцам“.

В переводе на обыкновенный человеческий язык это означает вот что: Эберт-Шейдеман-Носке, предательство которых по отношению к рабочим открыто признают даже буржуазные „финансово-промышленные деятели“, все циничнее осуществляют диктатуру буржуазии, а рабочие с каждым днем все решительнее порывают с социал-предателями и „все большими массами“ становятся под революционные знамена коммунизма.

Корреспондент шведской газеты „Aftonbladet“ сообщает по телеграфу из Берлина, что там 2-го октября состоялся ряд коммунистических демонстраций. На этот день было назначено 30 массовых собраний в различных частях города, но полиция заранее засела во всех помещениях, предназначенных для собраний. Рабочие, явившиеся на собрания, стали спокойно возвращаться по домам, но на Мюллерштрассе, в северном рабочем квартале Берлина, полиция арестовала председателя разогнанного собрания и еще двух рабочих. Из толпы раздались по адресу полиции крики: „Бандиты! Убийцы!“ Толпа состоявшая из 3—4 тысяч человек, хотела освободить арестованных. Полиция открыла огонь по толпе. Был убит один рабочий-металлист, и человек 10, из них 2 женщины,—ранены. Столкновения и демонстрации продолжались весь день. В „усмирении“ рабочих принимали участие войска и даже аэропланы—для разведочной службы.

Далее, скандинавские газеты сообщают о происходящей в Берлине „большевистской“ стачке металлистов, грозящей превратиться во всеобщую забастовку. Число бастующих металлистов к 6-му октября достигало 45 тысяч, кроме того, 67 тысяч рабочих других профессий вынуждены были вследствие забастовки прекратить работу. „Число рабочих-добровольцев“, прибавляет сообщающая эти сведения телеграмма, „возрасло до 11 тысяч. Они охраняются полицейскими отрядами“. Итак, „вожди германской социал-демократии“ не только расстреливают работниц, но и заботливо охраняют штрейкбрехеров!

Германская буржуазия, повидимому, очень признательна социал-палачам за их верную лакейскую службу: к ним на подмогу вступают теперь в министерство несколько представителей капитала, между прочим, и „сам“ Крупп-Видфельд. Какая честь для Эберта и Носке!

Вся эта компания капиталистов и их прислужников чувствует себя, однако, не совсем спокойно. В день первого заседания Национального Собрания в Берлине, здание рейхстага, в котором происходило заседание, по словам корреспондентов шведских газет, представляло из себя хорошо защищенную крепость. Ни публика ни дипломатические представители других держав не решились проникнуть в эту крепость, очевидно боясь оказаться в положении осажденных, вместе с „народными представителями“.

Германские коммунисты работают, не покладая рук. Выше мы уже говорили о массовых собраниях и забастовках, несомненно руководимых нашими германскими товарищами. Кроме того, они издают ряд подпольных газет. Летом легально выходил еженедельный журнал „Die Internationale“, основанный Розой Люксембург и Францем Мерингом. Первый номер, как известно, был конфискован. № 2—3 (двойной) вышел 30-го мая, № 4-ый—21-го июня. В этих номерах были помещены статьи Тальгеймера, Клары Цеткиной, Ленина.

Ю.

ФРАНЦИЯ.

В настоящее время Франция, повидимому, переживает один из тех периодов колебаний и внутренних волнений, которые обыкновенно предшествуют великим кризисам. Ратификация мирного договора парламентом не обошлась без резкой критики со стороны радикальных буржуазных партий и правого центра. Бывшие министры и кандидаты в министры — и Франклин-Буйон и Барту — сочли своим долгом с горечью подчеркнуть свое недовольство и свой пессимизм по поводу результатов Версальской конференции. И действительно, перед буржуазным парламентом встали вопросы мира, не менее угрожающие, чем вопросы только что закончившейся войны. Восстановление областей, перенесших неприятельскую оккупацию, и промышленности, пришедшей в расстройство вследствие слишком интенсивной работы на нужды войны, требует колоссального труда; безработица, дороговизна жизни, брожение в рабочих массах, — все это в высшей степени усложняет положение в стране, которой угрожает ужасный финансовый кризис. Пока что правительство не скупится на обещания.

По словам министра финансов Клотца, Германия должна уплатить союзникам кругленькую сумму в 1963 миллиарда, причем Франция требует, чтобы в первую голову была выплачена ей ее скромная доля, составляющая 463 миллиарда... Все будет хорошо, если только народ согласится терпеливо ждать до тех пор, когда выпадет

эта небесная манна. Но согласится ли он ждать? Вот вопрос.

В действительности, во Франции стоит сейчас у власти националистическая буржуазия. Правительство Клемансо продолжает эволюционировать вправо. В то время как экономическое и финансовое положение страны становится все серьезнее и вместе с тем неизбежно обострится классовая борьба, старик Клемансо (бывший некогда редактором радикально-социалистической газеты „l'Aurore") поет дифирамбы духовенству, епископы и генералы торжественно освящают мощи Вердена, и правительство возвещает о предстоящем назначении в сенат ряда маршалов и генералов, ярых националистов и „добрых" католиков. В известных буржуазных кругах шовинизм дошел до таких степеней нелепости, что студентам лиги „Action française" удалось, например, добиться со стороны парижского префекта запрещения концерта, на котором должны были исполняться произведения Вагнера!

Можно без всякого преувеличения сказать, что реакционность и продажность это—главные характерные черты французских правящих сфер. К многочисленным судебным процессам по обвинению в измене, выплывшим наружу втечение последнего года, теперь прибавился еще один: дело бывшего редактора газеты „l'Eclair", Жюдэ. Жюдэ пользовался большой популярностью при самых ультра-патриотических министерствах и принадлежал к числу тех, кто требовал продолжения мировой бойни во что бы то ни стало. А теперь он обвиняется в том, что и он не побрезговал „прикоснуться" к немецкому золоту.

Но это бесшабашное господство буржуазии имеет и свою хорошую сторону: оно вернее, чем всякий другой режим, раскрывает глаза трудящимся и угнетенным, заставляя их готовиться к борьбе. Симптоматична в этом отношении картина современного рабочего движения во Франции, характеризуемая непрекращающейся забастовочной агитацией и успешной борьбой революционных элементов с элементами умеренными. В об'единенной Социалистической Партии все ярче становится тяга влево, принимающая подчас довольно неприятные формы для бывших партийных вожаков. Федерация Сены решила не выставлять на предстоящих выборах кандидатуры депутатов Некту, Дежанта и Розье, отличившихся своим шовинизмом. XIII-ая секция постановила исключить из партии депутата Наварра, который тщетно уверял в своем глубоком раскаянии... Подобная же судьба грозит целому ряду других социал-патриотов. Те, чьими представителями эти господа якобы были, не желают больше таких „представителей"! Французский пролетариат начинает, наконец, удалять из своей среды политических ренегатов, обуржуазившихся социалистов, депутатов — любителей казенного пирога. Все эти господа — Андре Лебе, Компер-Морель, Юбер Руже, Бедус, Эллен-Прево, Ориоль, Вуало и пр. пр.—еще до выборов забаллотированы уже (или на днях будут забаллотированы) своими избирателями—социалистами... Вопрос об исключении из партии Альбера Тома обсуждался на конгрессе Федерации Сены, и хотя формально постановление об исключении не было принято, так как колеблющиеся элементы центра и на этот раз уклонились от принятия решительных мер, но фактически бывший министр Тома давно уже не принадлежит к партии в глазах тех, для кого социализм не пустое слово. Прием, оказываемый ему на массовых собраниях, не оставляет ни малейшего сомнения в этом.

В таком же положении оказываются и обуржуазившиеся деятели профессионального движения, как например Жуо, ничтожный успех которого на конгрессе окончательно бледнеет при свете того, что сейчас происходит в области рабочего движения. Забастовка портовых рабочих в Марсели, забастовка работников зрелищ в Париже, забастовка водопроводных служащих в окрестностях Парижа, забастовка транспортных и дорожных рабочих в Эльзасе, упорная забастовочная агитация почти во всех отраслях промышленности, — вот итог последних двух месяцев. Даже благоразумный „Figaro" требует пересмотра права стачек и запрещения стачек чиновникам... В ответ на забастовку работников зрелищ хозяева кинемо-театров и кафе об'явили локаут; нередко на забастовки буржуазия отвечает еще более резкими мерами, так в Компьене, 3-го августа, местный командующий войсками запретил конференцию железнодорожников, почтовых служащих и строительных рабочих... И это в мирное время, в демократической Франции! Меры эти не останавливают однако стремлении рабочих к организации. Так, несмотря на все хитроумные уловки и репрессии, почтово-телеграфные служащие об'единились в „Почтовую Федерацию", одним из вождей которой является левый социалист, тов. Тьерри, выставляющий требование немедленной социализации крупных промышленных предприятий.

В то же время мыслящая часть французского народа обнаруживает все более ясное понимание проблем революции. Анри Барбюсс, в котором умеренный социализм уживается с большим гражданским мужеством, поместил на днях в „l'Humanité" красноречивый манифест, озаглавленный „Мы обвиняем!" подобно знаменитому „Я обвиняю" Золя. В этом воззвании Барбюсс, решительно становясь на сторону русской революции, обвиняет французскую реакцию в намерении удушить русскую Коммуну. На с'езде преподавателей в Туре революционность умственных работников нашла себе весьма интересное выражение. Очень оживленно обсуждался на с'езде вопрос о третьем Интернационале. Докладчик Боне закончил свой доклад призывом ко вступлению в III-й Интернационал. Лорно привел в своей речи целый ряд веских аргументов в пользу пролетарской революции. „Настоящий момент особенно благоприятен", говорил Лорно, указывая на важную роль смелого меньшинства в деле ускорения хода событий. Отметим, кстати, полный провал Национально-Социалистической Партии, основанной шутом, до хрипоты кричавшим о победе (Г. Эрве); ораторы этой партии (Зевaес, защищавший убийцу Жореса, в роли вождя пролетариата!) вынуждены упражняться в красноречии перед рядами пустых стульев...

В Эльзас-Лотарингии под тяжестью военно-полицейского сапога все сильнее развивается революционное брожение. После высылки рабочих-немцев с их семействами, после стачек, особенно после стачки в поташных копях, положение обострилось настолько, что французские власти в Мюльгаузене нашли нужным об'явить осадное положение, запретить сборища, состоящие более, чем из трех лиц и т. д. и т. д. Славно живется освобожденным эльзасцам! Рабочие и в Эльзасе, как и во всех других странах, начинают теперь правильно оценивать все прелести буржуазной демократии „в мирное время."

* * *

Сторонники интервенции потерпели во Франции решительное и бесповоротное поражение. Советская власть завоевала симпатию к себе не только среди сознательных верхушек пролетариата, но и в широких рабочих массах. Кроме того, и солдаты не желают больше воевать, особенно ради „восстановления порядка"... Но среди ренегатов русской революции есть суб'екты, нападающие на большевизм с какой-то болезненной яростью, которая была бы отвратительна, еслибы она не была так смешна. Мы говорим о Бурцеве и его „Общем Деле" („la Cause Commune"), грязном общем деле кучки трусливо скрывающих свои имена финансистов. Пароль, провозглашенный теперь Бурцевым, звучит очень гордо: на Петроград! Результаты последних социалистических конгрессов (Люцернского, конгресса Федерации Сены и пр.) очевидно не вполне удовлетворяют г. Бурцева, который дошел до того, что он упрекает „Лонге, Кашена, Гендерсона, Гильфердинга, Аллера, Ренodеля и Церетелли в том, что они идут по стопам Ленина" (!) „Все они вполне сознательно из расчета стали знаменосцами толпы, ее рабами, с трепетом боящимися ее немилости" (!!) Мы особенно подчеркиваем это, забавное по своей форме признание „известного наблюдателя общественной и

в том, что большевизм делает все бóльшие и большие успехи в социалистических кругах („Cause Commune" от 16-го августа). И этот ничтожнейший из лакеев буржуазии берется осведомлять парижскую публику о событиях в России. И вот как он осведомляет: в июле месяце он помещает телеграмму из Омска о том, что „большевики истребляют поголовно все башкирское население". „Троцкий стал пессимистом, Красная Армия приводит его в отчаяние..." „Петроград, всех жителей которого ожидает верная смерть, сам упадет в руки белых, как спелый плод"... Печатать все это в Париже, который считается самым просвещенным городом мира, в то самое время, когда башкиры защищают Петроград, когда Красная Армия победоносно сражается на четырех громадных фронтах и Петроград одним героическим движением отбрасывает прочь белые банды, это — верх наглости! Но вот в заметке, носящей заманчивое заглавие „Донецкий уголь", мы находим разгадку того, для чего и для кого выворачивается на изнанку этот гнусный лакей. Он предлагает некий „обмен": „Дадим нашим союзникам, истинно русским людям, предметы военного снаряжения, изготовляемые нашими заводами, а они, взамен этого, дадут нам уголь, в котором мы так нуждаемся". Поистине цинизм этих господ не знает пределов!

В. С.

АМЕРИКА.

Беспокойство буржуазии.

Богатая и победоносная Америка охвачена беспокойством. Господствующие классы во время войны не думали ни о чем другом, кроме собственного обогащения. Теперь им приходится пожинать плоды своей политики, продиктованной манией величия. За пределами Америки перед ними встает целый ряд запутанных международных вопросов, настоятельно требующих разрешения, а в самой стране нищета масс и все ухудшающееся положение рабочего класса ставят ребром грозный социальный вопрос. Лиге Наций, изобретенной Вильсоном, очевидно, суждено стать международным корпусом жандармов для борьбы с революцией. Сенатор Джонсон, при нескрываемом одобрении нью-йоркского населения, не раз уже указывал на непосредственную угрозу новых войн. Сенатора Джонсона никто, конечно, не заподозрит в сочувствии большевизму. И тем не менее, вот как он отзывается о Лиге Наций: „Речь идет не об основании лиги наций против войны, напротив того: лига эта должна быть своего рода колоссальным военным трестом... Она уже посеяла зародыши новых ужасных войн... Она, при помощи ужасных, невиданных доселе средств, устанавливает и санкционирует господство насилия". „И вот, в интересах этой лиги, Соединенным Штатам хотят навязать роль международного полицейского!" восклицает далее сенатор Джонсон. „Если в Ирландии, имеющей неоспоримое право на независимость вспыхнет революция, то параграф 10-ый устава Лиги Народов обязывает нас способствовать подавлению этого вполне законного восстания!" говорит в свою очередь сенатор Бора, указывая на то, что, по его мнению, долгом американцев было бы — как раз наоборот — оказать поддержку маленькому народу, отстаивающему свои права... Таким образом, самые чистокровные представители американской буржуазии открыто выражают убеждение в том, что основатели Лиги Наций стремятся воскресить Священный Союз монархов старой Европы. Филадельфийский профессор Рессель Смис с такой же откровенностью подчеркивает экономическую сторону вопроса. „Могущественные группы французских, английских и американских капиталистов организуются для того, чтобы безраздельно господствовать над всеми рынками. Это самый ужасный империализм. Рано или поздно вопрос будет поставлен так: война или полное отсутствие свободы торговли". Джон А. Стьюард предсказывает неизбежность сближения между Россией и революционной Германией и наступление „мира постоянно прерываемого новыми и новыми войнами..." Итак, американский капитализм, самый юный из всех, самый энергичный и агрессивный, находясь на вершине своего могущества, отлично сознает угрожающую ему опасность. Он носит в себе зародыши своего собственого разрушения и смерти.

Экономический кризис.

Достаточно двух-трех штрихов для того, чтобы набросать картину господствующего сейчас в Америке тяжелого экономического кризиса. „Угольный кризис угрожает Нью-Иорку неслыханной катастрофой", заявляли в печати (газета „New-York Tribune") специалисты этим летом. Было высчитано, что на зиму, даже при доведении расхода топлива до минимума, не хватит 40.000 тонн (ок. 2.500.000 пуд.) угля. Промышленный кризис при таких условиях неизбежен. Причинами угольного голода являются война и массовый от'езд живших в Америке европейских рабочих на родину.

Условия существования рабочего населения Нью-Иорка ухудшились до такой степени, что это внушает беспокойство даже буржуазным исследователям... В отчете Нью-Иоркского Департамента Здравоохранения (New-York Board of Health) мы читаем следующие строки:

„Положение настолько серьезно, что из каждых пяти детей в Нью-Иорке трое оказываются больными от недоедания, причем один из них почти безнадежен".

В связи с этим ограничимся указанием на размеры прибылей, полученных некоторыми группами промышленников. По сведениям газеты „New-York American", основанном на данных о налогах и пошлинах, 82 группы, до войны получавшие чистую прибыль в сумме 325.000.000 дол., в 1916 году получили более миллиарда, а в 1917 году 975.000.000.

Альфред У. Мак-Кенна, известный специалист по продовольственному вопросу, обвиняет судебные власти и правительственные продовольственные органы в сотрудничестве с „мародерами". Что-же? Это весьма правдоподобно.

Повышение цен на такие продукты, как свиное сало, конденсированное молоко, масло, искусственно вызвано торговыми трестами, которые продают эти же продукты заграницу по половинной цене (сало, например, за которое американскому потребителю приходится платить 60 центов за фунт, продается английскому правительству по цене 33 цента за фунт).

Даже некоторые крупные органы американской буржуазной прессы заявляют теперь, что единственным выходом из создавшегося положения может быть социализация наиболее важных отраслей промышленности. Но эта социализация может быть осуществлена лишь пролетарской революцией, и массы с каждым днем все яснее начинают понимать это.

Революционное движение.

12-ый очередный с'езд W. I. I. U. (Workers' International Industrial Union — Международный Индустриальный Рабочий Союз, раньше называвшийся I. W. W. — „Индустриальные Рабочие Мира"), происходивший недавно в Нью-Иорке, выразил свое безграничное восхищение перед русской революцией и принял вполне коммунистическую программу для дальнейшей работы.

Доклад тов. Г. Рихтера, единогласно одобренный с'ездом, заключал в себе, между прочим, следующие положения.

„Пролетариат должен установить свою диктатуру, подобно тому, как буржуазия в настоящее время осуществляет свою." По словам Г. Рихтера, I. W. W. гордится тем, что она всегда проводила большевистскую тактику. „Американские рабочие — сказал он далее — должны усвоить себе диктуемые этой тактикой способы борьбы".

В письме одного из наших американских товарищей, помещенном в настоящем номере „Коммунистического Интернационала", приведены подробные сведения о коммунистическом движении в Соединенных Штатах. Мы же укажем здесь только 1) на непрекращающиеся стачки в промышленных центрах, 2) на преследования активных революционеров, 3) на частые покушения, устраиваемые анархистами (или так называемыми анархистами) и 4) на весьма характерный факт мобилизации всей полиции ко дню Национального Праздника. Даже „патриотизм" чувствует себя теперь в безопасности только под защитой полицейских револьверов.

Борьба с большевизмом.

В Америке была образована специальная комиссия, так называема Комиссия Лоска, для борьбы с большевиками и левыми социалистами вообще. Главными очагами большевистского движения считаются социалистическая школа Ренд Скул в Нью-Иорке и школа Феррера, колония которой находится в Стельтоне (в Нью-Джерсее). Комиссия наделала не мало шума своими мнимыми разоблачениями о деятельности представителя Советской России в Америке, товарища Мартенса, и секретаря нью-иоркского Советского Бюро, т. Сантерио Нуортевы, которого комиссия обвиняла в том, что он поддерживает денежными средствами революционную пропаганду в Америке. По настоянию председателя комиссии, сенатора Клайтона Р. Лоска, целый град административных и полицейских преследований обрушился на наших товарищей во всех крупных городах Соединенных Штатов. Другой сенатор, П. Гарван, тоже призывает власти к борьбе с красной опасностью, требуя высылки анархистов и большевиков. По его предложению сенат ассигновал 2.000.000 долларов в распоряжение министерства юстиции специально для борьбы с революционными покушениями и преступлениями.

Торговый и Рабочий Совет в Монреале (Канада)— Montreal Trades and Labor Council, — встревоженный успехами революционной пропаганды, обратились к буржуазным американским партиям с просьбой оказать ему содействие в борьбе с революционным движением. Содействие это, безусловно, будет ему оказано.

Опыт буржуазного социализма.

Американские газеты за последнее время очень много писали о „Беспартийной Лиге" (Non-partizane League) в Северной Дакоте и ее председателе, фермере Тоунлее, которого они обвиняют в большевистских приемах организации. „Он сделался неограниченным диктатором Лиги, пишет „Нью-Иоркская Трибуна", благодаря собственному личному влиянию, а также благодаря советской системе представительства. Но класс, организованный Тоунлеем, представляет собой не массу пролетариев, а группу земельных собственников-фермеров. Таким образом, мы наблюдаем здесь лишь любопытную попытку применения методов и принципов социализма в среде сельской буржуазии Соединенных Штатов. Беспартийная Лига является господствующей организацией в штате Северная Дакота. Ее контролю, проводимому в строго классовом духе, подчинена вся пресса и все школы в штате, ею ведется широкая массовая агитация. В ее программу входят пункты о немедленном устройстве единого государственного банка, общественных хлебных амбаров, мельниц, элеваторов.

До сих пор Тоунлей прибегал исключительно к мерам, носящим вполне законный характер. Да и вообще этот „государственный социализм", имеющий целью увеличение барышей фермеров, разумеется, нисколько не угрожает существующему в Америке социальному строю: он оставляет ведь неприкосновенной систему наемного труда, с вызываемой ею нищетой неимущих рабочих масс в городе и деревне, ограничиваясь лишь устранением конкуренции между фермерами, и его конечной целью является усиление и упорядочение капиталистической эксплуатации. Но вместе с тем, противники Лиги не без основания видят в ее деятельности косвенное признание организаторской силы социализма.

В. С.

Содержание 6-го номера.

стр.

Л. Троцкий. Октябрьская революция 773
А. Иоффе. Первое пролетарское правительство . . 777
Г. Зиновьев. Русская революция и международный пролетариат 781
Ж. Садуль. Дух революции 793
А. Гильбо. Влияние октябрьской революции на французский пролетариат 795
А. Балабанова. Октябрьская революция и политические забастовки в Западной Европе 799
К. Тимирязев. Русский англичанину об интервенции. 811
Г. Чичерин. Международная политика двух интернационалов 817
Н. Рязанов. Основание Первого Интернационала . 829
Ф. Кон. Polonia militans 839
С. Ю. Ретгерс. Лига Наций и малые народы. . . 843
Ю. Мархлевский (Карский). Польша и мировая революция 847
М. Томский. Очерки профессионального движения в России (продолжение) 859
А. Луначарский. Народное образование в Советской России. 869
Н. Крестинский. Потребительская кооперация в России 873
Л. Крицман. Самодержавие пролетариата на фабрике 881
Н. Ленин. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата. 889
Ф. Лорио. Революция или эволюция 897

Корреспонденции Коммунистического Интернационала.

Дж. Уолтер. Письмо из Америки 901

Документы Интернационального Коммунистического Движения.

Н. Ленин. Привет итальянским, французским и немецким коммунистам 907
Резолюция Болонского С'езда Итальянской Социалистической Партии 915
Основание Коммунистической Партии в Америке (речи тт. Райта и Зиновьева). 917

Из деятельности Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.

К пролетариям всех стран 923

Герои и мученики пролетарской революции.

К. В. И. Памяти Евгения Левинэ 925
Г. Сафаров. Николай Толмачев. 927

Отчеты и Хроника.

Ю. и В. С. Англия 929
Ю. Германия. 934
В. С. Франция 936
В. С. Америка 939

Иллюстрации: между стр. 832—833: Карл Маркс; между стр. 904—905: Американские коммунисты; между стр. 928–929: Евгений Левинэ-Ниссен, Н. Толмачев.

ОПЕЧАТКА: на стр. 789, 20-ая—21-ая строка сверху, следует вычеркнуть слова: Фридрих Адлер в Австрии.

Типография Кюгельген, Глич и Ко., Птгр., Екатерингофский просп., 87.

9

Цена 20 руб.